КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1894 г.

АПРЕЛЬ

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

ВЪ РЕДАКЦІИ

„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ"

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ.

	Руб	Коп.
1) Первые четыре года ссылки Шевченка **Проф. Н. И. Стороженка.** Цѣна.	—	15
2) Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву **И. Каманина.** Цѣна.	—	50
3) Аврамъ Езефовичъ Ребиковичъ, подскарбій земскій, Членъ Рады Великаго княжества Литовскаго. (Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI в.). **Проф. С. А. Бершадскаго.** Цѣна.	—	75
4) Дневникъ генеральнаго подскарбія **Якова Марковича** (1717—1767 гг.). Изданіе „Кіевской Старины" подъ редакціей **А. М. Лазаревскаго.** Часть I. (1718—1725). Цѣна.	1	—
5) Обзоръ фонетическихъ особенностей Малорус. рѣчи. **В. П. Наумекка.** Ц.	—	60
6) Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Г. Ѳ. Квитки. **В. П. Наумекка.** Ц.	—	45
7) Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Наумекка.** Цѣна.	—	20
8) **А. Андріевскій.** Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевск. Губ. Правленія. Вып. 2—10 (перваго выпуска въ продажѣ нѣтъ). Цѣна за каждый выпускъ.	—	50
Выписывающіе разомъ всѣ 9 выпусковъ уплачиваютъ 4 рубля и пользуются безплатной пересылкой.		
9) **А—ръ.** Г. Ф. Квитка (Основьяненко), біографическій Очеркъ. Цѣна.	—	15
10) **И. Лучицкій.** Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Цѣна.	2	—
11) Рабство и русскіе рабы во Флоренціи. **И. Лучицкаго.** Цѣна.	—	50
12) **Его-же.** По поводу дрогичинскихъ древностей. Къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ с.-з. и южной Русью. Цѣна.	—	50
13) **Его-же.** Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современой Италіи Ц.	—	50
14) **Его-же.** Очерки по экономической исторіи Европы. Вып. I. Населенность городовъ XIV и XV в. Цѣна.	—	50
Вып. II. Рабочее населеніе и экономическая политика городовъ въ XV и XVI вв. Цѣна.	—	50
15) **Описаніе Старой Малороссіи.** Матеріалы для исторіи землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. **Томъ первый. Полкъ стародубскій.** Кіевъ. 1889. Цѣна съ пересылкою.	3	—
16) **Тоже. томъ второй. Полкъ Нѣжинскій.** Кіевъ 1893. Цѣна съ пересылкою	3	50
16) **Списки Черниговскихъ дворянъ 1783 г.** Матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства. Изд. Ал. Лазаревскаго. Черниговъ. 1890. 186 стр. Цѣна съ пересылкою.	1	—
17). Библіографическій указатель Кіевской Старины (первое десятилѣтіе 1882—1891 г. г.) Цѣна.	—	75

Жена Палѣя.

ВОСПОМИНАНІЯ ЕГОРА ѲЕДОРОВИЧА ТИМКОВСКАГО.

(*Окончаніе*)[1]).

Искусства изящныя, не знаю почему, остались для меня неразгаданною тайною, къ живѣйшему моему сожалѣнію. Поэтомъ я не родился: это уже рѣшено, для чего же не учили меня живописи, обильнѣйшему источнику прочныхъ наслажденій?— За какіе грѣхи первую ноту на скрипкѣ я долженъ былъ вытягивать подъ вліяніемъ тяжелаго смычка нашего учителя— Баранова, съ огромной бородавкой на лѣвомъ вискѣ, въ досадѣ иногда бившаго тактъ даже по моимъ нѣжнымъ пальцамъ, и своимъ готическимъ вкусомъ удалившаго меня на всегда изъ высокаго міра сладкой мелодіи. Слухъ мой былъ не совсѣмъ азіатскій, то-есть козлогласный; я любилъ и понималъ гармонію; украдкою пробирался въ высшій музыкальный классъ послушать учителя Рачинскаго, славившагося тогда въ Москвѣ своею игрою на скрипкѣ, и разыгривавшаго русскія пѣсни съ неподражаемымъ, упоительнымъ искусствомъ. Восхищался я часто и смычкомъ его ученика въ университетской гимназіи Рахманова, который, какъ Орфей, двигалъ сердцами всѣхъ, и товарищей и учителей, такъ что сіи за его плѣнительную игру охотно все ему прощали. По субботамъ, вечеромъ, съ истиннымъ удовольствіемъ я присутствовалъ бывало и на квартетахъ старшихъ учениковъ или студентовъ.

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 3.

На такихъ же вечерахъ, зимою о святкахъ, играемъ бывало въ фанты, или представляемъ тѣпями Мельника и другія оперы и комедіи; ибо ученикамъ не позволяли ходить въ театръ. Къ танцамъ я не чувствовалъ въ себѣ врожденной охоты; не имѣя же сначала въ Москвѣ знакомства съ семейными домами, я не могъ видѣть тому примѣра. Нашъ танцмейстеръ Морелли, старинный служитель московской Терпсихоры, подъ свинцовою тяжестію шестидесяти или болѣе лѣтъ, очень медленно таскаетъ, бывало, хрупкія свои ноги и томитъ юношескій духъ всего болѣе павлиными менуетами. Такой учитель погашалъ самую пылкую страсть къ танцамъ, а подъ конецъ сдѣлался игрушкою болѣе смѣлыхъ учениковъ и студентовъ, которые въ быстромъ вальсѣ, какъ нѣкія вакханки не разъ хоромъ восклицали подъ тактъ музыки „а у Морелли ноги подгорѣли!“—Съ большимъ удовольствіемъ я заглядывалъ въ классъ фехтовальный, чтобы посмотрѣть на единоборство старшихъ студентовъ, подвизавшихся храбро съ тупыми рапирами и эспадронами по наставленію г. Севенара, бывшаго, можетъ быть, до революціи французской, гренадеромъ въ королевской гвардіи, высокаго, дороднаго, съ черными густыми бровями и большими глазами. Величественная и вмѣстѣ воинственная фигура его, когда бывало онъ выпадетъ съ эспадрономъ въ рукѣ въ позицію на противника, воскрешала въ памяти моей какого нибудь маршала Тюрреня, Конде и т. п.

На другой годъ по моемъ вступленіи въ университетъ, праздновали юбилей, то-есть 50 лѣтъ его существованія. Торжество великолѣпное, при многолюдномъ стеченіи знаменитостей московскихъ, украшенное стройными хорами Данилы Кашина, кои превосходно пѣли университетскіе пѣвчіе съ аккомпанировкою прекрасной музыки графа Ал. Кир. Разумовскаго,—все это восхитило меня до небесъ.

Потомъ еще черезъ годъ, то-есть въ 1806 г. послѣ строгаго экзамена, я произведенъ въ дѣйствительные студенты университета.

Взгляните на этого 16-лѣтняго юношу въ день университетскаго годичнаго собранія. Съ какимъ радостнымъ трепе-

томъ принимаетъ онъ изъ рукъ своего ученаго начальника маленькую шпагу. Онъ уже *офицеръ*—важный человѣкъ въ нашей географической долготѣ и широтѣ. Онъ близокъ къ совершенолѣтію, и какъ сильно бьется его сердце, какой румянецъ играетъ на его полныхъ щекахъ. Словомъ сказать: это молодой студентъ!—Онъ во цвѣтѣ лѣтъ, во цвѣтѣ радостей и надеждъ своихъ. Многочисленное стеченіе особъ всякаго званія и чина, всякаго возраста и пола, въ ту незабвенную минуту поражаетъ его своимъ разнообразіемъ, оглушаетъ веселымъ говоромъ, ослѣпляетъ радужнымъ блескомъ. Море житейское разстилается передъ глазами молодого человѣка. Онъ стоитъ въ мирной пристани наукъ; на все взираетъ сквозь свѣтлую призму добродушной неопытности, и только готовится еще запастись всѣми потребностями къ предстоящему плаванію по морю, которое такъ часто воздымается напастей бурею.—О, юноша!—Помедли въ сей блаженной храминѣ, подъ крыломъ твоихъ добрыхъ наставниковъ, въ тѣсномъ кругѣ твоихъ товарищей—друзей. Но твоя душа сгораетъ нетерпѣніемъ; любопытство подстрекаетъ тебя скорѣе вкусить изъ тяжелой чаши свѣтскихъ наслажденій и скорбей. И такъ, собирайся въ путь, предназначенный для тебя въ неисповѣдимыхъ судьбахъ провидѣнія. Исполненный такихъ чувствованій, я началъ посѣщать университетскія лекціи профессоровъ, русскихъ и нѣмцевъ, людей съ глубокою ученостію. По преданію, или по какой-то симпатіи, были между ними наставники—наши любимцы, которыхъ мы почти боготворили, не менѣе стародавнихъ учениковъ блистательнаго Платона, достойнаго ученика Сократова, или геніальнаго, свѣтскаго Аристотеля, законодателя всѣхъ наукъ, коего произведенія, основанныя на опытности, составляли нѣкогда единственное чтеніе царей.—Къ другимъ (Богъ да проститъ имъ и намъ) являлись мы въ классы по долгу ученической исправности, для исполненія предписаннаго начальствомъ годичнаго учебнаго курса. И могъ ли молодой студентъ охотно вступить въ храмъ философіи, когда какой нибудь N N, отверзавшій двери онаго дрожащею рукою, въ треволненномъ изъясненіи своего предмета, не такъ то близко ему знакомаго, опрокинулся со стуломъ

на полъ съ высокой каѳедры, при язвительной улыбкѣ слушателей. Къ сугубому уничиженію, на другой день, на той же каѳедрѣ, къ свѣдѣнію самого г. преподавателя, явилась довольно пошлая эпиграмма въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

„Профессоръ NNN философъ между нами;
Чтобъ это доказать, стоялъ здѣсь вверхъ ногами".

Съ другой стороны, въ челѣ наставниковъ первой категоріи, я доселѣ съ признательностью почитаю профессора физики П. И. Страхова, получившаго превосходное образованіе въ заграничныхъ университетахъ и особенно въ Парижѣ, потомъ профессора русской словесности А. Ф. Мерзлякова, любимаго поэта тѣхъ временъ, а равно профессора латинской и греческой словесности П. А. Сохацкаго. Къ нимъ, по всѣмъ правамъ, долженъ быть причисленъ профессоръ статистики И. А. Геймъ, читавшій лекціи свои хотя и неправильнымъ русскимъ языкомъ, какъ иностранецъ, но всегда умно и привлекательно. Между Нѣмцами я уважалъ болѣе всѣхъ ученаго и отмѣнно добраго профессора практической или нравственной философіи Рейнгарда и Буле, профессора логики и метафизики, исторіи, философіи и проч.

Не берусь произнести оцѣнку моимъ наставникамъ въ частности. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою мѣру знаній, свои достоинства и заслуги; но съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ очевидно отражался духъ келіи и лампады, какъ на языкѣ, такъ на одеждѣ и самомъ образѣ жизни. При томъ, къ сожалѣнію, не всѣ изъ нихъ обладали даромъ слова—необходимымъ условіемъ для хорошаго преподавателя публичныхъ уроковъ. Профессоръ, по моему мнѣнію, непремѣнно долженъ быть основательно ученый, благообразный, скромный и краснорѣчивый ораторъ, даже нѣсколько свѣтскій человѣкъ, какъ напримѣръ, блаженной памяти Страховъ, Шлецеръ (сынъ знаменитаго историка), и даже мой незабвенный Рейнгардъ, бывшій прежде, какъ говорятъ, пасторомъ въ Ростокѣ,—мудрецъ, который привлекалъ пламенною бесѣдою своей, украшалъ прелестными очарованіями всѣ правила нравственности, и которому внимая, въ восторгѣ не разъ готовъ я былъ сказать, подобно древнему Эс-

хину: „Сократъ, я бѣденъ, отдаю тебѣ себя; вотъ все, что я могу принесть тебѣ!“

Долженъ я однако сознаться, что уроки нашихъ почтенныхъ наставниковъ могли бы принести гораздо обильнѣйшіе и лучшіе плоды, если бы они принимали на себя трудъ лично, или черезъ репетиторовъ, отъ времени до времени заглядывать въ духовную сокровищницу своихъ молодыхъ слушателей и такимъ образомъ повѣрять ихъ успѣхи, степень ихъ прочнаго обогащенія нужными познаніями, или же отвращать какую либо пагубную растрату талантовъ, ниспосланныхъ имъ отъ Бога и раскрытыхъ благонамѣренными учителями. Согласитесь, любезные слушатели или читатели, что какой нибудь 16-лѣтній студентъ, не всякій, и конечно уже не всегда, можетъ охотно съ постояннымъ вниманіемъ углубляться въ темный кладезь премудрости, или съ напряженною бодростію преходить довольно сухсе и тернистое поле, особливо въ началѣ, наукъ философскаго, политическаго или математическаго отдѣленія. Ежели на высокомъ поприщѣ государственнаго служенія, гдѣ обыкновенно дѣйствуютъ люди взрослые, постигающіе вполнѣ долгъ патріотизма, и обезпеченные въ своемъ даже изобильномъ содержаніи, ежели и тамъ введены мѣры надзора и побужденія вещественнаго, то, ради Бога, преслѣдуйте бдительнымъ окомъ учебныя занятія и самую жизнь юноши, еще не твердо стоящаго на пути благоразумія, легко ослабѣвающаго подъ тяготою ученія и тѣмъ скорѣе увлекаемаго живостію чувствъ въ мрачную сферу разсѣянности.

Къ означеннымъ неудобствамъ нерѣдко присоединялось и развлеченіе, производимое въ студентахъ свѣтскими посѣтителями, и особенно прекрасными посѣтительницами нѣкоторыхъ лекцій, какъ напримѣръ—опытной физики, русской словесности и проч. Бывало (что грѣха таить, ужъ лучше признаться) самъ не знаешь, смотрѣть ли на искусственный огонь, извлекаемый Страховымъ изъ электрической машины, или защищаться отъ искръ, разсылаемыхъ дѣвическими глазами, и хотя мимолетомъ западающихъ преждевременно въ студенческое сердце, все же молодое, нѣжное. Нехороша, очень нехороша была эта мода

занятая изъ Парижа, подобно другимъ такимъ-же, нашими неразсчетливыми подражателями. Сами профессоры стѣснялись такою модою. Для угожденія дамамъ, они, по учтивости, должны были выбирать изъ преподаваемой науки предметы, доступные ихъ хорошенькимъ головкамъ, предметы легкіе, забавные. Но какъ любопытныя дщери прародительницы нашей Евы не утерпѣли, чтобъ не заглянуть и въ область медицины, то Ф. Г. Политковскій, одинъ изъ лучшихъ медиковъ, учившійся въ Германіи, Франціи и Англіи, соскучившись такимъ моднымъ ограниченіемъ, для устраненія его, однажды, при своихъ милыхъ посѣтительницахъ, началъ говорить прямо, хотя и съ нѣкоторою пощадою, о дѣйствіи лѣкарствъ на очищеніе желудка *naturalia non sunt absurda.*—Съ тѣхъ поръ модницы не заглядывали болѣе въ классъ слишкомъ откровеннаго профессора.

Около того-же времени долженъ былъ я разстаться, на нѣсколько лѣтъ, съ братомъ моимъ Романомъ Ѳ. По избранію попечителя университета М. Н. Муравьева, онъ отправленъ былъ въ 1806 г., на казенномъ иждивеніи, въ германскіе университеты для усовершенствованія себя въ познаніи древней словесности и проч. Изученіемъ сихъ важныхъ предметовъ онъ занимался главнѣйше въ Геттингенскомъ университетѣ, у главнаго филолога Гейне, и послѣ былъ въ Москвѣ отличнымъ по сей части профессоромъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, и старшій мой братъ и другъ Василій Ѳ. оставилъ университетъ и опредѣлился въ С.-Петербургѣ на службу въ канцелярію Государственнаго Совѣта, пользуясь особеннымъ вниманіемъ члена онаго, адмирала М. С. Мордвинова. А я, въ безвременномъ одиночествѣ, пустился вдоль студенческой рѣки, сопровождаемый юношеской неопытностію и рождающимися страстями.

Наставники наши должны бы неусыпно заботиться о гармоническомъ образованіи чувства въ юношѣ и о борьбѣ страстей съ нравственнымъ чувствомъ, а потому, если въ такой борьбѣ свободная душа не падетъ и сердце въ ней только возвысится,—о! какое тогда было бы торжество для всѣхъ участвовавшихъ въ прекрасномъ дѣлѣ воспитанія. Они обязаны, непремѣнно обязаны приготовлять для отечества совершенно об-

разованныхъ молодыхъ людей, въ которыхъ душа и нравъ, познанія и практическая дѣятельность были бы въ совершенномъ согласіи.

Не взирая на разныя лишенія и самыя неудобства, мое университетское ученіе шло общимъ путемъ. И тутъ природныя дарованія выкупали то, что теряла безпечность; и тутъ я удостоился получить серебряную медаль за мою дисертацію—разсужденіе на латинскомъ языкѣ на задачу изъ уголовнаго права. Золотая досталась въ награду отличному лифляндцу В. Шнейдеру. Конечно, и тогда было немало счастливыхъ исключеній изъ вышесказаннаго; а нынѣ, спустя слишкомъ тридцать лѣтъ, все это дѣлается, какъ слышно, иначе и лучше. Но я съ давняго времени привыкъ говорить громко, откровенно; а потому и буду пересказывать вамъ новѣсть моего бытія по сущей истинѣ.

Патріархальная простота господствовала тогда въ университетѣ, особливо между студентами казенными, то есть получающими жалованье и живущими въ университетскомъ зданіи. Многіе изъ нихъ остались вѣрными ей и на высшихъ степеняхъ государственной службы, такъ что на нѣкоторыхъ можно бы смѣло указать: вотъ студентъ въ чинѣ статскаго и даже тайнаго совѣтника! Впрочемъ, по моему, хорошій исполнитель должности важнѣе счастливаго путешественника *по табели о рангахъ*.—О вольноприходящихъ, или своекоштныхъ товарищахъ моихъ ничего не могу сказать; ибо они отдѣлены были отъ насъ—казенныхъ, какъ говорится, и временемъ и пространствомъ. Каждый изъ нихъ являлъ собою отпечатокъ состоянія и образа жизни въ его семействѣ.—Тѣмъ большее различіе примѣтно было между дѣйствительными студентами и горделивыми претендентами на чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника, которыхъ принудили Указомъ, для выдержанія экзамена на тѣ чины, посѣщать университетскія лекціи. Справедливая пеня на русскихъ, слишкомъ равнодушныхъ къ огромнымъ пожертвованіямъ правительства на учебныя заведенія, повсюду открытыя для безмезднаго просвѣщенія всѣхъ и каждаго.

Всякое обученіе требуетъ отдыха и разнообразія. Пріятнѣйшимъ для меня занятіемъ въ часы досуга было чтеніе

книгъ, разумѣется, не глубоко и не тяжело ученыхъ. Путешествія болѣе всего занимали меня. Мысли мои преимущественно стремились въ страны южныя, гористыя, на грозный Кавказъ, въ миловидный Крымъ; мечталъ я часто и о Швейцаріи. Сѣверъ всегда отталкивалъ меня холодомъ, сжимая и самыя крылья воображенія. До романовъ я никогда не былъ охотникъ и болѣе по наслышкѣ зналъ любимцевъ того вѣка: водянистаго Дюкредюминиля, страшную Радклифъ, паркетную Жанли, щеголеватую Коттенъ и проч. Въ области романтизма я отдавалъ пальму (первенства?) писателямъ нѣмецкимъ, какому нибудь Августу Лафонтену, Шпису и т. д., при чемъ скорѣе плѣняли меня разсказы или явленія временъ германскаго рыцарства. И теперь съ удовольствіемъ вспоминаю о тѣхъ блаженныхъ минутахъ, когда юное воображеніе мое, настроенное подобнымъ чтеніемъ, быстро улетало на живописные берега Рейна и носилось надъ развалинами рыцарскихъ замковъ, доселѣ привлекающихъ къ себѣ толпы счастливцевъ-путешественниковъ.

Чтеніе біографій также нравилось мнѣ. Но всего пріятнѣе, всего занимательнѣе для меня были драматическія творенія. Пристрастіе это усиливалось и моимъ участіемъ въ представленіи на комнатномъ университетскомъ театрѣ разныхъ піесъ, на Рождественскихъ святкахъ и объ масляницѣ. Комедіи и драмы А. Коцебу составляли главную часть нашего репертуара. По отзыву товарищей и знакомыхъ, я съ успѣхомъ разыгрывалъ роли молодыхъ чувствительныхъ людей..... Нельзя однако одобрить этой забавы, вѣроятно, перенятой также отъ французовъ. Ею, конечно, пріобрѣтается нѣкоторая ловкость въ обращеніи и средство быть пріятнымъ въ обществѣ симъ талантомъ; но съ другой стороны, она угрожаетъ юношѣ опаспостію, могущею произойти отъ рукоплесканій, ласкательства и чрезмѣрной похвалы. Притомъ она много развлекаетъ обучающихся юношей затверженіемъ ролей, репетиціями и проч. И зачѣмъ такъ рано знакомить пылкую молодость словами и дѣйствіями съ разными страстями и соблазнами свѣта—этой скользкой неизбѣжной сцены жизни и дѣйствій человѣческихъ!

Посѣщеніе публичнаго театра, разумѣется, дѣлалось съ возрастомъ моимъ самою искусительною приманкою. Искушеніе это было тѣмъ сильнѣе, что московскій театръ, по уничтоженіи пожаромъ Петровскаго, расположенъ былъ въ домѣ Пашкова, на Никитской улицѣ, близъ университета, скажу болѣе—противъ самыхъ окошекъ моей комнаты, такъ что нерѣдко отражался въ стѣнахъ ея искусственный громъ изъ драматической атмосферы, и канифольная (colophane) молнія сверкаетъ, бывало, по моимъ тетрадямъ.

Не могу безъ умиленія вспомнить о сладкихъ часахъ того упоенія, въ которое приводила меня игра хорошихъ актеровъ. На Московской сценѣ отличались тогда: престарѣлый Померанцевъ, какъ увѣряли, портретъ славнаго Парижскаго актера Моле, Плавильщиковъ, Зловъ, Мочаловъ, а равно искусный комикъ Сила Сандуновъ, жена его г-жа Сандунова, плѣнявшая всѣхъ своимъ очаровательнымъ пѣніемъ, подобно какъ восхищала игрою актриса Воробьева и проч. Бывало, послѣ спектакля, удачно разыгранаго, съ хорошими декораціями, я долго чувствовалъ въ душѣ тоску, сгонявшую и самый сонъ съ очей моихъ.

Все это очарованіе затмилось однако на нѣкоторое время передъ игрою Петербургскихъ актеровъ, присланныхъ въ Москву для забавы бояръ, кажется 1806 года, когда собиралась первая милиція—простонародное ополченіе наше противъ грознаго, всесокрушающаго Наполеона. Яковлевъ и Семенова—трагическая, Самойловъ и Семенова—оперная красавица: что это за таланты были, что это за восхитительная игра и сладкое пѣніе!—Мой восторгъ не уступалъ истинному восхищенію всей публики. Люди нашего состоянія, имѣющіе право на входъ въ скромный партеръ, стекаются, бывало, въ преддверіе театра заблаговременно, то-есть часа въ три по полудни, чтобы занять выгодный постъ поближе къ кассѣ, и хотя съ такимъ пожертвованіемъ своихъ ногъ и боковъ достать билетъ для входа въ театръ, съ мѣстомъ для сидѣнья. Но чтоже?—Часу въ 6-мъ вступаешь, наконецъ, въ партеръ, и всѣ скамейки заняты уже счастливцами, кои по протекціи (вездѣ-то нужна протекція...) кассира или

театральныхъ лакеевъ, какими то секретными путями проникли туда прежде меня. Вообразите послѣ того студенческій героизмъ: съ 3 часовъ до 10 или 11-ти простоять на ногахъ и въ такой тѣснотѣ, что повернуться нельзя. Превосходное исполненіе роли какого нибудь Рослава, Димитрія Донскаго, Отелло, Фингала, или Ромео и Юліи уносило душу въ радужный міръ фантазіи слишкомъ высоко, гдѣ боль тѣлесная забыта. Воля ваша, а сами римляне едва-ли жертвовали собою до такой степени, приходя тысячами въ свои великолѣпные амфитеатры наслаждаться кровавымъ зрѣлищемъ смертельнаго боя гладіаторовъ, или тигровъ и львовъ, конечно, не знавшихъ еще тогда укротительныхъ взглядовъ ни Фанамбурга, ни Картнера. Право, не вездѣ Мельпомена и Талія почтены были такими усердными жертвами, какъ наши. Всякій студентъ несъ въ театръ послѣдній рубль, да и тотъ нерѣдко занятый у товарища.

Тогдаже любовался я въ Москвѣ искусствомъ и французскихъ актеровъ оперныхъ—Меза, г-жи Филисъ—Андрьё и ея мужа, дѣв. Бертенъ и проч.; удивлялся легкокрылому Дюпору, лучше котораго въ балетахъ я нигдѣ не видалъ. Но болѣе всѣхъ поразила меня своею высокою игрою и великолѣпнымъ, вѣрно-историческимъ костюмомъ знаменитая жрица Мельпомены, прелестная *мамзель Жоржъ*.

Говоря о талантахъ, немогу умолчать, что я любилъ въ молодости слушать и хорошихъ церковныхъ пѣвчихъ. Университетскіе пѣвчіе, подъ руководствомъ своего регента (актера Муромцова), привлекали въ нашу церковь весь beau-monde московскій, но домашнее всегда кажется обыкновеннымъ. И вотъ, по убѣжденію моихъ болѣе дружныхъ товарищей, я въ видѣ пилигрима, охотно и часто, посѣщалъ въ воскресные дни тѣ церкви, въ которыхъ пѣли извѣстные пѣвчіе. Въ то время отличались хоры графа Ал. Кир. Разумовскаго, Бекетова и князя Голицына; въ обоихъ послѣднихъ, для нѣжнаго пѣнія, т. е. дишканты и альты, помѣщались дѣвушки съ прекрасными голосами, разумѣется, одѣтыя въ мужское платье. Поэтому, церковь Голицынской больницы, отстоявшая отъ университета верстъ за 5, была любимою цѣлью моихъ дальнихъ странство-

ваній. Превосходна архитектура ея!. Внутри большая ротонда съ колоннами *стюке* подъ розовый мраморъ, съ огромнымъ темнымъ сводомъ, въ который проникалъ особый свѣтъ сквозь небольшія окна, устроенныя подъ самимъ верхнимъ крестомъ, немерцающимъ источникомъ свѣта духовнаго. Этотъ сумракъ, непозволяющій глазамъ разбѣгаться; эта тишина богослуженія сопутствуемая изрѣдка только вздохами недужныхъ, помѣщавшихся на боковыхъ галлереяхъ; это стройное пѣніе, раздающееся на хорахъ подъ акустическимъ сводомъ и ниспадающее свыше, вмѣстѣ съ немногими солнечными лучами,—все это наполняло юную душу мою умиленіемъ глубокимъ, томнымъ. По окончаніи обѣдни, я возвращался домой въ задумчивости и какъ бы неохотно. О, какъ бы я дорого заплатилъ, еслибы въ то время жила въ Москвѣ моя мать, или сестра, или другая родственница! Въ ихъ родномъ сердцѣ, можетъ быть, я находилъ бы вѣрный отголосокъ и надежную опору моимъ добрымъ наклонностямъ, и тѣмъ сдѣлался бы разсудительнѣе, счастливѣе.

Съ воспоминаніемъ о пѣвчихъ разскажу вамъ два случая въ Москвѣ, къ нимъ относящіеся.

1) Бекетовскій хоръ пѣлъ обыкновенно въ церкви св. Димитрія Солунскаго, близъ Тверскаго бульвара. Въ немъ отличалась какая-то дѣвушка Анисья (не пригожая впрочемъ) своимъ прелестнымъ голосомъ и методою пѣнія, почти театральною. Вотъ поютъ, кажется, „Достойно есть“, и подъ конецъ Анисья своимъ solo и въ хорѣ, а болѣе своими руладами такъ поразила благочестивыхъ и свѣтскихъ слушателей, что одинъ изъ сихъ послѣднихъ, нѣкто князь Визапуръ, выкрещенный индѣецъ, *левъ* того времени, захлопалъ въ ладоши въ какомъ-то неистовомъ восторгѣ. Такой соблазнъ былъ слишкомъ гласенъ и дерзокъ; по требованію извѣстнаго Московскаго Митрополита Платона, г. Бекетовъ принужденъ былъ немедленно отослать своихъ пѣвчихъ въ деревню.

2) Спустя однако года два или три они какъ-то появились опять въ Москвѣ, и стали пѣть въ старой церкви Вознесенія у Никитскихъ воротъ. Разумѣется, я не отставалъ отъ своихъ товарищей, ревностныхъ dilletanti, и приходилъ въ ту церковь

какъ можно раньше, чтобы не пропустить ничего изъ ангельскаго пѣнія. Заслушавшись подобно Карамзинскому монаху, сто лѣтъ непримѣтно внимавшему голосу райской птицы, я вовсе не обращалъ вниманія на входящихъ въ церковь. Вдругъ отдается на хребтѣ моемъ препорядочный толчекъ книгою, сопровождаемый гробовымъ голосомъ: „посторонитесь, батюшка, нѣтъ мѣста мнѣ поклоны бить“. Оборачиваюсь, и вижу, кого бы вы думали?—Вдову нашего достославнаго Суворова, ветхую, слабую старушку съ молитвенникомъ въ рукахъ и креслами за нею. Относительно дамъ я всегда держался системы миролюбія; а потому тотчасъ потѣснилъ стоявшихъ около меня, и почтительно открылъ просторъ для той, которой рука нѣкогда лелеяла великаго героя.

Лѣтомъ часто посѣщалъ я московскія окрестности, истинно живописныя: Воробьевы горы, р. Сѣтунь, Симоновъ монастырь, село Коломенское (Россійскій Виѳлеемъ) и все это пѣшкомъ. Оно, знаете, и экономно и независимо. Тогда и пѣшеходствіе въ Новый Іерусалимъ, или Воскресенскъ, за 46 верстъ отъ Москвы, не казалось далекимъ. Впрочемъ иногда разъѣзжалъ я по достопамятнѣйшимъ селеніямъ и въ экипажѣ, вмѣстѣ съ братомъ В. Ѳ. до отъѣзда его въ Петербургъ, или съ кѣмъ нибудь изъ общихъ нашихъ знакомыхъ, людей достаточныхъ [1]) Такъ мы не разъ бывали въ Останкинѣ, Свирловѣ, Кунцовѣ, Царицынѣ и проч. Въ с. Архангельскомъ особенно любовался я живописными видами и террасою, на которой стояли мраморные бюсты римскихъ императоровъ, отличной италіанской работы. Вообще московскія окрестности для меня незабвенны, по ихъ пріятному мѣстоположенію, а болѣе по связи съ ними моей молодости. Съ наслажденіемъ воспоминаю также о поѣздкѣ моей верстъ за 30 отъ столицы на главный московскій курганъ, по коломенской дорогѣ, у Боровскаго перевоза черезъ р. Москву, на правомъ ея крутомъ берегу. Никто

[1]) Глубокою признательностію запечатлѣно въ душѣ моей воспоминаніе о благосклонности ко мнѣ московскихъ благородныхъ семействъ: Аѳросимовыхъ, В. С. Филимонова, А. П. Коробьина, П. М. Пичугина, П. А. Новосильцова, добрѣйшаго вельможи Ивана Петровича Архарова и проч.

не знаетъ, по какому случаю и когда насыпанъ сей холмъ. На самой вершинѣ, какъ увѣряютъ, была нѣкогда церковь; въ день Троицынъ, посвященный памяти почившихъ, стекается на курганъ множество окрестныхъ жителей и проводитъ время въ ликованіяхъ. Съ братомъ моимъ В. Ѳ. и Ф. Я. Ваксмутомъ, отличнымъ артиллерійскимъ офицеромъ, въ простой телѣжкѣ на лихой ямской тройкѣ, однажды мы отправились туда въ прекрасную лѣтнюю ночь. Луна во всей полнотѣ сіяла на чистомъ небѣ. Мы взобрались на высокій курганъ, и оттуда любовались величественными, необыкновенными, фантастическими видами. Передъ нами за рѣкою, на большомъ пространствѣ стояли кучи бѣлаго мячковскаго камня, употребляемаго въ Москвѣ на постройки. Эти насыпи, высокія и низкія, представляли изображеніе, самое естественное, развалинъ обширнаго города какого нибудь Вавилона, какой нибудь Пальмиры. Въ поэтическомъ восторгѣ мы прочитали наизусть хорошіе стихи Мерзлякова, написанные въ честь этого кургана [1]), огромной могилы древнихъ нашихъ витязей, павшихъ тутъ въ жаркой битвѣ съ татарами; въ память ихъ выпили по рюмкѣ мадеры, закусили по походному и, съ отрадою на сердцѣ и утомленіемъ въ тѣлѣ, возвратились въ Москву, какъ рыцари скитальческаго, и частію сантиментальнаго образа.

Такія и выше упомянутыя забавы, впрочемъ совершенно невинныя, требовали денегъ и денегъ; а гдѣ ихъ взять бѣдному студенту? Жалованья получалъ я сначала 150 руб. асс. въ годъ; едва доставало его на самую умѣренную пищу и простую одежду. Университетскіе студенты, получавшіе казенное содержаніе, взыскивали средство подкрѣплять свой скудный бытъ то переводами иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, то преподаваніемъ уроковъ на сторонѣ дворянскимъ дѣтямъ обоего пола.

Первый источникъ доходовъ, конечно, былъ-бы сугубо полезенъ, какъ переводчику, такъ и публикѣ, если-бы, какъ то и и слѣдовало, ученымъ трудомъ сего рода руководствовалъ опыт-

[1]) Минувшіе съ тѣхъ поръ 35 лѣтъ унесли изъ моей головы много стиховъ, истинно поэтическихъ. Помнится однако, что эта побѣдная пѣснь начиналась такъ: „Остановися Россъ!—Се путь къ побѣдамъ славѣ....“

ный знатокъ этого дѣла. Но вотъ бѣда! Нерѣдко случалось тогда (не знаю, какъ теперь), что переводчикъ, не понимая хорошенько самого содержанія оригинала, не будучи довольно силенъ въ языкахъ, иностранномъ и отечественномъ, кое какъ клеилъ свое созданіе, неутомимо путешествуя и простыми и вооруженными глазами (въ очкахъ) по лексикону нѣмецкому—Академическому, или французскому Татищева. Сами посудите, что это за произведенія были, пестрыя, уродливыя, часто непонятныя! За то, какимъ же и воздаяніемъ вѣнчался подобный трудъ!—Студентъ—бѣднякъ (достаточный, разумѣется, и не думалъ о такихъ поблекшихъ лаврахъ), переведшій по своей волѣ, а не по заказу, какую нибудь книжку, положимъ романъ, переписавши его чистенько, отправляется, бывало, робкими стопами въ лавку, напримѣръ, значительнѣйшаго въ то время московскаго книгопрадавца Матвѣя Глазунова. Вотъ, брадатый книжникъ, съ улыбкою фарисейскою, воздымаетъ на широкой своей длани принесенную рукопись и такимъ образомъ, не читавши ее, а по вѣсу бумаги, рѣшаетъ участь ея, опредѣляя тутъ же и послѣднюю цѣну, которая бывала такъ скудна, что за печатный листъ приходилось переводчику рубля 3 или 4 ассигнац.—Лучшіе же переводчики, возбудившіе уже корыстное вниманіе книгопродавцевъ, получали за свой трудъ по 6 и 7 рублей съ оригинальнаго листа.

Переводчикъ второй руки, недовольный слишкомъ унизительною цѣною книгопродавца, поднимается, бывало, на другой оборотъ. Вставши раненько и одѣвшись почище, иногда и въ чужой фракъ, онъ спѣшитъ въ чертоги какого либо вельможи, богатаго и щедраго, каковыхъ всегда въ Москвѣ было много (Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ! Грибоѣдовъ, *Горе отъ ума*), и съ посвятительнымъ письмомъ и низкимъ поклономъ повергаетъ свой переводъ на великодушное воззрѣніе. Сотня рублей была для него лестною наградою, Нѣкоторые изъ вельможъ, въ удовлетвореніе барской спеси, принимали на свой счетъ и напечатаніе такого недозрѣлаго творенія. Любимѣйшимъ меценатомъ былъ тогда въ Москвѣ графъ Сергій Мих.

Каменскій, извѣстный орловскій помѣщикъ, хотя не всегда щедро, но непремѣнно принимавшій всякое сего рода приношеніе.

Искренно скажу вамъ, что я никогда не принадлежалъ къ жалкой когортѣ сихъ юныхъ литературныхъ промышленниковъ. Правда, по приглашенію книгопродавцевъ, и я сдѣлалъ нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго и французскаго; но—лучше объ нихъ и не вспоминать, тѣмъ болѣе, что мое имя на нихъ не означено. Напротивъ, я думалъ въ то время, а теперь въ совершенномъ убѣжденіи многими опытами произнесу рѣшительно, что такіе переводы, составляя нѣкоторымъ образомъ работу механическую, нисколько или очень мало развивали умственныя способности молодыхъ людей, ею занимавшихся. Отъ этого, изъ моихъ товарищей вышло очень мало настоящихъ сочинителей, людей съ творческой силою. Даже изъ старшихъ студентовъ, помнится, одинъ Захаръ Алексѣевичъ Буринскій, вынесенъ былъ своимъ истинно поэтическимъ талантомъ изъ ряда обыкновенныхъ, дюжинныхъ писакъ; жаль только, что заблужденіе страстей пресѣкло дни его слишкомъ рано. Непонятное и вмѣстѣ прискорбное дѣло, что многіе изъ нашихъ пылкихъ, геніальныхъ людей преждевременно удалились съ земнаго міра, какъ бы вытѣсненные какою нибудь предосудительною слабостію. Отъ чего бы то происходило?—

Другой доходъ студента, въ мое время, составляли уроки, которые преподавалъ онъ на сторонѣ, въ порядочномъ барскомъ домѣ, мальчикамъ или дѣвицамъ. Предметами сихъ уроковъ были преимущественно начала русскаго языка и русской исторіи, отчасти географіи, математики и т. п., смотря по степени образованности счастливца-гувернёра ихъ, или надменной гувернантки. Горько, а должно сознаться, какъ глобоко наводнила ими французская революція не только западную Европу, но и великое отечество наше, подобно страшному Везувію, разливающему изъ своего огнедышащаго кратера тлетворную лаву, полезную лѣнивому Неаполитанцу уже въ разрушенномъ ея видѣ. Говоря вообще, эти пришельцы, болѣе грубые и хвастливые невѣжды и болтуны, нерѣдко давали воспитанію нашего столбоваго дворянства какое то особенное направленіе, невсегда

согласное съ духомъ и нуждами отчизны. По ихъ проэкту, въ извѣстный періодъ дѣтскаго обученія, *папá* и *мамá* приглашали университетскаго студента, иногда въ качествѣ Цыфиркина или Кутейкина—безсмертныхъ еще учителей, раскрытыхъ нашимъ острякомъ Денисомъ фонъ-Визинымъ. Высокомѣрный пріемъ, скромная плата—рубля по 2 асс. за урокъ двухъ-или трехъчасовый, а въ санную пору и утлые пошевни—вотъ обыкновенное возмездіе, которое пріобрѣталъ онъ (неопытный) тратою лучшихъ часовъ для собственнаго своего образованія. Самые деньги свои онъ издерживалъ болѣе на прихоти, а что хуже всего, непримѣтно свыкался съ разсѣянностію, легкомысліемъ и даже съ худыми примѣрами. По своему личному опыту, я не могу одобрить этой дидактической промышленности, развѣявшей не изъ одной молодой головы много, много полезныхъ знаній въ самомъ цвѣтѣ ихъ.—Съ большимъ удовольствіемъ, въ чинѣ кандидата, я занимался въ бывшей при университетѣ академической гимназіи преподаваніемъ класса высшей географіи почти моимъ однолѣткамъ.

Лучшее употребленіе изъ моихъ доходовъ сдѣлано было мною поѣздкой въ 1811 году на родину. Свиданіе съ матушкою, сестрами и прочими родными моими, послѣ семилѣтней разлуки, было для меня трогательно, восхитительно. Оно составляетъ лучшую эпоху воспоминаній о моей жизни, особенно вмѣстѣ съ путешествіемъ моимъ, семейно, въ Кіевъ и за Днѣпръ въ Мошненскій монастырь, гдѣ подвизался тогда нашъ дядя—благодѣтель Иванъ Назарьевичъ Тимковскій съ христіанскою чистотою возложившій на себя спасительное крестное бремя, въ видѣ простаго анахорета. О, сколь назидательны были его бесѣды подъ сѣнію монастырскаго орѣшника и винограда, какіе опытные, благіе совѣты вливалъ онъ въ мою душу, юную, немощную! Между прочимъ, прислушиваясь къ моимъ раннимъ, идиллическимъ планамъ, какъ бы поскорѣе водвориться на холмистыхъ берегахъ родимой Згари, онъ съ вдохновенною старческою твердостію говорилъ: „не жертвуй усильно мечтательному побужденію приковать себя непремѣнно къ мѣсту твоего рожденія; а живи въ отечествѣ по разуму тамъ, куда Богъ тебя

приведетъ". Къ сожалѣнію, не могъ я выполнить такого совѣта въ точности, покоряясь, впрочемъ, неисповѣдимой судьбѣ, увлекшей меня въ путь, не мною однимъ уготованный, о чемъ объяснюсь, можетъ быть, впослѣдствіи.—

Могъ ли я, сидя на крыльцѣ нашего сельскаго домика и любуясь, какъ

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой,
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ задумавшись въ шалашъ покойный свой [1]),—

могъ ли я въ семъ покойномъ созерцаніи предвидѣть, что черезъ годъ грозная политическая буря, нагнавшая волны западныхъ ополченій подъ предводительствомъ необузданнаго Наполеона, опять доставитъ мнѣ случай видѣть свою родину, обнять моихъ кровныхъ друзей, уклониться подъ тѣнь мирныхъ згарскихъ дубовъ, но уже омраченныхъ всеобщею горестію.

Неглубокіе дипломаты были мы съ незабвеннымъ, добрѣйшимъ братомъ моимъ Романомъ Ѳ.—Возможность вторженія Наполеона въ самыя нѣдра любезнаго нашего отечества была слишкомъ невѣроятна для насъ. И такъ, по окончаніи университетскаго учебнаго курса, мы съ братомъ отправились въ іюнѣ роковаго 1812 г. къ берегамъ нашей тихой Згари, гдѣ онъ давно уже не былъ. Щедрая дружба къ нему извѣстнаго московскаго грека Зоя Павловича Зосимы, единственнаго обладателя необыкновенно большой и прелестной жемчужины, придала сему путешествію нашему много пріятности. Проведя мѣсяца полтора въ тѣсномъ родственномъ кругу, такъ сказать, на лонѣ обожаемой матери, которой ласками воспользовались—увы!—въ послѣдній разъ, мы въ концѣ августа поѣхали обратно въ Москву. Но, чтоже?—Въ Орлѣ насъ встрѣтили плачевною вѣстію: нѣтъ уже Москвы! Она пала славною жертвою во искупленіе всей Россіи и даже Европы. Она исчезла въ пламени и подъ грабительской рукою безчисленнаго сонма алчныхъ супостатовъ. Тамъ погибло и все мое маленькое имущество. Но чувствительнѣе всего была потеря значительной библіотеки

[1]) Жу[illegible]ьское кладбище.

брата Р. Ѳ., рѣдкаго драгоцѣннаго собранія лучшихъ изданій древнихъ классиковъ и новѣйшихъ филологовъ или знатоковъ исторіи и словесности греческой и латинской. До конца жизни (въ 1820 г.) братъ мой сокрушался о сей неожиданной и невозвратимой утратѣ сего ученаго сокровища, пріобрѣтеннаго имъ въ Германіи личнымъ трудомъ и великими пожертвованіями.

Съ тяжкою скорбію въ сердцѣ и со слезами на глазахъ мы кинулись назадъ и кое какъ добрались до нашего старшаго брата Иліи Ѳ., имѣющаго помѣстье (по женѣ) черниговской губерніи въ глуховскомъ уѣздѣ на р. Шосткѣ. Въ его семействѣ провели мы около полугода, подавляемые самыми грустными чувствованіями при всеобщемъ жестокомъ злополучіи. Составъ и движеніе народныхъ ополченій, то есть милиціи, переходы войскъ, раздробленныхъ смертоносною битвою при с. Бородинѣ, провожаніе непріятельскихъ плѣнниковъ—все это, при извѣстныхъ лаконическихъ повѣстяхъ малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. И. Лобанова-Ростовскаго, густымъ туманомъ облегло сердце всѣхъ и каждаго, пока реляціи съ поприща военныхъ дѣйствій мало по малу начали разгонять мракъ неизвѣстности и озарили упавшій духъ народа счастливыми надеждами. Наконецъ слухъ о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи, о бѣдственнѣйшей ретирадѣ грозныхъ его полчищъ, и вѣсть о прибытіи Государя Императора въ Вильну, подобно Ноевой голубицѣ, возвѣстили намъ конецъ неслыханному потопу вражескому, наводнившему Россію, и вмѣстѣ зарю возстанія боязливой Европы изъ долгаго порабощенія, въ которое она упала, гнетомая ненасытнымъ властолюбіемъ бывшаго артиллерійскаго офицера, а болѣе увлекшись эгоизмомъ отъ спасительныхъ правилъ добраго единодушія.

Частыми письменными развѣдываніями, какъ дѣти вопіющія къ нѣжной матери, кое какъ отыскали мы съ братомъ Р. Ѳ. наше благотворное университетское начальство, кажется, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Получивъ наконецъ отъ него и родительскій призывъ, и денежное пособіе, мы поспѣшили отъѣздомъ своимъ въ Москву еще въ мартѣ 1813 г., простясь и съ обѣими нашими сестрами, жившими тогда въ с. Авдѣевкѣ, за р. Десною.

Кто изъ Россіянъ не знаетъ, въ какомъ страшномъ положеніи, въ какомъ плачевномъ видѣ была Москва, по выходѣ изъ нея мстительныхъ полчищъ французскихъ. Загляните еще въ краснорѣчивыя описанія нашихъ историковъ сей грозной эпохи, столь живо изобразившихъ назидательный подвигъ Русскаго народа, особенно этотъ пламенный безсмертный памятникъ его вѣры въ Бога и преданности Монарху, его любви къ чести и славѣ отечества и—что всего святѣе—его высокой воли жертвовать собою, чтобъ искупить спасеніе и независимость человѣчества. Нескоро найдемъ такой величественный урокъ на скрижаляхъ всемірной исторіи.

Съ Поклонной горы, на Серпуховской дорогѣ, представилась глазамъ моимъ, въ глубокомъ траурѣ, Москва.

Москва, Россіи дочь любима!
Но нѣкогда и ты стенала
Подъ бременемъ различныхъ золъ,
Едва корону удержала
И свой клонившійся престолъ;
И ты съ лица земнаго круга
Едва не скрылась отъ очесъ!
Гдѣ ты, Славянов храбрыхъ сила,
Проснись, возстань, Россійска мочь —
Москва въ плѣну, Москва уныла,
Какъ мрачная, осенняя почь
Возстала! Все восколебалось.
И князь, и ратай, старъ и младъ,
Все въ крѣпку броню ополчалось.
Перуномъ возблисталъ булатъ, и проч. [1]).

Между развалинами пустыхъ домовъ и палатъ, закоптѣвшихъ отъ дыма, по чернымъ улицамъ побѣжалъ я тотчасъ въ университетъ. Однѣ опаленныя стѣны сего достославнаго храма нашихъ музъ стояли передъ мною, какъ вѣщій скелетъ славнаго человѣка, и въ самомъ истлѣніи поучающаго своихъ потомковъ.

По особенному вниманію начальства къ брату моему немедленно были мы съ нимъ водворены въ университетскомъ флигелѣ, уцѣлѣвшемъ отъ роковаго пожара. Встрѣча моя съ то-

[1]) Дмитріевъ, *Освобожденіе Москвы.*

варищами была истинно трогательна; но ихъ оставалось уже немного. Волею правительства, на то время отмѣнено было постановленіе, чтобы казенные воспитанники, по окончаніи университетскаго курса, прожили въ ученомъ званіи (такъ то оно привлекательно) по крайней мѣрѣ шесть лѣтъ. Вслѣдствіе такого разрѣшенія, многіе студенты и ученики тогда-же поступили въ службу, военную или гражданскую. На мою долю, изъ урны судьбы, выпала послѣдняя: такъ угодно было Провидѣнію, неисповѣдимому въ путяхъ своихъ.

Среди приготовленій моихъ къ поѣздкѣ въ С.-Петербургъ. для опредѣленія на службу тамъ, какъ въ широкомъ горнилѣ всей государственной администраціи,—поразила меня, какъ громомъ, убійственная вѣсть о смерти нѣжной, доброй матери моей, скончавшейся въ Малороссіи 4 мая 1813 г. Такое тяжкое извѣстіе нашло меня въ подмосковной деревнѣ одного изъ моихъ знакомыхъ, въ окрестностяхъ г. Воскресенска или Новаго Іерусалима.—„Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвенна буди десница моя“... (Псал. 136). Тамъ у подражательнаго гроба Спасителя пролилъ я мои сыновнія слезы и теплыя молитвы объ упокоеніи души незабвенной въ райскихъ селеніяхъ горняго міра.—Вотъ и теперь оплакиваю сердечную потерю сію, смотря ежедневно на скромный дубовый крестъ, поставленный надъ ея могилою, подъ грушею, на драгоцѣнной левадѣ или полянѣ, противъ моего сельскаго домика.

Въ концѣ того же года получено было въ университетѣ отъ главнаго управленія путей сообщенія, изъ Твери, приглашеніе желающихъ, изъ числа студентовъ, вступить въ государственную службу по тому вѣдомству. На основаніи предварительнаго одобренія профессора Мерзлякова, обращеннаго, въ отвѣтъ къ старшему секретарю совѣта путей сообщенія Хрущову, я отправился въ Тверь, вмѣстѣ съ племянникомъ моимъ (нѣсколько старше меня) И. И. Прохоровичемъ. Многое въ жизни моей случилось нечаянно, скоропостижно. Кто не знаетъ, съ какими заботами и даже непріятностями сопряжено пріисканіе порядочнаго мѣста на службѣ, выгоднаго по жалованью, а равно по мѣрѣ и предмету занятій; ко мнѣ же сіи мѣста шли

какъ бы на встрѣчу. Я говорю это безъ всякаго хвастовства, и отъ чистаго сердца благословляю провидѣніе за его великія ко мнѣ милости. Такъ, едва мы прибыли въ городъ Тверь, черезъ нѣсколько часовъ уже опредѣлены были оба, 8 декабря 1813 года, въ канцелярію совѣта путей сообщенія, можно сказать: изъ ямскихъ саней я пересѣлъ прямо на стулъ младшаго секретаря, съ жалованьемъ 700 руб. ассиг. въ годъ. Прохоровичу досталось мѣсто переводчика, съ окладомъ 600 руб. Оно какъ будто и хорошо; но я не люблю ни въ чемъ торопливости. По моему, когда всмотришься въ предметъ исподоволь, выслушаешь отзывы объ немъ, да и самъ хорошенько понадумаешься, тогда и незнакомое дѣло не будетъ казаться грознымъ медвѣдемъ.

Покровитель нашъ, Александръ Павловичъ Хрущовъ, обладалъ разнородными, обширными познаніями, и въ особенности отличался необыкновенною, острою памятью: это былъ живой архивъ всѣхъ дѣлъ, когда либо имъ производимыхъ или читанныхъ, и отъ того былъ онъ письмоводитель чрезвычайно быстрый, неутомимый. Понынѣ я сохраняю къ нему чувствованія истиннаго уваженія и душевной признательности, которая была бы еще сильнѣе, еслибы онъ, по долгу ближайшаго моего начальника, обошелся со мною на первыхъ порахъ съ большею ласкою, и терпѣливо, внятно раскрылъ бы таинства канцелярскаго дѣлопроизводства; долго, долго казалось оно молодому, неопытному студенту какимъ-то чуднымъ, непостижимымъ хаосомъ бумагъ входящихъ и исходящихъ, протоколовъ, отношеній, предписаній, рапортовъ, докладовъ. Сообразно установленному порядку, Хрущовъ, какъ правитель канцеляріи совѣта путей сообщенія, произвелъ мнѣ и племяннику моему, у себя на дому, подробное испытаніе нашихъ познаній въ наукахъ и языкахъ, предложилъ намъ сдѣлать нѣсколько переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго на русскій языкъ и обратно, а равно задалъ составить экстракты изъ дѣлъ. На мою долю, какъ теперь помню, досталось огромное дѣло, то-есть переписка объ Огинскомъ каналѣ въ трехъ претолстыхъ волюмахъ. Дня четыре трудился я, какъ говорится, въ потѣ лица, надъ этимъ дѣломъ

и надъ моимъ экстрактомъ; но до сихъ поръ хорошенько не знаю, что и какъ я тогда написалъ объ этомъ многосложномъ предметѣ, надъ коимъ безпрестанно летало въ моемъ воображеніи имя мѣстнаго начальника водяныхъ сообщеній, генерала Фалькони. Впрочемъ, правитель канцеляріи впослѣдствіи передавалъ бывало для производства всѣ бумаги, относящіяся до канала Огинскаго преимущественно мнѣ, какъ достовѣрному исторіографу сего водяного пути. Названіе его и теперь пріятно звучитъ въ моихъ ушахъ, напоминая мнѣ превосходную музыку моего любимаго польскаго, сочиненнаго тоже Огинскимъ.—Да, скажу вамъ отъ чистаго сердца, что тогда то я почувствовалъ въ полной мѣрѣ, какъ недостаточно было наше университетское образованіе для юноши, выходящаго на поприще гражданской службы. Всѣ знанія въ туманной теоріи, а практики канцелярской ни на грошъ!—По сей-то причинѣ, если не по какой либо другой сторонней, управлявшій экспедиціею или департаментомъ путей сообщенія Дм. Сем. Серебряковъ, служака готическій, не благоволилъ ко мнѣ почти во все время службы моей въ томъ вѣдомствѣ.

Управленіе путей сообщенія имѣло счастіе прежде состоять подъ начальствомъ Ольденбургскаго принца Георгія, супруга В. К. Екатерины Павловны. То былъ золотой вѣкъ и для чиновниковъ, и для гражданъ тверскихъ. По кончинѣ его, не задолго предъ моимъ поступленіемъ туда на службу, главнымъ директоромъ путей сообщенія былъ инженеръ—генералъ Деволантъ—голандецъ ученый, трудолюбивый и весьма добрый, а членами нашего совѣта, инженеръ генералъ-маіоры: Карбоньеръ, Завалишинъ, Леонтьевъ, Саблуковъ и проч.

Первые шаги мои на службѣ вообще были для меня трудны и непріятны. Суровое обхожденіе старшаго секретаря съ канцелярскими чиновниками (но не со мною); безпрестанное пребываніе, почти жизнь въ канцеляріи; скудное содержаніе, даже безъ чаю и простаго лакомства, а съ другой стороны невыносимая тоска по разлукѣ съ братомъ Р. Ѳ. и съ моими университетскими товарищами: все это повергло меня въ сильную ипохондрію до того, что я рѣшился было возвратиться въ Москву.

Уже подана была мною и просьба объ увольненіи отъ службы, но г. Хрущовъ лично и черезъ посредство моего знакомца по университету, Ѳомы Яковлевича Ранда, уговорилъ меня бросить мое, довольно неосновательное намѣреніе—и я остался съ ними. Самъ не знаю, къ лучшему ли то сдѣлалось, или нѣтъ. Кажется, что и въ университетѣ не было бы мнѣ худо.

Не стану обременять васъ исторіею моей службы: официальное для официальныхъ; а вамъ, друзья мои, пожалуй скажу что нибудь изъ воспоминаній о моей двухлѣтней жизни въ Твери. Городъ, орошаемый рѣками Волгою, Тверцою и Тьмакою пользуется здоровымъ воздухомъ; послѣ великаго пожара отстроенъ щедротами Императрицы Екатерины II правильно и красиво. Граждане зажиточные; преимущественно занимаются судоходствомъ, а богатѣйшіе—хлѣбнымъ торгомъ съ Ригою. Говоря вообще, они непоколебимые приверженцы старины и весьма равнодушны къ связямъ дружбы и общежитія. Высокіе и добрые хозяева сихъ мѣстъ, принцъ Ольденбургскій и супруга его В. К. Екатерина Павловна, старались всѣми способами великодушія и ласки помочь этому горю, къ сожалѣнію, не чуждому многимъ изъ русскихъ губернскихъ городовъ, не говоря уже объ уѣздныхъ. Но тщетно. Бывало, не дозовутся ихъ на придворные вечера или балы, такъ что сверхъ пригласительныхъ билетовъ, не разъ должны были еще посылать камеръ-лакеевъ съ каретами, чтобы притащить дородныхъ купцовъ съ разрумяненными ихъ женами, какъ возятъ въ столицахъ актеровъ и актрисъ. Дочерямъ же ихъ, живымъ портретамъ великолѣпныхъ красавицъ 16 или 17 вѣка, предоставлено одно только публичное гулянье въ году, одно, но зато 30-ти дневное; нѣчто въ родѣ бывающаго въ Петербургскомъ лѣтнемъ саду, въ Духовъ день. Съ 1 іюля по 1 августа, почти ежедневно, и въ полдень и вечеромъ, онѣ оставляютъ свои теремы, и въ лучшихъ нарядахъ, истинно—русскихъ, появляются хороводами то на улицѣ, то у своихъ домовъ, чтобы, какъ говорится, себя показать и людей посмотрѣть. По захожденіи солнца, во всѣхъ концахъ города раздаются ихъ громкія, веселыя пѣсни, начиная съ удалой „какъ у нашихъ у воротъ стоялъ дѣвокъ хо-

роводъ"... и проч. и проч. Но какъ собраніе дѣвицъ не можетъ, да и не должно быть безъ кавалеровъ, то и длиннополые кандидаты супружества, то-есть суженые тутъ какъ тутъ: анъ дѣло выходило и отраднѣе и успѣшнѣе, не въ обиду будь сказано бабушкамъ, въ свое время тоже выглядывавшимъ коварно изъ-за собольей рукавички. Впрочемъ, сколько помню, все шло чинно, благопристойно въ своемъ видѣ и порядкѣ; что подтвердить могутъ и всѣ бывшіе тамъ наши братья кургузые зрители. А почему знать?—можетъ быть, о всемъ томъ что нибудь сказали въ своихъ мемуарахъ, разумѣется съ обыкновеннымъ на нашъ счетъ преувеличеніемъ, и гг. де-Шапель, Монрозъ или другіе плѣнные французскіе офицеры, жившіе тогда въ Твери, и притомъ въ моемъ сосѣдствѣ. Кстати о мосье де Шапелѣ: что это былъ за молодецъ, красивый, ловкій, привѣтливый до очарованія и говорившій даже по русски изрядно! Ну, вѣрно, не одинъ грустный вздохъ полетѣлъ съ береговъ Волги въ слѣдъ за нимъ на приморскія равнины, helas! счастливой Пикардіи. Видно, говоря языкомъ минувшаго столѣтія, Амуръ плохой моралистъ: сковываетъ сердца и племенъ разнородныхъ, враждебныхъ.

По благополучномъ и славномъ заключеніи мира въ Парижѣ, проходили въ 1815 году и черезъ Тверь плѣнные солдаты французскіе, возвращавшіеся изъ нашихъ сѣверныхъ губерній. Поразительно и любопытно было видѣть этихъ стройныхъ, развязныхъ, высокихъ гренадеровъ въ нашемъ простомъ одѣяніи, можно сказать, летѣвшихъ въ свою изнуренную отчизну послѣ вѣковаго, назидательнаго урока, и въ восторгѣ оглашавшихъ пустыя Тверскія улицы пріятными напѣвами своихъ водевилей. Иные продавали намъ плетеныя кольца съ изображеніемъ vive Alexandre!—Другіе же изъ нихъ, особенно Италіанцы, заглядывали даже въ нашу канцелярію, и своими фокусами, гримасами и припѣвами выманивали у насъ деньги себѣ на дорогу. Vive l'industrie!

Наклонность моя или привычка къ уединенію, отъ самыхъ раннихъ лѣтъ, весьма пригодилась мнѣ и въ Твери. Я не могъ, да и сослуживцы мои не успѣшнѣе въ томъ были, сблизиться

съ кѣмъ либо изъ мѣстныхъ жителей, чиновни ковъ и дворянъ А потому лѣтомъ единственнымъ моимъ услажденіемъ были пѣхотныя прогулки по окрестностямъ; причемъ иногда сопутникомъ моимъ былъ сослуживецъ князь Авесовъ, человѣкъ немолодой, но отмѣнно добродушный, потомокъ какого-то поклонника Далай-Ламы. Вотъ и здѣсь еще случай къ моему сближенію съ азіатцами. Изъ окрестностей Тверскихъ незабвенны для меня—Трехсвятское, прекрасное жилище архіереевъ тамошнихъ, близъ него какой-то женскій монастырь, гдѣ г-жа Полторацкая выстроила, было, кровавыми трудами крестьянъ своихъ, огромную каменную церковь, которая, едва на ней водруженъ былъ крестъ, въ мигъ разрушилась до основанія; а всего пріятнѣе бывало мнѣ посѣщеніе монастыря Желтикова, верстахъ въ 4-хъ отъ города. Обитель пустынная, окруженная сосновымъ лѣсомъ, и заунывные напѣвы благочестивыхъ черноризцевъ ея, сладко питали меланхолію въ душѣ моей, подавляемой чувствомъ сиротства и недостаткомъ дружбы.

Наконецъ, генералъ Деволантъ исходатайствовалъ Высочайшее разрѣшеніе перевести главное управленіе путей сообщенія въ С.-Петербургъ, куда онъ и отправился предварительно съ нѣсколькими чиновниками, въ числѣ коихъ былъ и мой племянникъ И. И. Прохоровичъ. Несчастный! Онъ недолго пользовался столичными удобствами; злая чахотка пресѣкла дни его тамъ весною 1815 г., слишкомъ рано и болѣзненно. Послѣ архивы и большая часть чиновниковъ нашихъ, а особливо семейные, отправлены туда-же отдаленнымъ, но своимъ путемъ, то-есть по водѣ; а такъ называемыя нужнѣйшія лица, я, бухгалтеръ А. С. Осиповъ и проч., осчастливлены повелѣніемъ отправиться въ столицу немедленно, на почтовыхъ; что исполнилъ я скоро, исправно и съ истиннымъ удовольствіемъ.

Такъ, 20 января 1816 года я увидѣлъ въ первый разъ нашу столицу, нашъ стройный, чистый, фрунтовый Петербургъ. Городъ поразилъ меня единообразіемъ, своею правильностію и опрятностію; но всегда скажу: Петербургъ красивый гвардеецъ, а матушка Москва добрая барыня, и здоровая и гостепріимная.

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО[1].

(1813—1862 г.).

ГЛАВА X.

Размышленіе отца по пріѣздѣ домой. Сборы и выѣздъ въ Харьковъ. Несчастія на дорогѣ и первое знакомство съ барскимъ домомъ. Ахтырка и Богодуховъ. Мы въ Харьковѣ.

Возвратясь домой, отецъ мой тотчасъ же принялся устраивать дѣла для отъѣзда въ Харьковъ; ибо іюль уже былъ на исходѣ, а извѣстно, что съ 1 августа начинались уже въ университетѣ вступительные экзамены. Оставалось пробыть мнѣ въ деревнѣ не болѣе 5 дней. Въ это время я былъ уже совершенно здоровъ, только на головѣ моей не было волосъ, но это однакожъ не мѣшало мнѣ нисколько наслаждаться, на прощаньи, природой и бесѣдою съ отцемъ, которая была всегда для меня истиннымъ наслажденіемъ. Отецъ мой въ молодости своей ѣздилъ довольно; не былъ—правда—за границей, но былъ въ Крыму и въ Польшѣ, и нѣсколько разъ посѣщалъ Москву; слѣдовательно поѣздка въ Харьковъ всего за 150 в. могла быть для него дѣломъ обыкновеннымъ.... Но съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Крыму, въ Польшѣ и Москвѣ прошло отъ 40 до 30 лѣтъ, и эти 30—40 лѣтъ прожилъ онъ безвыѣздно почти въ своихъ хуторахъ, дѣлая только небольшіе выѣзды верстъ за 50 и не болѣе 80 по разнымъ дѣламъ домашнимъ. Поэтому-то предпо-

[1]) См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 12.

лагаемая поѣздка въ Харьковъ за 150 в., недѣли на двѣ, въ самое время жатвы, и при томъ будучи старикомъ (ему было тогда 64 года) казалась ему нѣсколько затруднительною, чего въ особенности онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать отъ меня. Деньги въ это время у отца моего водились въ достаточномъ количествѣ, такъ что, не смотря на то, что въ предшествующее горестное время все семейство наше переболѣло,—онъ все таки собралъ до 500 р. ассигн. для Харькова.

„Вотъ мы поѣдемъ завтра," сказалъ мнѣ папенька въ послѣдній вечеръ, когда я, нагулявшись по полямъ и лѣсамъ, пришелъ къ нему въ любимую его пасѣку, гдѣ онъ проводилъ почти все свое время дня.

Я сказалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаю той минуты, когда скажутъ мнѣ, что я студентъ.

„А тебя это очень занимаетъ?" спросилъ онъ

—О какъ же!

„Я этому душевно радъ, но совѣтую тебѣ помнить, что отецъ твой человѣкъ не богатый: это для того говорю я тебѣ, что тамъ много всякаго рода молодыхъ людей, а въ особенности богачей, для которыхъ наука дѣло второстепенное... для нихъ это, положимъ, можно, но для тебя наука должна быть первымъ дѣломъ—ты долженъ учиться хорошо и смотрѣть за братомъ своимъ, котораго отдаю на твои руки; будь уменъ, но старайся также и о нравственности; пока я живъ, я найду какія-нибудь средства васъ поддерживать; но умру—тогда всѣ должны дѣйствовать своимъ умомъ—на мать не надѣйтесь. Вы должны учиться, какъ теперь учатся—свѣта не перемѣнишь.... Когда окончишь курсъ въ университетѣ, я отошлю тебя въ Петербургъ на службу—можетъ быть тамъ выйдешь въ люди и братьевъ своихъ выведешь; я ничего для этого не пожалѣю".

Я съ благоговѣніемъ слушалъ эту умную рѣчь отца, котораго съ младенчества привыкъ почитать и любить.

Мы собрались и поѣхали въ Харьковъ 28 іюля 1830 г. Утро было прекрасное, дорога гладкая, ровная. Бричка наша, хотя и наложенная сверху до низу разнаго рода поклажей, катилась свободно и довольно быстро, такъ что отецъ мой нѣ-

сколько разъ шутилъ, говоря; „эдакъ мы сегодня еще па ужинъ въ Харьковъ поспѣемъ. Хотя, разумѣется, мы принимали за шутку—не болѣе; однакожъ все таки намѣревались ночевать въ Ахтыркѣ, отстоящей отъ нашего хутора въ 45 вер. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, какъ говоритъ пословица. Не успѣли мы проѣхать верстъ 12, какъ задняя ось въ нашемъ экипажѣ лопнула... И мы остались среди чистаго поля горевать..... Домой далеко, до ближайшей деревни Павловки версты 4—что дѣлать? Ужъ, конечно-же, не назадъ а впередъ надобно ѣхать: кое-какъ увязали поломанную, ось—и отправились пѣшкомъ всѣ, даже кучеръ, который долженъ былъ вести лошадей за поводья. Такимъ тріумфальнымъ шагомъ мы благополучно достигли селенія Павловки, отецъ нашъ тотчасъ-же отправился къ тамошнему богатому помѣщику Евгенію Григорьевичу Бразолю, а мы остановились съ своимъ разломаннымъ экипажемъ въ домѣ одной дальней своей родственницы вдовы.

Не прошло получаса времени, какъ во дворъ нашъ явились человѣкъ восемь людей—взяли нашу бричку и почти на рукахъ вынесли ее изъ двора; къ намъ же въ комнату вошелъ лакей и сказалъ намъ, что просятъ насъ въ домъ пить чай. Мы отправились. Вошли въ комнату и нашли тамъ отца нашего, бесѣдующаго съ Брозилемъ. Мы были отрекомендованы и приняты ласково. Но я былъ рѣшительно уничтоженъ въ присутствіи знатнаго барина, сидящаго въ роскошно убранной комнатѣ. До тѣхъ поръ, я если и видѣлъ порядочную меблировку дома въ Полтавѣ у нашего директора Огнева; но это было слишкомъ далеко отъ того, чему былъ теперь свидѣтелемъ. Въ особенности поразилъ меня богатый чайный сервизъ на дорогомъ серебряномъ подносѣ и хорошо одѣтые лакеи, которые здѣсь прислуживали. Это было первое знакомство мое съ аристократизмомъ и потому весьма понятно мое смущеніе: я, бывши тогда весьма умнымъ и расторопнымъ мальчикомъ, безпрестанно робѣлъ и мѣшался. Напившись чаю, мы отправились на квартиру гдѣ по обычаю пустились бесѣдовать съ отцомъ о разныхъ матеріяхъ. Между тѣмъ былъ уже часъ 10-й. Когда мы собра-

лись уже приняться за трапезу, т. е. съѣсть кусокъ жареной индѣйки, взятой на дорогу, къ намъ вошли два лакея съ подносомъ, на которомъ было наставлено множество разныхъ закусокъ и кушаньевъ. Они сказали, что Евгеній Григорьевичъ прислалъ ужинъ, зная, что здѣсь негдѣ ничего достать, и между тѣмъ какъ отецъ мой выказывалъ передъ ними свою благодарность заботливости ихъ барина, они разставили столъ, накрыли чистой скатертью, поставили приборы и бутылку вина... Папенька посмотрѣлъ на вино и сказалъ имъ: „а я вина почти никогда не пью, но такого хорошаго нельзя не выпить хоть рюмку“. Не знаю, какъ отецъ и братъ, а я ѣлъ все съ апетитомъ: тогда-же я познакомился въ первый разъ и съ голландскимъ сыромъ. Ужинъ кончился. Лакеи ушли, а мы погрузились въ объятія Морфея.

На другой день чуть свѣтъ бричка наша стояла уже на дворѣ, совершенно исправленная, и папенька хлопоталъ укладывать вещи. Кузнецъ, видимо, довольный награжденіемъ, полученнымъ за трудъ, стоялъ передъ папенькой безъ шапки и вѣжливо докладывалъ, что уже такой шкоды не буде до Харькова—будьте покойны! Тройка выкормившихся лошадей запряжена, мы сѣли—и пыль столбомъ. Кажется, сами лошади чувствовали, что они стремятся къ Харьковскому университету!!

Дорога прекрасная, гладкая ровная доставляла мнѣ большое удовольствіе... Я увидѣлъ Ворсклу съ ея очаровательными берегами, монастырь, стоящій на дивномъ холмѣ, заросшемъ кустарниками и, наконецъ, самую Ахтырку.

Здѣсь отецъ разсказалъ мнѣ поэтическую легенду о монастыряхъ вообще—я слушалъ со вниманіемъ разсказъ о монашеской жизни, удаленной отъ бурь и треволненій свѣта, объ эстетическомъ ихъ вкусѣ, съ которымъ монахи избирали такія восхитительныя мѣста для своихъ обитателей, что въ послѣдствіи еще болѣе уразумѣлъ, увидѣвши монастыри Будищскій, Хорошевскій, Куряжскій и наслышавшись разсказовъ о Святогорскомъ.

Ахтырка была уже становищемъ татаръ—и въ виду этого становища святая обитель—сколько религіи и поэзіи вмѣстѣ!..

Въ Ахтыркѣ мы кормили лошадей, были у образа чудотворной Матери Божіей—и поѣхали дальше. Проѣзжали по столбовой дорогѣ, на которой безпрерывно встрѣчались намъ поселяне съ нагруженными сѣномъ возами, неслись почтовыя тройки, по бокамъ которой волновалась богатая жатва и жнецы съ блестящими серпами и косами—я мало обращалъ вниманія на дѣйствительность: мысли мои были далеко, далеко!

Въ этихъ мечтахъ и грезахъ, навѣянныхъ на душу мою воспоминаніями прошедшаго, мы нечувствительно доѣхали до Богодухова, гдѣ и остановились ночевать. Я въ первый разъ тогда ночевалъ на постояломъ дворѣ, и потому все меня занимало: и безпрерывное появленіе новыхъ лицъ, и неисчерпаемый источникъ горилки, льющейся въ глотки замысловатыхъ хохловъ, шумъ и гамъ жинокъ, и стоическое хладнокровіе шинкаря, который почти въ одно и тоже время долженъ былъ удовлетворять десять различныхъ требованій.

На другой день, чуть свѣтъ, мы были уже въ дорогѣ, кормили лошадей въ Ольшанѣ и къ вечеру въѣхали на Холодную гору, откуда представилось намъ очаровательное зрѣлище Харькова.

Въ самомъ дѣлѣ, видѣть Харьковъ въ первый разъ для человѣка, который, кромѣ Полтавы, другихъ городовъ не видѣлъ—задача не послѣдняя! Для меня же съ понятіемъ о Харьковѣ и съ воззрѣніемъ на него соединялось еще и чувство образованія—университетъ представлялся мнѣ въ обольстительныхъ лучахъ свѣта. Въ каждомъ каменномъ зданіи я думалъ отгадать это святилище науки и поминутно спрашивалъ отца: гдѣ же университетъ? Отецъ, который былъ въ Харковѣ въ 1798 г., когда еще тамъ не было университета, не могъ удовлетворить моего любопытства. Едва только мы съѣхали съ Холодной Горы, тотчасъ же начали спрашивать себѣ квартиры, и какъ это было только предмѣстіе, то разумѣется, намъ совѣтовали ѣхать дальше въ городъ; переѣхавши площадь, на которой находится жандармская команда, мы ужаснулись громадною возвышающихся каменныхъ зданій и не смѣли уже спросить о квартирѣ: только въ концѣ Екатеринославской улицы останови-

лись возлѣ одного небольшаго дома и спросили: нельзя-ли переночевать? намъ сказали, что можно, но потребовали по 2 р. 50 к. ассиг. въ сутки, и бричка наша торжественно въѣхала въ ворота дома купца Нѣмченка, что я тогда же и прочиталъ на прибитой сверху воротъ доскѣ.

Такъ какъ былъ уже вечеръ, то мы помѣстились въ отведенной намъ комнатѣ, рѣшились поужинать и лечь спать, къ чему побуждала насъ и усталость послѣ продолжительнаго пути. Я заснулъ скоро.

ГЛАВА XI.

Обозрѣніе Харькова. Университетъ. Экзамены. Я студентъ. Начало лекцій. Историческая лекція и смерть профессора исторіи. Товарищи. Холера и отъѣздъ во свояси. Карантинъ въ Куземенѣ.

На другой день очень рано, какъ только-могъ рано проснуться отецъ нашъ, мы отправились осматривать городъ. Екатеринославская улица и тогда уже славилась своими громадными постройками, хотя впрочемъ многихъ домовъ, теперь существующихъ, тогда еще не было; но Московская поразила насъ особенно. Отецъ нашъ, который былъ въ Харьковѣ передъ тѣмъ за 32 года, т. е. въ 1798 г. разсказывалъ намъ, что этой улицы вовсе тогда не было, а вмѣсто ея было почти безвыходное болото, которое къ той сторонѣ, гдѣ теперь домъ купца Собкина, было заросше камышомъ, что это было уже за городомъ и что охотники ходили тогда стрѣлять утокъ и прочую дичь! Далѣе съ стороны университетскаго сада—чистое поле; тамъ же, гдѣ теперь церковь Мироносицы, было кладбище, котораго теперь и слѣдовъ не видно,—только развѣ тѣ слѣды, что при постройкѣ новыхъ домовъ вырываются иногда старыя кости. Мы вошли въ университетскій садъ: длинная, прекрасная аллея очень понравилась намъ, въ особенности же китайская бесѣдка, которая тогда была во всей красѣ своей; оттуда отправились по Сумской улицѣ къ дому дворянскаго собранія: какъ разъ противъ этого зданія находился прекрасный

бульваръ, неизвѣстно для чего послѣ уничтоженный; посидѣвши и отдохнувши съ 1/4 часа на этомъ бульварѣ, мы вошли въ церковь Николая и отслушали тамъ часть обѣдни, которая тогда отправлялась.

„Теперь пойдемъ посмотрѣть университетъ“—сказалъ папенька, и я съ нѣкоторымъ душевнымъ волненіемъ вошелъ въ проулокъ, изъ котораго тотчасъ же и представился намъ университетъ. Папенька предложилъ мнѣ зайти въ правленіе университета, чтобы справиться: какъ, что и гдѣ должно представить и приложить.

Меня въ особенности поразила здѣсьнизменность служащаго люда: я увидѣлъ здѣсь почти то же, что въ уѣздномъ или земскомъ судѣ, между тѣмъ какъ надѣялся увидѣть людей совсѣмъ другаго рода—людей благовоспитанныхъ и благоразумныхъ. Папенька спросилъ какого-то приказнаго о своемъ дѣлѣ—онъ указалъ на другой столъ. Мы подошли къ другому столу. Столоначальникъ принялъ просьбу весьма сухо, сказалъ, что ему некогда, черезъ часъ приходите и т. п., но когда папенька потихоньку засунулъ подъ бумагу цѣлковаго, то тотчасъ же нашлось время и мы были удовлетворены совершенно: Узнали кому, когда и гдѣ подавать прошеніе, какіе нужны документы и въ добавокъ получили копію прошенія. Я переписалъ прошеніе, какъ можно лучше, и на другой день въ 9 ч. утра мы отправились къ ректору Н. М. Еллинскому. Прошеніе мое тотчасъ же было принято, помѣчено: „допустить къ экзамену“—и мы ушли. На другой день я долженъ былъ явиться въ университетскую залу, въ которой обыкновенно производятся экзамены, и которая для многихъ очень часто бываетъ la chambre pas perdus... По какому то внутреннему безотчетному сознанію я не боялся предстать въ этотъ ареопагъ—одна только математика пугала меня; но и здѣсь тотчасъ представлялось мнѣ въ радужныхъ лучахъ сочиненіе, которое я надѣялся написать хорошо и быть расхваленнымъ, какъ обыкновенно всегда почти расхваливалъ учитель словесности въ Полтавѣ. Но когда я предсталъ предъ это судилище и увидѣлъ весь многочисленный составъ профессоровъ, которыхъ—

безъ сомнѣнія—я считалъ тогда чуть не пророками и вѣщими, меня одолѣла робость страшная: ни живъ, ни мертвъ я остановился у дверей залы, не смѣя идти далѣе въ своемъ старенькомъ, вовсе не по модѣ сшитомъ, сюртучкѣ, и голой отъ горячки головою... тогда я потерялъ рѣшительно всякое сознаніе собственнаго достоинства. Мнѣ стало страшно тѣмъ болѣе, что отецъ мой остался на крыльцѣ до окончанія экзамена, не имѣя права (по положенію) войти въ залу. Въ этомъ положеніи я оставался до тѣхъ поръ, пока подошелъ ко мнѣ какой-то профессоръ и спросилъ: изъ какой вы гимназіи? Я сказалъ. А, это гимназія хорошая, прибавилъ онъ и сказалъ мнѣ, что-бы я шелъ за нимъ. Первый предметъ, изъ котораго меня спрашивали, былъ французскій языкъ: меня заставили писать строчекъ 5 на доскѣ—я сдѣлалъ три ошибки въ орѳографіи. Потомъ перевелъ строчекъ 10 изъ Телемака. Экзаменъ изъ латинскаго явыка, исторіи, географіи, Закона Божія и прочихъ предметовъ не оконфузилъ меня—я получилъ хорошія отмѣтки; но профессоръ математики Празицкій сказалъ, что я ровно ничего не знаю, и записалъ нуль, а изъ физики 4, изъ русскаго языка и словесности я получилъ 5, и сверхъ того профессоръ отозвался, что въ моемъ сочиненіи не нашелъ ни одной ошибки, и что мысли и слогъ есть... Сочиненіе мнѣ задано было: о любви къ отечеству; сколько помню, я дѣйствительно написалъ его хорошо. Вслѣдствіе всего этого математическій нуль мнѣ ничего не помѣшалъ и какой-то изъ благороднѣйшихъ г.г. профессоровъ лично поздравилъ отца моего, что его сынъ студентъ! Отецъ тутъ-же расцѣловалъ меня и благодарилъ добраго вѣстника такъ искренно и съ такимъ душевнымъ волненіемъ, что тотъ выразился тутъ-же весьма благосклонно обо мнѣ. Радость наша была неописанная: послѣ обѣда же мы отправились покупать шляпу и шпагу—необходимые атрибуты студенческаго званія. Отецъ нашъ прожилъ еще въ Харьковѣ три дня, въ которые и меньшой братъ мой Андрей былъ принятъ въ первый классъ гимназіи. Выразить любовь и благодарность къ намъ за оказанные успѣхи отецъ старался чѣмъ только могъ: мы ходили смотрѣть волтижеровъ; намъ заказано было хорошее

платье, нанята квартира, хотя безъ чаю, но даны деньги на чай... Наконецъ, надобно было разстаться съ отцомъ надолго: онъ уѣхалъ, благословивши насъ на новый родъ жизни, къ исполненію новыхъ обязанностей.... „Я не прошу тебя учиться хорошо“, сказалъ мнѣ отецъ: ты и безъ моей просьбы будешь хорошимъ студентомъ, потому что любишь науки, но приказываю тебѣ быть нравственнымъ человѣкомъ, чтобы я на старости лѣтъ могъ порадоваться тобою, какъ ты радовалъ меня до сихъ поръ; надѣюсь, что ты не свяжешься съ какими-нибудь негодяями, а будешь искать товарищей добрыхъ, которые тебѣ могутъ пригодиться и которымъ ты можешь быть полезнымъ въ иное время. За братомъ смотри—онъ еще малъ, а ты уже опытнѣе; показывай ему, чего онъ самъ не смыслитъ; Богъ наградитъ тебя за это; да и онъ, когда выростетъ и будетъ добръ, вспомнитъ о братѣ, который былъ ему съ дѣтства и нянькою и учителемъ.

Отецъ уѣхалъ; мы остались въ Харьковѣ одни на попеченіи судьбы, которая одна знала насъ. Долго еще мы не знали, что дѣлать—знакомыхъ никого не было, а лекціи не начинались. Наконецъ 30 августа настало; торжественный актъ совершенъ, и 1 сентября позвали насъ въ аудиторіи внимать мудрости университетской. Я вошелъ въ аудиторію съ какимъ-то необъяснимымъ трепетомъ: мнѣ казалось, что профессоръ, который явится, есть что-то сверхъестественное... ничуть не бывало: черезъ четверть часа вошелъ въ аудиторію толстый человѣкъ, довольно большаго росту, взошелъ на каѳедру, сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и потомъ началъ говорить о значеніи и важности исторіи, историческихъ источникахъ, способахъ изложенія и т. п., что мнѣ было извѣстно изъ разныхъ книгъ еще въ Полтавѣ; впрочемъ, я слушалъ очень внимательно, первая лекція сдѣлала на меня пріятное впечатлѣніе—она польстила моему самолюбію: я не только могъ все понять, сказанное профессоромъ, но и знать даже кое-что изъ того, что онъ говорилъ.

Послѣ этой первой лекціи вошелъ другой профессоръ логики Гринбергъ. Это лицо весьма замѣчательное: онъ собствен-

но былъ лекторомъ нѣмецкаго языка, по-русски ровно ничего почти не зналъ, но за смертію профессора философіи Дубровича ему поручено преподаваніе логики и этики. Этотъ-то Гринбергъ явился къ намъ послѣ проф. исторіи Филомафитскаго. Что онъ толковалъ, никто рѣшительно не понялъ, да и онъ самъ, кажется, не сознавалъ значенія словъ своихъ, потому что очень часто останавливался, не кончивши фразы, и извинялся, что онъ „изъяснить не могутъ“. Разумѣется, мы всѣ смѣялись— и лекція наша была веселымъ препровожденіемъ времени. На другой день тоже приходили къ намъ разные профессора: Артемовскій, Могилевскій и др.; но я всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ Филомафитскаго, чтобы повѣрять свои историческія знанія, и Гринберга, чтобы посмѣяться. Однажды, помню во вторникъ, мы ожидали Филомафитскаго: прошло уже около получаса, онъ все не являлся и мы не знали, чему приписать это; вдругъ является къ намъ въ аудиторію педель (теперь субъ-инспекторъ) и объявляетъ, что профессора не будетъ. Отъ чего? спросили мы. „Онъ умеръ“! Это извѣстіе поразило меня ужасно, такъ, что я не могъ сказать слова и со слезами отправился домой. На другой день насъ собрали въ домъ умершаго профессора, на третій день было торжественное погребеніе, предшествуемое панихидой, за которой я плакалъ навзрыдъ.

Когда хоръ пѣвчихъ запѣлъ: „упокой, Господи, душу усопшаго раба Божія болярина Евграфа“, я такъ сильно началъ рыдать, что обратилъ общее вниманіе, и инспекторъ, подошедши ко мнѣ, также со слезами на глазахъ, самымъ деликатнымъ образомъ предложилъ мнѣ выйти на чистый воздухъ и успокоиться.

На другой день, послѣ похоронъ профессора, дѣла приняли свой обычный ходъ: мы опять собрались на лекцію въ ожиданіи Гринберга, который—затрудняясь въ изъясненіи лекцій—имѣлъ привычку опаздывать минутъ 20,—мы шутили и смѣялись, съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія, кто займетъ мѣсто Филомафитскаго и вѣровали, что явится какой нибудь знаменитый ораторъ и будетъ все то благо, все добро! Въ лекціяхъ многіе изъ насъ находили жизнь, или—правильнѣе сказать— самыя лекціи считали жизнью.

О юность, прекрасная юность! Какъ обольстительны были для меня мечты твои! На скамейкѣ аудиторіи, окруженный товарищами, я съ жадностію ловилъ каждое слово профессора; я готовъ былъ вѣрить тогда, что преподаваемая намъ исторія есть истинная исторія, естественное правоистолкователь законовъ природы. Относительно ближнихъ и дальнихъ людей, я готовъ былъ среди самой лекціи обнять и расцѣловать товарищей; готовъ былъ разрѣзать руку и кровью своею написать клятву, что если буду полководцемъ, судьею, правителемъ, господиномъ—то не въ петличку или на шею орденокъ, не близость къ тѣлу своей рубашки, не manus manum levat,—но благо общее, слава родины, честь имени и совѣсть будутъ руководителями моими. И гдѣ вы теперь драгоцѣнные мечты юности послѣ тѣхъ жестокихъ опытовъ и примѣровъ жизни, которые заставили меня сдѣлаться школьнымъ учителемъ, чтобы по крайней мѣрѣ остаться честнымъ человѣкомъ, если нельзя—по выраженію поэта—не презирать людей.

О какъ глубоко запали въ душу мнѣ стихи:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей (Пушкинъ).

Они объяснили мнѣ, что можно потерять вѣру въ достоинство людей, можно чуждаться ихъ, и, не преслѣдуя ихъ, не дѣлая, даже не желая имъ зла, можно остаться равнодушнымъ зрителемъ тѣхъ бѣдствій, которыя они сами себѣ причиняютъ.

Но и это ужасно!

Мы слушали и слушали разныя лекціи—иныя изъ книгъ, другія изъ тетрадокъ, и все это было такъ краснорѣчиво, такъ и ложилось прямо въ душу! Прошелъ августъ, прошла и половина сентября.

Вдругъ разнеслась молва о холерѣ—ужасъ обнялъ всѣхъ—страшное время! безъ ужаса нельзя его вспомнить. Смерть, плачъ, молебны, гробы, восковыя свѣчи, общее уныніе, пустота—вотъ что представлялъ тогда Харьковъ!

Холера, холера, холера! раздавалось и тихо, и громко по всѣмъ улицамъ... О холерѣ толковали и въ аудиторіяхъ студентскихъ!

Однажды собрались мы, не помню на какую лекцію, и въ ожиданіи профессора разсуждали о постигшемъ насъ бѣдствіи... Много было толковъ о томъ, слѣдуетъ-ли уходить изъ Харькова или оставаться? Я былъ того мнѣнія, что лучше уѣхать; едва сказалъ я это, какъ подошелъ товарищъ Ренчицкій и объявилъ, что онъ не прочь отъ того, чтобы также ѣхать. Поразговорившись другъ съ другомъ и узнавши взаимно, что я долженъ ѣхать въ Зѣньковъ, полтавской губ., а онъ въ Городню черн. губ., мы рѣшились отправиться вмѣстѣ. Сказано—сдѣлано. Тогоже дня мы пошли нанимать извощика и—не смотря на страшную цѣну 50 р. ассигн. до Зѣнькова, а равно и на то, что у меня въ карманѣ оказалось всего рублей десять ас., мы рѣшились завтра-же уѣхать. Касательно-же расходовъ Ренчицкій обѣщалъ быть нашимъ кредиторомъ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ и погостить у насъ въ хуторѣ съ недѣлю, если тамъ не будетъ на ту пору холеры.

На другой день чуть свѣтъ кацапская кибитка выѣхала изъ Харькова и въ той кибиткѣ помѣщались: я, братъ мой, Ренчицкій и нашъ мальчикъ. Весело и пріятно было намъ ѣхать: сентябрь былъ на исходѣ, погода прекрасная, обнаженныя поля благоухали еще сушенымъ хлѣбомъ и соломой; на степахъ стояли стоги сѣна, и лѣса зеленѣли еще, изрѣдка только выказывая то красные, то золотые листы. На душѣ было свѣтло и радостно. Казалось, что уѣхавши изъ Харькова, мы спаслись отъ жестокой эпидеміи—да мы и забыли объ ней вовсе, отъѣхавши верстъ 60. На другой день мы обѣдали въ Ахтыркѣ, вовсе не предполагая и ужинать тамъ-же. Но случилось вотъ какъ: пообѣдавши часу во 2, мы тотчасъ-же отправились въ путь, предполагая въ тотъ-же день быть дома; но, доѣхавши до Гнилицы, верстахъ въ 16 отъ Ахтырки, мы встрѣтили рогатки, такъ названный тогда кордонъ, состоящій въ томъ, что мостъ былъ закрытъ наглухо, и смотритель намъ объявилъ, что по сему тракту нѣтъ никакого проѣзду, что мы ѣдемъ изъ неблагополучнаго мѣста, а потому должны выдержать 2-хъ недѣльный карантинъ, что карантинъ этотъ учреждается теперь же въ Куземинѣ и что если намъ благоугодно, то мы можемъ возвра-

титься въ Ахтырку, ѣхать другой дорогой на Куземинъ, или возвратиться въ Харьковъ. Разсуждать было нечего, перемѣнить судьбы своей невозможно; но ѣхать въ Харьковъ вовсе намъ не приходило въ голову. Мы возвратились въ Ахтырку, переночевали и на другой день пустились на Куземинъ... Тутъ-то уже взяло насъ раздумье—денегъ нѣтъ, извощикъ сердится, угрожаетъ карантинъ... Но этимъ все горе наше не кончилось. Мы приближались уже къ Куземину, какъ вдругъ изъ лѣсу выходитъ толпа вооруженныхъ дубинами мужиковъ и съ крикомъ: „не наблыжайсь!“ загородила намъ дорогу. Мы выскочили изъ кибитки, чтобы узнать причину такой мѣры, и къ сожалѣнію нашему узнали, что вѣсть о карантинѣ есть неоспоримая истина. Мужики сказали, что мы должны явиться къ смотрителю и отъ него уже узнать дальнѣйшій ходъ дѣлъ, а имъ только велѣно не пускать—и больше ничего. Смотритель, увѣдомленный о пріѣздѣ якихсь паничивъ, не замедлилъ явиться; но считая насъ зачумленными, не приближался къ намъ, но разговаривалъ на разстояніи 20 шаговъ. Узнавши, что мы не намѣрены возвратиться въ Харьковъ, онъ сказалъ: такъ подождите же, я сдѣлаю распоряженіе о помѣщеніи васъ въ карантинъ. Узнавши достовѣрно, что намъ необходимо держать карантинъ въ продолженіе 14 дней, мы должны были отпустить извощика,—но тутъ то и явилось затрудненіе—не было достаточной суммы денегъ ни у меня, ни у Ренчицкаго. Здѣсь Провидѣніе послало намъ помощь съ такой стороны, съ которой мы вовсе ее не ожидали. Надобно замѣтить, что карантинъ въ настоящемъ значеніи, т. е. хаты карантинныя отведены были только для благородныхъ; всѣ же прочіе должны были выдерживать его на чистомъ воздухѣ подъ открытымъ небомъ въ долинѣ близь Ворсклы, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ застигло насъ страшное слово: не наблыжайсь! Въ ожиданіи смотрителя, который долженъ привести насъ въ карантинъ, мы сошли внизъ съ горы и увидѣли цѣлый таборъ мужиковъ, мелкихъ торгашей и т. п. людей, изъ которыхъ многіе вчера тольсо выѣхали въ Харьковскую губ. верстъ за 5, а сегодня застигнуты страшнымъ предписаніемъ о карантинѣ и не думая и не гадая

должы, были сѣсть въ карантинѣ на двѣ недѣли. Здѣсь то и явилось намъ спасеніе въ финансовомъ отношеніи. Намъ пришло въ мысль: нѣтъ ли у этихъ православныхъ десятка цѣлковыхъ подъ залогъ серебряныхъ часовъ, которые у меня стучали въ карманѣ—и дѣйствительно одна христіанская душа въ образѣ Зѣньковскаго мѣщанина, торгующаго полотнами, рѣшилась пособить нашему горю, даже безъ процентовъ. Эта душа объявила, что она очень хорошо знаетъ моего отца и потому съ удовольствіемъ даетъ въ займы денегъ,—часы-же беретъ только такъ—для случая. Мы взяли 10 цѣлковыхъ и тутъ-же разсчитались съ извощикомъ, который сей часъ-же отправился въ путь. Между тѣмъ явился и смотритель карантина, вмѣстѣ со докторомъ и 2 мужиками, которые несли горшокъ, наполненный sulphura sublimata, завороченную въ бумагу въ банкѣ. Докторъ нѣмецъ поразспросилъ насъ дурнымъ русскимъ языкомъ о здоровіи, смотритель записалъ въ особенную вѣдомость наши фамиліи, а мужики раздули между тѣмъ жаровню, и предложили намъ приблизиться; горсть sulph sublim высыпана была на горящіе уголья и мы должны были наклониться надъ этимъ благоухающимъ снадобьемъ и выдержать пытку; но этимъ еще не кончилось наше очищеніе. Вскорѣ затѣмъ принесенъ былъ глиняный тазъ съ хлориновой водой и мы должны были почти что скупаться въ этой ароматической жидкости, т. е. смыть около 10 разныхъ оконечностей и отверстій тѣла—не много побольше какъ дѣлаютъ православные мусуль мане по предписанію своего пророка. Между тѣмъ какъ подобныя операціи происходили съ нашими персонами, весь багажъ нашъ развѣшивали на жердяхъ, приготовили кучу навозу, зажгли—и куреніе обняло всѣ наши вещи отъ карпетокъ до треугольной шляпы включительно. Окончивши всю эту операцію, мы получили приглашеніе слѣдовать въ карантинъ... и многочисленный кортежъ отправился. Разстояніе отъ мѣста нашего окуриванія до карантина было неблизко (я думаю версты полторы), а потому по дорогѣ, не замѣчая разспросовъ смотрителя и доктора, я имѣлъ время налюбоваться очаровательнымъ мѣстоположеніемъ: чистая Ворскла медленно катила волны въ зеленыхъ берегахъ

своихъ,—по этимъ берегамъ разставлены были курени сторожей карантина,—далѣе на горѣ шумѣлъ лѣсъ, въ который такъ хотѣлось заглянуть мнѣ! Наконецъ мы достигли карантина: это былъ посадъ или подолъ, заключающій хатъ 15 не болѣе. Обитатели этихъ хатъ были погнаны въ слободу, которая видна была на разстояніи ½ вер. До прихода нашего занято было только 2 хаты; намъ отведена была 3, которую мы и заняли. Отдавши нужныя приказанія и распоряженія, смотрители хотѣли удалиться, но мы проголодавшись препорядочно, задали имъ вопросъ: что-же мы будемъ ѣсть?—А вотъ завтра пріѣдетъ сюда маркитантъ, такъ можете накупить у него, что вамъ угодно; между прочимъ—нѣтъ-ли у васъ здѣсь въ Куземинѣ кого знакомаго, такъ я пошлю сказать ему о васъ, да и къ отцу вашему не угодно-ли вамъ написать: я посылаю сегодня нарочнаго къ исправнику въ Зѣньковъ. Я благодарилъ его за участіе и тотчасъ-же принялся писать; между тѣмъ просилъ увѣдомить о положеніи нашемъ въ карантинѣ сосѣдняго помѣщика Ѳедора Ивановича Трипольскаго, который—какъ мнѣ извѣстно было—находился въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ. Но всѣ эти распоряженія были хороши только для будущаго; въ настоящемъ-же намъ рѣшительно нечего было ѣсть въ буквальномъ значеніи слова. Отъ сторожей, карауливщихъ насъ, мы узнали, что тамъ, за лѣскомъ, понавезено кой-какой провизіи, „и горилка е“, прибавилъ одинъ хохолъ. Это открытіе пролило новый свѣтъ на наше состояніе, и мы тутъ-же откомандировали одного изъ нашихъ аргусовъ купить чего-бы то ни было съѣстнаго и штофъ водки; при словѣ водка хохолъ бросился со всѣхъ ногъ, и черезъ ½ часа мы имѣли уже въ своемъ распоряженіи: большой ржаной хлѣбъ, десятокъ тарани, штофъ водки и 2 куска свиного сала. Эти продукты, конечно, не были благопріятны эпидеміи; но мы объ этомъ вовсе тогда не разсуждали и тутъ-же составили трапезу, принявши въ свои сотрудники и нашего метръ д'отеля, т. е. хохла, доставившаго всѣ эти припасы. Апетитъ у всѣхъ былъ порядочный, особенно приправленный малороссійскою горилкою.

Между тѣмъ дѣла наши приняли благопріятный ходъ. Ѳ. И. Трипольскій, узнавши о пребываніи нашемъ въ карантинѣ, тот-

тасъ же пріѣхалъ къ намъ и привезъ намъ нѣсколько бѣлыхъ хлѣбовъ, жареную индѣйку и масла, обѣщая на другой день прислать еще кое-что. Мы, конечно, благодарили его за участіе. На другой день утромъ, мы нашли въ сѣняхъ нашей хаты вязянку дровъ и ведро воды; изъ этого вывели такое заключеніе, что еслибъ было изъ чего, то можно было бы сварить борщъ или супъ, а Ренчинскій тутъ же объявилъ, что онъ готовъ принять на себя должность кухмистра на все карантинное время, объяснивши, что это дѣло ему хорошо извѣстно, такъ какъ онъ дома часто помогалъ матери своей, которая была хорошей хозяйкой. Я принялъ на себя должность прислужника, и такимъ образомъ рѣшились помогать и услуживать другъ другу, помня еще изъ гимназической статистики, что vires unitae agunt; такъ какъ это была осень, то въ огородахъ мы нашли нѣкоторые остатки зелени и овощей, т. е. свеклы, капусты, картофеля, моркови и т. п. Это открытіе навело насъ на ту мысль, что нельзя-ли съ помощію жареной индѣйки и масла, привезенныхъ вчера Трипольскимъ и найденныхъ въ огородѣ драгоцѣнностей, приготовить супъ, котораго мы не видали уже цѣлую недѣлю. Рѣшено было, что можно, ибо все нужное для этого—кромѣ соли—есть. Соли купили на гривну у сторожа. Ренчицкій, скинувши свой студенческій вицъ-мундиръ, затопилъ печь, въ горшокъ налита была вода, я съ братомъ принесли картофель и морковь и—съ помощію Божіею—принялись стряпать обѣдъ. Часть индѣйки употреблена была на супъ, другая разогрѣта на жаркое. Часу во 2-мъ студенты Императорскаго Харьковскаго университета обѣдали самымъ вкуснымъ образомъ, имѣя даже водку и кусокъ пирожнаго, который какимъ то дивнымъ образомъ очутился въ чемоданѣ Ренчицкаго.

ГЛАВА XII.

Дальнѣйшая жизнь въ карантинѣ. Пріѣздъ въ деревню, практическій человѣкъ. Жидовская кибитка. Деревенская жизнь студента. Отъѣздъ въ Харьковъ.

Едва успѣли мы пообѣдать, какъ пришелъ къ намъ карантинный лѣкарь, какой-то нѣмецъ (фамиліи не помню), при-

командированный изъ уѣзда. Первый вопросъ его былъ о томъ, что мы ѣдимъ? Мы объявили ему, что обѣдъ нашъ состоялъ изъ индѣйки. „Это хорошо! сказалъ онъ: только не кушать баранинъ и свина—а чай питъ можна, индѣйка и гавадинъ можна кушать". Послѣ этого онъ сдѣлалъ намъ еще нѣсколько діетическихъ наставленій, обмылъ насъ хлориновой водой—и ушелъ.

Вскорѣ послѣ этого мы обрадованы были пріѣздомъ нашего отца, который, получивши письмо мое, тотчасъ же отправился въ путь. Сидя въ своей хатѣ, мы были извѣщены объ этомъ черезъ сторожа; но видѣться и разговаривать съ отцомъ могли только на разстояніи 20 шаговъ. Поговоривши съ нами около часу, отецъ оставилъ намъ достаточное количество денегъ, чтобы не только можно было выкупить часы, но и жить двѣ недѣли, ни въ чемъ не нуждаясь, обѣщавши кромѣ того заѣхать къ Трипольскому и просить его о присылкѣ къ намъ самовара. Мы разстались. Самоваръ къ вечеру поступилъ въ наше распоряженіе. Въ тотъ же день и маркитантъ прибылъ изъ Зѣнькова со всѣми нужными припасами, и съ тѣхъ поръ жизнь наша въ карантинѣ сдѣлалась сносною. Но этого мало. Судьба позаботилась, чтобы мы не только были довольны и не скучали, но еще и весело проводили время. На другой день пріѣхали изъ Харькова товарищи наши, студенты Война и Дмитренко. Квартира имъ отведена была сейчасъ же возлѣ нашей хаты, и мы—увидѣвши ихъ—въ туже минуту бросились къ нимъ; но сторожа общей безопасности преградили намъ дорогу, сказавши, что быть вмѣстѣ съ этими господами намъ никакъ нельзя, потому что мы сидимъ въ карантинѣ сутки, а они только что вступили. Мы обратились къ смотрителю, но и смотритель объявилъ тоже. „Впрочемъ, если ужъ вы непремѣнно хотите быть вмѣстѣ, то можете; но только не иначе, какъ чтобы и вашъ карантинъ считался также съ сегодняшняго дня: я еще не подавалъ вѣдомости начальству и готовъ услужить Вамъ, показавши васъ всѣхъ поступившими въ одно время, т. е. сегодня". Мы съ удовольствіемъ согласились пожертвовать днемъ, и въ самомъ дѣлѣ были вознаграждены за это. Война былъ человѣкъ богатый, а Дмитренко веселъ и беззаботенъ. Съ этихъ

поръ мы уже начали поживать припѣваючи. Кромѣ того, у Войны былъ взрослый человѣкъ, который про нужду справлялся и за повара. Къ концу первой недѣли Война успѣлъ своей протекціей у начальства исхлопотать позволеніе намъ всѣмъ прогуливаться въ ближайшемъ лѣсу, чѣмъ мы съ избыткомъ воспользовались, т. е. рѣдко сидѣли въ хатахъ. Представьте себѣ прекрасный, свѣтлый и сухой октябрь, вѣковой лѣсъ, желтые листья, лежащіе кучами на землѣ, чистый воздухъ, свободу мысли и чувства, беззаботность, довольство—и можете представить себѣ, что заболѣть намъ не было никакой возможности... О золотое, прекрасное время! Пріятно и вмѣстѣ грустно мнѣ вспомнить тебя теперь, когда тотъ же бичъ Божій виситъ надъ нами, таже болѣзнь отмѣчаетъ перстомъ своимъ избранныхъ жертвъ—и теперь не ропщу на промыслъ Божій, съ вѣрою, терпѣніемъ и надеждою предаю себя его волѣ; но въ душѣ не то спокойствіе, какъ было за $17^1/_2$ лѣтъ... и внутренній, и внѣшній міръ окруженъ не тѣми свѣтлыми мечтами, какъ было въ то драгоцѣнное время, и я не тотъ, и окружающіе меня не тѣ, и все не то! Одна вѣра въ промыслъ Божій была, есть и будетъ все таже... Подкрѣпи, меня Господи! Но все идетъ своимъ путемъ и достигаетъ цѣли, т. е. конца своего теченія—такимъ образомъ и терминъ пребыванія нашего въ карантинѣ окончился: лекарь нашъ, который ежедневно приходилъ смѣшить насъ, совершенно удостовѣрился, что мы не имѣемъ „никакая колера“, далъ отъ себя отзывъ, что такіе то окончили срокъ 14 дней въ карантинѣ и должны быть завтра выпущены,—и дѣйствительно рано утромъ мы уже получили отъ карантиннаго начальства дозволеніе оставить карантинъ. Въ этотъ же день должны были прислать за нами лошадей, которыхъ мы съ нетерпѣніемъ и ожидали. Часу въ 11 явился нашъ кучеръ Матвѣй, и такъ какъ мы уже считались здоровыми, то ему дозволено было войти въ нашу избу.

Признаюсь, мы не безъ сожалѣнія оставили карантинъ: намъ было такъ весело, что теперь вспоминать можно съ удовольствіемъ. Но нужно-же было ѣхать, и мы поѣхали, оставивши воспоминаніе о себѣ въ сторожахъ, которыхъ мы препо-

рядочно все время потчивали водкой, въ хозяевахъ нашей хаты, которые найдутъ жилище свое опустошеннымъ, какъ послѣ набѣга татаръ, и въ начальствѣ, которое посмѣется, увидѣвши презамысловато нарисованныя двѣ картины, изображающія—одна портретъ лекаря нѣмца очень похожій, а другая—мужиковъ съ дреколіемъ, останавливающихъ насъ возлѣ Куземина, съ надписью: не наближайсь! Итакъ мы уѣхали.

Здѣсь кстати сдѣлать маленькое отступленіе. Недалеко отъ Куземина живетъ помѣщикъ Кузьмичъ; услышавши о холерѣ въ Харьковѣ, онъ поспѣшилъ послать за дѣтьми своими, изъ которыхъ старшій воспитывался въ университетѣ, а младшій—въ гимназіи. Это было за недѣлю до учрежденія карантина, который, впрочемъ, уже дѣятельно устраивался. Молодые Кузьмичи успѣли проѣхать благополучно и явились въ домъ родительскій въ совершенномъ здоровьи; но старикъ Кузьмичъ, наслышавшись, что холера—болѣзнь прилипчивая, рѣшился выдержать въ карантинѣ дѣтей своихъ по всѣмъ карантиннымъ правиламъ: они были заперты въ особенной избѣ, лишены всякаго сообщенія съ прочимъ людомъ и только черезъ 14-ть дней могли войти въ домъ. Какова твердость! Дорога отъ Куземина до нашего хутора прекрасная—всего верстъ 25. Осень хотя была и поздняя, но свѣтлая и сухая: часа черезъ три по выѣздѣ изъ карантина мы были уже дома, гдѣ встрѣчены были отцомъ и маменькою съ распростертыми объятіями. Маменька, испуганная разсказами о холерѣ, увѣряла, что уже никакъ не отпуститъ насъ въ Харьковъ, и предлагала отцу опредѣлить меня въ уѣздный судъ, а Андрюша, говорила она, пусть подростетъ еще. Отецъ, который никогда не любилъ говорить, молчалъ, но думалъ свое и, конечно, совершенно противное желанію и намѣреніямъ маменьки нашей. Съ нами же былъ и Ренчицкій, который также былъ принятъ ласково моимъ отцомъ.

Ренчицкій былъ бѣднякъ въ полномъ смыслѣ слова. Воспитавшись кое-какъ въ гимназіи, онъ рѣшился продолжать ученіе въ университетѣ и содержалъ себя въ Харьковѣ собственными средствами, т. е. давалъ уроки дѣтямъ такихъ ро-

дителей, которые не могли нанимать настоящихъ учителей. Разумѣется, вся плата ему состояла въ квартирѣ со столомъ и въ сотнѣ руб. ассиг. жалованья въ годъ. Такимъ образомъ онъ прожилъ въ Харьковѣ болѣе года, будучи доволенъ всѣмъ, что послало ему провидѣніе... Но холера измѣнила нѣсколько планъ его дѣйствій: тѣ, у кого жилъ онъ, выѣхали—оставалось умирать, если не отъ холеры, то ужъ отъ голоду непремѣнно. Ренчицкій предпочелъ ѣхать. Вы видѣли уже, до какой степени этотъ человѣкъ понималъ жизнь, изъ дѣйствій его въ деревнѣ, а особенно въ карантинѣ, гдѣ онъ оказалъ рѣдкую въ студентѣ спокойность — быть кухмистеромъ, т. е. попросту варить кушанья; но это еще было ничего въ сравненіи съ тѣмъ практическимъ направленіемъ, которое онъ оказалъ у насъ въ хуторѣ. Онъ входилъ во всѣ подробности житейскаго быта и хозяйства и—проживя у насъ около недѣли—былъ неразлучно съ отцомъ, который—какъ извѣстно всему околодку—былъ примѣрный хозяинъ: ни скотные дворы, ни пасѣка, ни винокурня, ни мельница, ни гумно не ускользнули отъ его вниманія, и во всемъ онъ показалъ такія здравыя сужденія, столько участія и даже дѣятельности, что отецъ нашъ былъ отъ него въ совершенномъ восторгѣ. Очень часто, видя отца нашего уставшимъ, онъ предлагалъ ему идти отдохнуть „а мы съ С. А., говорилъ онъ, сами присмотримъ, какъ тутъ будутъ вѣять пшеницу“ или что-либо другое—и дѣйствительно, подобно настоящему хозяину, стоялъ или сидѣлъ тутъже, пока вся пшеница была провѣяна, собрана въ мѣшки и отвезена въ амбары, послѣ этого онъ отправлялся дать отчетъ. Признаюсь откровенно, что я хотя самъ очень хорошо понималъ хозяйство, благодаря отцу; но столько дѣятельности—по тогдашней молодости—не имѣлъ. Между тѣмъ нужно было ѣхать ему на родину въ Городню (черн. губ). Онъ попросилъ у отца лошадей съѣздить въ Зѣньковъ, чтобы нанять извощика, что съ удовольствіемъ и было ему дозволено. Черезъ три или четыре часа онъ воротился, и затѣмъ въѣхала на дворъ жидовская кибитка парою тощихъ клячъ: все это, включая сюда и стараго жида съ ярмолкой, было нанято за 25 р. до Городни. Отцу казалось

это нѣсколько дорого, и онъ, зная хорошо состояніе Ренчицкаго, спросилъ: достанетъ-ли у него денегъ заплатить жиду. Онъ сказалъ, что у него всѣхъ денегъ только 17 р., но что онъ можетъ доплатить ему по пріѣздѣ домой, если у маменьки есть деньги, а нѣтъ—такъ гдѣ-нибудь займу. Папенька предложилъ ему 15 р. въ подарокъ, говоря, что это онъ даетъ ему за труды по хозяйству, разумѣется, шутя. Послѣ маленькаго сопротивленія, деньги были приняты съ большою благодарностію: Ренчицкій и отецъ мой поняли другъ друга, а потому—кромѣ денежнаго подарка—наложено было въ жидовскую кибитку всякой всячины на дорогу: горшокъ масла, жаркое и т. п. Уѣзжая, онъ благодарилъ за гостепріимство, а папенька благодарилъ его за хорошее знакомство и просилъ продолжать оное и пріѣзжать на святки гостить „да будемъ также молотить, вѣять, гнать водку, молоть“, прибавилъ онъ. Еврей встряхнулъ своими пейсами, и кибитка покатилась.

Я остался въ деревнѣ одинъ. О холерѣ я тогда вовсе не думалъ и держать діэту вовсе не имѣлъ охоты. Разсуждать о ней съ кѣмъ бы то ни было не находилъ удовольствія, какъ теперь о политическихъ дѣлахъ Европы. Отецъ, единственный мой умный собесѣдникъ, часто говорилъ шутя: „да холера не найдетъ моего хутора—такая глушь, куда ей забраться сюда“. И въ самомъ дѣлѣ изъ шутокъ вышло дѣло: холера не нашла нашего хутора—никто не только не умеръ, но и не былъ боленъ. Только теперь, черезъ 18 лѣтъ она нашла нашъ хуторъ, посѣтила и мое семейство и заставила думать о себѣ—другое время. Божія воля... Но объ этомъ послѣ!

„Чтожъ мы теперь будемъ дѣлать“?—спросилъ меня однажды отецъ. Я отвѣчалъ ему, что буду приготовлять студентскія тетради, читать книги, заниматься съ братомъ Андреемъ и—если нужно—пособлять въ хозяйствѣ. „Все это очень хорошо“, отвѣчалъ мнѣ отецъ: но мы еще прибавимъ одно занятіе: будемъ читать св. писаніе—ветхій и новый завѣтъ по вечерамъ. Вечера теперь становятся длиннѣе (это было конецъ октября), такъ пусть всѣ занятія окончатся до свѣчей, а чуть свѣчи въ комнату—и св. книгу на столъ. Я плохо вижу, такъ вы по оче-

реди будете читать съ братомъ, а я послушаю васъ—это будетъ и полезно, и занимательно"! Я, разумѣется, принялъ это предложеніе съ восторгомъ. Такимъ образомъ, занимаясь по три часа вечеромъ, мы успѣли въ три мѣсяца прочесть всю библію... Это было для меня урокомъ чрезвычайно важнымъ тѣмъ болѣе, что такія книги какъ Исаія, Іовъ, Соломонъ и др. не остались безъ надлежащаго, самаго здраваго толкованія. Такъ искусно, такъ мудро велъ отецъ мой образованіе отъ самаго, можно сказать, младенчества, Въ самомъ дѣлѣ, какъ проста, какъ необыкновенно геніальна была выдумка познакомить меня съ св. писаніемъ—и въ какое время? Съ одной стороны то, что я, будучи студентомъ, подвергался язвѣ легкомыслія и вольномыслія студентскаго; съ другой и то, что самое время существованія эпидеміи какъ бы говорило, что теперь всего удобнѣе заняться объясненіемъ истинъ вѣры и нравственности. Признаюсь откровенно, что и сѣмя родительской любви и расположенности падало не на безплодную почву: я съ охотой и удовольствіемъ исполнялъ все то, что требовалъ отъ меня отецъ. Не всегда можно и обвинять родителей въ невѣжествѣ и безнравственности дѣтей—очень часто отъ хорошаго корня происходятъ дурныя отрасли.

Такъ проходили осенніе и зимніе вечера. Они посвящались занятіямъ: чтенію, переписыванію, занятіямъ съ братомъ... но всего пріятнѣе было мнѣ посѣщать вмѣстѣ съ отцомъ и отдѣльно разныя хозяйственныя работы или гулять. Въ это время я вновь воскрешалъ въ своемъ воображеніи давнишнее знакомство съ природой, и тогдашніе лѣса, обнаженные отъ листьевъ, поля, покрытыя засохшей травой, санки и кони—знаютъ, какъ я любилъ природу и умѣлъ восхищаться ею!...

Былъ уже генварь мѣсяцъ 1831 г., къ намъ начали доходить слухи, что холера въ Харьковѣ совершенно прекратилась, и лекціи въ университетѣ начинаются. Надобно было собираться въ дорогу. Отецъ мой, вѣроятно, увѣрившись въ хозяйственности моей и неиспорченности характера, предложилъ мнѣ слѣдующее: „такъ какъ ты теперь, сказалъ онъ мнѣ, самостоятельный человѣкъ и можешь самъ распоряжаться своими

дѣлами; то я, обдумавши хорошеньно, сколько можно мнѣ истратить на тебя, а также и то, сколько тебѣ необходимо истрачивать, чтобы не терпѣть нужды (чего я не хочу), назначаю тебѣ въ годъ 600 р. ас., да на Андрея 400 р.—всего 1000; этого весьма будетъ достаточно и на квартиру, и на чай, и на книги, и на все прочее. Разумѣется, если Боже сохрани, кто изъ васъ заболѣетъ, то немедленно увѣдомляйте—тутъ уже мнѣ самому нужно быть". Это предложеніе отца весьма мнѣ польстило, и я поразсчитавши, что этого будетъ довольно, согласился и тутъ же получилъ 200 р., получивши предувѣдомленіе, что деньги будутъ высылаемы по мѣрѣ возможности и надобности. Въ концѣ генваря по прекрасной санной дорогѣ мы вновь отправились въ Харьковъ—и признаюсь, я ѣхалъ не безъ удовольствія,—признакъ какой то учености, какого то просвѣщенія, хотя не ясно, но мелькалъ въ моемъ воображеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПРОШЛЫХЪ ЛѢТЪ КІЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(ЗАМѢТКА О СТУДЕНЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ ВЪ 30-Е ГОДА).

Среди рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Университета св. Владиміра, находится собраніе студенческихъ сочиненій, относящихся къ первымъ годамъ существованія университета и доставшихся въ собственность библіотекѣ отъ покойнаго кіевскаго профессора М. А. Максимовича.

Общее число этихъ сочиненій—73 (56 авторовъ); всѣ они переплетены вмѣстѣ и составляютъ довольно объемистый томъ. Авторы ихъ—студенты философскаго и юридическаго факультетовъ, учившіеся въ Кіевскомъ университетѣ въ періодъ времени отъ 1834 года до 1839, т. е. со дня открытія университета до временнаго закрытія его по извѣстному дѣлу Копарскаго. Большая часть фамилій авторовъ обозначена на представленныхъ ими сочиненіяхъ; нѣкоторые изъ авторовъ получили впослѣдствіи извѣстность, въ качествѣ общественныхъ дѣятелей и ученыхъ, какъ, напримѣръ: Н. Т. Костырь, К. Ѳ. Страшкевичъ, М. А. Туловъ и др.

По формѣ сочиненія раздѣляются на прозаическія и стихотворныя, всѣ они имѣютъ характеръ литературныхъ упражненій, въ большинствѣ случаевъ крайне слабыхъ въ отношеніи стиля и особенно—въ отношеніи грамотности. На нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы помѣтки рукою М. А. Максимовича. По содержанію ихъ можно раздѣлить на нѣсколько группъ: къ первой относятся произведенія беллетристическаго характера—стихотворенія (напр. Украйна, Колумбъ и др.), повѣсти (Черный

лѣсъ, Поѣздка въ Малороссію и др.), описанія (Вечерняя прогулка, Сельское кладбище, Пріѣздъ Государя и др.); ко второй-разсужденія на отвлеченныя темы (О безсмертіи человѣческомъ, Что должно заключить изъ надежды, которую ощущаетъ добродѣтельный, и страха, который ощущаетъ злодѣй; О необходимости существованія въ мірѣ зла физическаго, Мысли надъ развалинами древняго храма, О счастьи и т. д.); къ третьей, наконецъ, группѣ относятся сочиненія на историческія и историко—литературныя темы (Больше ли пользы или вреда принесла удѣльная система нашему отечеству? Краткій обзоръ постепеннаго образованія русскаго театра, Взглядъ на исторію развитія литературъ славянскихъ народовъ въ средніе вѣка, и т. д.). Заглавія многихъ сочиненій являются очень характерными и сами по себѣ даютъ возможность составить нѣкоторое представленіе о томъ, какіе вопросы интересовали въ то время университетскую молодежь, такъ какъ выборъ темы обыкновенно зависѣлъ отъ самихъ студентовъ, и только сравнительно немногія изъ сочиненій писались на заданную тему. Къ числу послѣднихъ относятся работы историческаго и историко—литературнаго содержанія, отличающіяся отъ прочихъ большею содержательностью и большею выдержанностью изложенія; но расплывчатость и туманность выраженій, риторическія фигуры, сентиментальныя и высокопарно-патріотическія изліянія чувствъ составляютъ обычныя черты большей части, какъ этихъ работъ, такъ и тѣхъ, которыя писались по собственному выбору студентовъ.

Таковъ общій характеръ разсматриваемыхъ произведеній первыхъ питомцевъ Кіевскаго университета. Безграмотность большинства изъ нихъ не должна удивлять насъ, если вспомнить, что Кіевскій университетъ, хотя и предназначался служить разсадникомъ русскаго просвѣщенія на развалинахъ польскаго, однако, какъ говоритъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ своей Исторіи Унив. св. Влад., „въ первую эпоху своего существованія, по составу слушателей, не былъ университетомъ русскимъ" и „въ немъ собралось первоначально юношество въ огромномъ большинствѣ не русскаго происхожденія, или вовсе не

учившееся, или плохо учившееся русскому языку (наравнѣ съ англійскимъ)[1]".

При такихъ условіяхъ лицу, занимавшему каѳедру „россійской словесности", приходилось нести массу сложной и кропотливой работы. Читая русскую и славянскую филологію, теорію словесности и исторію литературы, профессоръ россійской словесности долженъ былъ въ то же время обучать своихъ слушателей правильному письму и элементарной грамматикѣ, т. е. соединять профессорскій трудъ съ трудомъ гимназическаго учителя. М. А. Максимовичъ, извѣстный своею неутомимою и многосторонней дѣятельностью, начавши въ сентябрѣ 1834 г. преподаваніе въ Кіевскомъ университетѣ, съ обычнымъ рвеніемъ принялся за обученіе студентовъ грамотѣ и за ихъ литературное образованіе, установилъ особые часы для разбора образцовъ лучшихъ русскихъ писателей и наряду съ ними—студенческихъ упражненій[2]. Плодомъ этихъ занятій и явились разсматриваемыя нами сочиненія, отличающіяся большимъ разнообразіемъ и по содержанію, и по объему, и по степени литературной обработки. Разумѣется, къ этимъ сочиненіямъ, носящимъ характеръ ученическихъ упражненій, нельзя предъявлять слишкомъ высокихъ требованій. Но принимая во вниманіе незначительность общаго числа студентовъ въ первые годы университетской жизни, равно какъ и право писать сочиненія на темы по собственному выбору, думаетъ, что 73 студенческія работы, написанныя 56 авторами, хотя-бы и въ 4—лѣтній промежутокъ времени, даютъ достаточно полный матеріалъ для того, чтобы судить объ общемъ уровнѣ умственнаго развитія кіевскихъ студентовъ въ тридцатые года. При чтеніи ихъ работъ прежде всего бросается въ глаза почти полное отсутствіе у авторовъ интересовъ къ вопросамъ современной дѣйствительности; отъ всѣхъ сочиненій вѣетъ какою-то счастливою беззаботностью; повсюду замѣчаются самые розовые взгляды на жизнь. Впрочемъ, такой характеръ вообще носила русская литература на-

[1]) Ист. унив. св. Влад., стр. 101.

[2]) Ист. унив. св. Влад., стр. 101—102.

чала тридцатыхъ годовъ, остававшаяся слишкомъ равнодушной къ интересамъ современности и слишкомъ отдававшаяся служенію чистому искусству. Въ области научныхъ вопросовъ мысль большинства студентовъ отличалась крайнею неопредѣленностью и сбивчивостью понятій и находилась, можно сказать, въ младенческомъ состояніи. Общее міросозерцаніе ихъ носитъ метафизическую окраску и находится подъ замѣтнымъ вліяніемъ современной нѣмецкой философіи; въ сочиненіяхъ ихъ проглядываетъ убѣжденіе въ разумности и цѣлесообразности всего существующаго, въ гармоніи міра физическаго съ нравственнымъ міромъ человѣка и т. д. Такимъ образомъ, сочиненія эти даютъ довольно ясное представленіе объ уровнѣ умственнаго развитія кіевскихъ студентовъ въ тридцатые года; но мы остановимся на болѣе подробномъ разсмотрѣніи только тѣхъ студенческихъ работъ, которыя представляютъ какія-нибудь характерныя особенности или со стороны формы, или со стороны содержанія.

Мы сказали, что выборъ темы въ большинствѣ случаевъ предоставлялся самимъ студентамъ; фантазія ихъ получала полный просторъ; пріемы изложенія отличались большимъ своеобразіемъ, а подчасъ—и нѣкоторымъ легкомысліемъ, какъ видно это изъ предисловія къ сочиненію „Поѣздка въ Малороссію“.

„Ну господа! начинаетъ авторъ: „маршъ по домамъ. мнѣ писать надо!—Что писать?—Сочиненіе.—Ого братъ ты пустился въ Сочинители, куда нодумаешь, какъ важно: Сочиненіе.—Да развѣ вы забыли, что завтра 3-е число, а къ 1-му велѣно доставить сочиненія?—Скажи же что ты хочешь писать?—Что я хочу писать? Я и самъ еще не знаю, пожалуй напишу вчерашій разсказъ моей тетиньки: о вѣдьмахъ, домовыхъ, Русалкахъ и проч:, въ существованіи которыхъ не думай ее разувѣрить или опишу 2-ва дня, проведенные мною въ Малороссіи.—Ну пожалуста раскажи же намъ одинъ изъ этихъ Апекдотовъ.

„Густыя облака табачнаго дыма струей валили въ растворенныя окошка, въ комнатѣ царствовала.... да Вы были студентомъ, слѣдовательно знаете, что, у него царствуетъ если соберутся товарищи;—усильныя просьбы заставили меня расказывать, что я намѣренъ былъ писать къ завтрешнему дню; ибо

это было 2-го числа и притомъ уже въ 9-ть часовъ вечера—терять времени было недлячего: не во время гость хуже татарина—а потому я началъ, дабы скорѣе избавиться отъ этихъ въ другое время пріятныхъ гостей, разсказывать имъ поѣздку мою въ Малороссію".

Подобныя предисловія, впрочемъ, являлись довольно заурядным явленіемъ и въ журнальной литературѣ 30-годовъ, пріемамъ которой, очевидно, подражали и первые студенты Кіевскаго университета.

За приведеннымъ предисловіемъ слѣдуетъ описаніе самой поѣздки въ Малороссію, посѣщенія авторомъ бала въ одномъ помѣщичьемъ семействѣ, гдѣ онъ принялся ухаживать за одной молоденькой дѣвушкой, и т. д. Фамилія автора осталась неизвѣстной, но сочиненіе его принадлежитъ еще къ числу болѣе грамотныхъ.

Событія мѣстной жизни также давали матеріалъ для студенческихъ сочиненій. Такъ, посѣщеніе Кіева императоромъ Николаемъ I въ 1835 г. послужило темой для двухъ работъ, одной—въ стихахъ, другой—въ прозѣ. Одна изъ нихъ можетъ служить образцомъ безграмотности и безсодержательности; другая, несмотря на безграмотность, даетъ довольно интересную картинку одного изъ моментовъ студенческаго быта въ 30-е года. Помѣтки сдѣланныя на этихъ работахъ рукою М. А. Максимовича, служатъ доказательствомъ того, что и въ этихъ работахъ онъ уже усматривалъ признаки нѣкотораго прогресса въ дѣлѣ усвоенія русской грамоты.

Стихотвореніе, написанное студентомъ Енько Даровскимъ по случаю пріѣзда государя въ Кіевъ, слѣдующее:

Кто мужъ сей доблестьми почтенный
Однимъ все словомъ покоряй,
Се онъ властитель полвселенной,
Се Русскій Царь нашъ Николай!
Хребты Кавказа, Оттоманъ
Предъ знаменъ Русскимъ встрепетали
И гордый славою Балканъ
Тебя властителемъ признали!
И ты средь насъ звѣзда Востока,
Среди гробовъ Отцевъ своихъ,

И Щитъ Всевидящаго Ока
Да сохранитъ Потомка ихъ!
И я узрѣлъ о Вѣнценосецъ,
Тебя въ величіи Твоемъ,
Ты средь побѣдъ Молніеносецъ,
Средь подданныхъ, ты ихъ отцемъ!
И днесь средь радости священной,
Мы зримъ Тебя Благословленный,
Мы зримъ—и Бога прославляя,
Благословляемъ Николая!

Какъ видно, стихотвореніе это, за исключеніемъ перваго и послѣдняго четверостишій, представляетъ собою не болѣе, какъ нелѣпый наборъ словъ, лишенныхъ всякой связи, но, несмотря на это, рукою М. А. Максимовича написана на это стихотвореніе такая рецензія: „Какъ одинъ изъ 1-хъ опытовъ хорошо, но ожидаю отъ г. Еньки представленія сочиненія въ прозѣ". Второе сочиненіе на ту же тему, представленное студентомъ Мерсомъ, является еще болѣе слабымъ въ грамматическомъ отношеніи, однако М. А. Максимовичъ счелъ возможнымъ поощрить автора такою снисходительною рецензіей: „Много хорошаго, но языкъ еще не во власти;—впротчемъ въ семъ отношеніи г. Мерсомъ уже много сдѣлано". Сочиненіе это, небольшое по объему и написанное въ лирическомъ тонѣ начинается такъ:

„Къ большому счастію можетъ почитать тотъ городъ, въ которомъ пребывалъ Государь, гдѣ взоръ его обращалъ вниманіе на предметы, заслуживающіе его вниманіе".

Далѣе авторъ описываетъ пріѣздъ государя и восторженную встрѣчу его кіевлянами, а затѣмъ переходитъ къ описанію посѣщенія государемъ общежитія казеннокоштныхъ студентовъ, помѣщавшагося въ 30-хъ годахъ въ Липкахъ, въ наемныхъ домахъ [1]).

„Пребываніе его (т. е. государя), говоритъ авторъ, не долго обрадовало насъ, короткое время не позволяло ему всего осматривать въ нашемъ городѣ; но при всѣмъ томъ удостоилъ Императоръ посѣщать нашъ Пансіонъ. Съ 7 до 2 часа ожидали мы его съ нетерпѣніемъ, наконецъ является для насъ пріятная Минута, государь подъѣжаетъ, въ сію минуту чувствовали

[1]) *Проф. М Ф. Владимірскій-Будановъ*, Ист. Ун. св. Влад., стр. 640.

всѣ какоето тайное ощущеніе, глубокая тишина возстала въ нашей залѣ, гдѣ всѣ стояли въ стройности, гдѣ фантазія всѣхъ только о Немъ размышляла; тутъ ступаетъ онъ вдругъ среди насъ, не какъ грозной повелитель, но улыбкою здравствуетъ насъ, обращается къ нашему почтенному Попечителю [1]), спрашиваетъ о числѣ Пансіонеровъ, о вышедшихъ въ этомъ году изъ заведенія землемѣровъ, разсматриваетъ комнаты для занятій, столовую, возвращается потомъ опять къ намъ и въ присутствіи всѣхъ изъявляетъ свою благодарность нашему Попечителю за всѣ его труды. Не довольствуясь этимъ, посетилъ онъ Гимназію, которая для удобности находилась въ нашихъ спальняхъ; ровнымъ образомъ здѣсь къ всѣмъ кротко обращался. Ожидали его новыя занятія, онъ оставилъ насъ, но изображеніе его осталось не изглатимо въ нашемъ умѣ.

„Глубокая тишина царствующая у насъ обратилось скоро въ радастное удивленіе, въ расказы о нашемъ достопамятномъ событіи и о радости, которую долженъ былъ чувствовать нашъ почтенный попечитель.

„Приближался вѣчеръ, въ которомъ Государь оставилъ городъ. Счастіемъ обладаетъ человѣкъ только короткое время, оно скоро пролетить, подобно скоротечности времени; оно лишь только осіяетъ насъ радостнымъ лучемъ, подобно какъ солнце при пасмурной погодѣ, показывается изрѣдка сквозь темныя облака“.

Самый городъ Кіевъ, быстро измѣнявшій свою прежнюю физіономію подъ вліяніемъ новыхъ, грандіозныхъ построекъ, предпринятыхъ въ царствованіе Николая I, не могь не привлечь къ себѣ вниманія студентовъ, которые и посвятили нѣсколько сочиненій описанію своего города. Особенное вниманіе ихъ обращало на себя воздвигавшееся въ то время новое зданіе университета. Первые питомцы Кіевскаго университета сознавали всю важность этого учрежденія и смотрѣли на себя, какъ на краеугольный его камень. Строки, посвященныя описанію университета, принадлежатъ къ числу лучшихъ во всемъ сбор-

[1]) Первымъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа былъ Е. Ѳ. фонъ-Брадке.

никѣ, дышатъ неподдѣльною гордостью этого сознанія и проникнуты чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ императору Николаю, предпринявшему великое дѣло основанія въ Кіевѣ университета. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь слѣдующую выдержку изъ сочиненія студента З. Коленко „Взглядъ на городъ Кіевъ“:

„Но что такъ сильно бьется сердце мое? За чѣмъ глаза мои устремлены прямо за златые врата—на широкую равнину? Что влечетъ меня па это мѣсто?... Здѣсь воздвигнется святилище наукъ, воздвигнется—Университетъ св. Владиміра. Великій Просвѣтитель! Ты первый посѣялъ здѣсь сѣмена просвѣщенія! Озари—нынѣ создающійся храмъ Просвѣщенія и благослови насъ, которые должны быть какъ-бы краеугольнымъ камнемъ этаго заведенія“.

(Замѣтимъ кстати, что тотъ же З. Коленко является авторомъ и другого сочиненія, представляющаго собою опытъ изслѣдованія о русскомъ языкѣ въ Галиціи и заключающаго въ себѣ много ссылокъ на источники и литературу вопроса).

Другой студентъ, Н. Шаверновскій, въ сочиненіи своемъ „Поѣздка въ Кіевъ“, выражаетъ подобныя же мысли въ слѣдующихъ словахъ:

„Столица Ярослава вотъ участь твоя—Величіе твое пало, но духъ творца онаго оживляетъ вѣнценосныхъ потомковъ его и сѣмена, рукою его насажденны, начинаютъ выдавать зрѣлые плоды, служащіе украшеніемъ побѣдоносному вѣнцу повѣлителей Сѣвера. Въ нѣдрахъ твоихъ, отеческимъ попеченіемъ Николая воздвигается разсадникъ мудрости, въ которомъ, какъ будто-бы въ оптическомъ фокусѣ, совокупленные лучи всѣхъ отраслей знаній человѣческихъ разспространятъ благотворное вліяніе на цѣлую Россію“.

Нѣкоторыя студенческія работы обнаруживаютъ сильный интересъ къ изученію прошлаго Малороссіи, проникнуты глубокими симпатіями къ народу и традиціямъ Украйны, выраженнымъ въ народныхъ малороссійскихъ думахъ и пѣсняхъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, нельзя не признать вліянія М. А. Максимовича, который, являясь, какъ из-

вѣстно, глубокимъ знатокомъ мѣстныхъ древностей и страстнымъ собирателемъ народныхъ пѣсенъ, умѣлъ внушать свои симпатіи и своимъ ученикамъ. Въ сочиненіи студента П. Чуйкевича „Что требуется отъ Лирическаго Поэта современнаго?“ вліяніе это сказывается особенно сильно. П. Чуйкевичъ, высказавши свои сужденія относительно задачъ современнаго лирическаго поэта и подвергши краткому критическому разбору произведенія Державина, Жуковскаго, Пушкина, Байрона и др., приходитъ къ заключенію, что „самый лучшій образецъ лирическихъ стихотвореній современныхъ—это пѣсни. Въ нихъ высказаны повѣрья современныя, глубокая народная душа. Изъ пѣсенъ, малороссійскія особенно отличаются въ семъ отношеніи. Подъ гнетомъ Уніи Малороссія испытала всѣ ужасы безграничнаго насилія. Въ этомъ ея состояніи, чье сердце не обливалось кровью, смотря на такія невзгоды очечества?—Кто изъ истинныхъ сыновъ Украины не скорбѣлъ о ея участи? Потому и самыя лучшія пѣсни, пѣсни народныя, относятся ко времени бѣдствія Малороссіи. Въ нихъ говоритъ печаль по родинѣ, самое искреннее желаніе помочь ей. Малороссійскія пѣсни дышутъ глубокимъ элегическимъ чувствомъ, чувствомъ, смѣшаннымъ съ воспоминаніемъ временъ лучшихъ, счастливѣйшихъ; въ нихъ представлена вся жизнь Малороссіи, бытъ козачества. Чувства, какія таилъ каждый козакъ, все Запорожье и наконецъ вся Украина, живымъ потокомъ разлиты въ пѣсняхъ“.

Подъ тѣмъ же вліяніемъ, очевидно, написано и стихотвореніе студента Пильчикова „Украйна“. Оно проникнуто элегическимъ чувствомъ контраста между величіемъ древнихъ традицій Малороссіи и прозой ея современнаго положенія и заканчивается въ духѣ совершенно добродушнаго юмора. Стихотвореніе это рѣзко выдѣляется изъ ряда прочихъ большею правильностью языка и болѣе художественною отдѣлкой формы, и потому мы считаемъ себя вправѣ привести его здѣсь цѣликомъ:

„Украйна я тебя видалъ;
Исполненный воспоминаній,
Твоихъ воинственныхъ сказаній,
Твои я степи вопрошалъ.
Но безотвѣтна степь глухая:

Твои поля молчатъ давно;
Въ забвеньи мирномъ заростая,
Молчать имъ долго суждено.
Не огласитесь крикомъ бранным,
Не освѣтитесь въ часъ лупы
Кровавымъ заревомъ войны;
Прошла пора когда незваннымъ
Были отворъ твои сыны,
А города—воинскимъ станомъ,
А степи—зрѣлищемъ побѣдъ;
Ужъ плугъ о томъ на полѣ славномъ
Заволочилъ послѣдній слѣдъ.
Уже не тѣ твои сыны,
Сыны степей, сыны войны,
Теперь война для нихъ преданье
Полузабытой старины.
И все, все тихо на Украйнѣ,
И въ этой тихой сторонѣ,
Ничто, какъ о священной тайнѣ,
Невспомянетъ о старинѣ.
Событій память по обломкамъ
И въ хартьяхъ мертвыхъ погреблась,
И отъ отцевъ въ завѣтъ потомкамъ,
Лишь чарка съ пѣсней осталась.
Какъ сынъ послушный и правдивый,
Завѣтъ исполнилъ внукъ лѣнивый:
Онъ пьетъ, поетъ, поетъ и пьетъ,
И такъ къ концу свой вѣкъ педетъ.

Какъ сказано раньше, среди студенческихъ работъ сохранились и сочиненія лицъ, получившихъ потомъ извѣстность на поприщѣ ученой и общественной дѣятельности. Сочиненія эти не отличаются отъ другихъ чѣмъ-либо оригинальнымъ и имѣютъ слишкомъ частный біографическій интересъ, чтобы была надобность долго останавливаться на нихъ. Достаточно лишь назвать эти сочиненія и замѣтить, что главное отличіе ихъ отъ прочихъ заключается въ большей содержательности и въ большей правильности языка. Мы имѣемъ передъ собою сочиненіе одного изъ первыхъ питомцевъ Кіевскаго университета, Ант. Андр. Глушановскаго, будущаго профессора Нѣжинскаго лицея, а затѣмъ синдика университета св. Владиміра; сочиненіе его написано на тему: „О необходимости высшаго образованія въ жизни общественной“. Далѣе мы имѣемъ студенческія сочиненія: К. Ѳ.

Страшкевича, будущаго доцента Кіевскаго университета по каѳедрѣ греческой и римской словесности,—на темы: 1) „О подражаніи природѣ въ искусствахъ“, 2) „Объ искусствѣ, какъ выраженіи идеи изящнаго“; Н. Т. Костыря, будущаго преемника М. А. Максимовича по каѳедрѣ русской словесности, сперва адъюнкта въ Кіевскомъ университетѣ, а потомъ ординарнаго профессора въ Харьковскомъ,—на тему: „О подражаніи природѣ въ искусствахъ“; Нія Даневскаго, будущаго профессора Нѣжинскаго лицея и дѣятеля на административномъ поприщѣ,—на тему: „Краткій обзоръ постепеннаго образованія русскаго театра“; Ивана Шульгина, будущаго инспектора Каменецъ-подольской гимназіи, а затѣмъ—помощника попечителя Виленскаго учебнаго округа,—на тему: „Больше ли пользы или вреда принесла удѣльная система нашему отечеству“; М. А. Тулова, будущаго профессора Нѣжинскаго лицея, потомъ—инспектора казенныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа и, наконецъ, помощника попечителя того же округа,—на темы: 1) „Имиризмъ (sic.) и идеализмъ“, 2) „О естествознаніи“, 3) „Когда у народа является собственная литература и можетъ ли народъ довольствоваться чужою литературой?“ Послѣднею темой интересовались многіе студенты; сохранилось нѣсколько сочиненій, написанныхъ по этому вопросу, въ томъ числѣ и сочиненіе студента Гордона, который стоялъ во главѣ кружка, пытавшагося воскресить старыя польскія традиціи въ западной Россіи и сдѣлать Кіевскій университетъ главнымъ орудіемъ для достиженія этой цѣли[1]). Попытка эта, какъ извѣстно, послужила поводомъ къ временному закрытію университета указомъ 9 января 1839 года.

Въ заключеніе нашей бѣглой замѣтки скажемъ, что среди студенческихъ сочиненій, оставленныхъ М. А. Максимовичемъ, находятся и три стихотворенія, принадлежащія перу двухъ гимназистовъ 7 класса. Одно изъ этихъ стихотвореній, подъ названіемъ „Шведская могила“, написано нѣкіимъ Гр. Лукашевичемъ, два другихъ, изъ которыхъ одно представляетъ собою переводъ извѣстной баллады Гёте „Пѣсня Миньоны“, а второе—оригинальное, принадлежатъ перу Н. Т. Костыря еще въ быт-

[1]) Ист. Унив. св. Влад., стр. 164.

мость его гимназистомъ. Переводъ баллады Гёте, съ точки зрѣнія своего времени, сдѣланъ очень удачно, нигдѣ, насколько извѣстно намъ, не былъ напечатанъ, а потому мы и рѣшились воспроизвести его здѣсь, чтобы дать возможность читателю сопоставить переводъ, сдѣланный Н. Костыремъ, съ извѣстными переводами того же стихотворенія, сдѣланными Жуковскимъ, Шкляревскимъ, Струговщиковымъ, Ободовскимъ, Меемъ, Тютчевымъ, М. М., Майковымъ и Гербелемъ. Въ переводѣ Н. Костыря стихотвореніе это озаглавлено „Любимецъ (съ нѣмецкаго)“ и читается такъ:

„Ты ль вѣдаешь тотъ край, гдѣ плодъ лимонный зрѣетъ,
Гдѣ рдѣетъ апельсинъ подъ сѣнію листовъ,
И сладостный зефиръ съ лазури неба вѣетъ,
Высоко съ лавромъ миртъ сплетясь расти готовъ,
Ты ль вѣдаешь его?
Туда! туда
О милый другъ мой поспѣшимъ.
Знакомъ ли домъ? гдѣ кровъ на столпахъ почиваетъ,
Гдѣ блещетъ залъ, въ сіяньи весь покой,
И бюсты мраморны окрестъ ко мнѣ взираютъ:
О бѣдное дитя, что сдѣлалось съ тобой?
Знакомъ ли онъ тебѣ?
Туда, туда
О мой защитникъ, поспѣшимъ.
Знакома ли гора, заоблачные своды?
Гдѣ въ дымѣ тучь тропы взбираясь ищетъ мулъ,
Въ вертепахъ сонмы змѣй гнѣздились многи годы,
Съ скалы дробящегося потока слышенъ гулъ?
Знакома ли она?
Туда! туда
Лежитъ нашъ путь! Отецъ мой поспѣшимъ!

Оригинальное стихотвореніе Н. Костыря „Вдохновеніе“ написано надъ замѣтнымъ вліяніемъ Пушкинскаго „Поэта“ и не представляетъ особаго интереса ни въ литературномъ, ни въ біографическомъ отношеніяхъ. Оба стихотворенія отмѣчены рецензіей М. А. Максимовича: „Кромѣ нѣкоторыхъ погрѣшностей въ стихосложеніи, очень хорошо“.

Вотъ все, что сочли мы возможнымъ сообщить о сочиненіяхъ кіевскихъ студентовъ въ 30-е года. За болѣе подробными свѣдѣніями отсылаемъ интересующихся къ самому сборнику.

28 февраля 1894 г. **В. Пискорскій.**

Какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславъ Полтавской г.?

Въ № 6448 газеты „Новое Время“ отъ 9 февраля с. г. помѣщено было описаніе юбилея, который праздновалъ въ понедѣльникъ 7-го февраля инженеръ генералъ-лейтенантъ А. И. Савельевъ по случаю 50-лѣтія своей государственной службы, а равно ученой и литературной дѣятельности. Въ концѣ описанія замѣчено было, что А. И. Савельевъ работаетъ ежедневно и теперь, несмотря на свой преклонный возрастъ, по разнымъ вопросамъ: по военному дѣлу, по фортификаціи, по исторіи и по литературѣ. „Онъ тутъ же разсказалъ присутствующимъ“, добавляетъ репортеръ, „что 1893 г. долженъ быть отмѣченъ какъ 900-лѣтній юбилей г. Переяслава, Полтавской губерніи, и что онъ объ этомъ напомнитъ въ печати“. Такимъ образомъ А. И. Савельевымъ поставленъ вопросъ, когда основанъ былъ г. Переяславъ, и цѣль моей замѣтки—отвѣтить на этотъ вопросъ и установить, когда и какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславъ.

Источникомъ нашихъ свѣдѣній о древнемъ Переяславѣ является исключительно первоначальная русская лѣтопись, такъ называемая „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ въ разныхъ ея спискахъ. Имя Переяслава встрѣчается въ первый разъ на ея страницахъ подъ 6415 г. отъ С. М. или подъ 907 г. отъ Р. Х. въ разсказѣ о походѣ князя Олега на Царьградъ [1]). Среди нашихъ ученыхъ историковъ существуетъ троякое отношеніе къ

[1]) См. Ипат. лѣт. изд 1871, стр. 17—19 и Лавр. лѣт. изд. 1872, стр. 29—31.

этому разсказу: одни считаютъ его вполнѣ согласнымъ съ историческою дѣйствительностью и цѣликомъ вносятъ въ свои повѣствованія; другіе признаютъ его отъ начала до конца сказкою и совсѣмъ выбрасываютъ изъ достовѣрной исторіи; наконецъ, третіе, подвергнувъ его болѣе глубокой критикѣ, доказываютъ, что онъ составленъ изъ двухъ отдѣльныхъ разсказовъ: историческаго, написаннаго немедленно послѣ событія, и сказочнаго, появившагося въ видѣ народнаго преданія, спустя, быть можетъ, цѣлое столѣтіе. Послѣднее мнѣніе особенно убѣдительно развито въ статьѣ г. Ламбина подъ заглавіемъ: „Дѣйствительно-ли походъ Олега подъ Царьградъ—сказка?“, помѣщенной въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. за 1873 г. [1]), и мы вполнѣ его раздѣляемъ.

Главныя положенія г. Ламбина можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

1) Лѣтописное сказаніе о походѣ князя Олега на Грековъ есть чисто механическая сшивка двухъ совершенно различныхъ и разновременныхъ извѣстій о походѣ.

2) Одно изъ этихъ сказаній, заключающее въ себѣ мирный договоръ съ Греками съ предпосланнымъ ему краткимъ извѣстіемъ о дѣлахъ Олеговой рати подъ Царьградомъ,—не позднѣйшая сказка, а современный, вполнѣ достовѣрный памятникъ, писанный въ началѣ X вѣка.

3) Второе сказаніе — баснословно, сказочно, однако не сказка, не вымыселъ книжника, а народная легенда, передающая подъ сказочною оболочкою историческій фактъ. Написана эта легенда, по всей вѣроятности, при Ярославѣ I († 1054 г.).

4) Письменное сказаніе начала X вѣка о походѣ князя Олега было таково (приводимъ его въ переложеніи на современный языкъ):

---

[1]) См. ч. 168, № 7, стр. 115—127. Принята во вниманіе и другая статья тогоже г. Ламбина: „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“ въ Ж. М. Н. Пр. 1874, г. 173, № 6, стр. 225—263 и ч. 174, № 7, стр. 53—119,— гдѣ обстоятельнѣе развиты взгляды этого ученаго на извѣстія первоначальной лѣтописи.

„Пошелъ Олегъ на Грековъ и подошелъ онъ къ Царьграду, а Греки перегородили свою гавань [1]), крѣпость-же заперли. И высадился Олегъ на берегъ, и велѣлъ своимъ воинамъ вытащить корабли на сушу, и пограбилъ окрестности города, и убилъ многихъ Грековъ, и разорилъ много каменныхъ домовъ [2]), и сжегъ церкви. А кого изъ Грековъ взяли въ плѣнъ, то однихъ зарѣзали, другихъ замучили, третьихъ разстрѣляли, а иныхъ вбросили въ море. Вообще много зла причинила Русь Грекамъ, какъ это постоянно бываетъ во время войны. И начали Греки просить мира и умолять Олега, чтобы онъ не грабилъ греческой земли. Олегъ-же, отступивъ немного отъ города, началъ вести переговоры о мирѣ съ царями греческими Львомъ и Александромъ и послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида съ словами: „соглашайтесь на дань“. И сказали Греки: „Что захотите, дадимъ вамъ“. И приказалъ Олегъ дать воинамъ на 2.000 кораблей по 12 гривенъ на весло [3]) и потомъ давать дань на русскіе города: прежде всего на Кіевъ, потомъ на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полоцкъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочіе города, такъ какъ въ этихъ городахъ сидятъ князья, подчиненные Олегу [4]). Кромѣ того, Олегъ предложилъ Грекамъ заключить договоръ на будущее время на слѣдующихъ условіяхъ:

[1]) *Замкоша Судъ*—перегородили гавань; подразумѣвается: цѣпью. *Судомъ* названа здѣсь Царьградская гавань, такъ называемый, *Золотой Рогъ*. Слово это германскаго происхожденія и заключаетъ въ себѣ понятіе о водѣ, раздѣляющей два берега. До сихъ поръ одинъ изъ проливовъ въ Даніи называется *Sund*.

[2]) *Полаты разбиша*. Словомъ *полаты* на древнерусскомъ языкѣ обозначалось каменное зданіе.

[3]) *На ключь*. *Ключь* мы считаемъ равнозначущимъ съ *ключина*, т. е. столбикъ съ петлею или два столбика, между которыми ходитъ гребное весло. Дань разсчислялась по числу *ключинъ* на русскихъ кораблях или иначе по числу *веселъ*, такъ какъ въ каждой ключинѣ было уложено весло.

[4]) Г. Ламбинъ ставитъ вопросъ: „кто эти князья *подъ Олыомъ суще*, которые сидятъ по разнымъ городамъ русскимъ, и для которыхъ, конечно, а не для жителей городовъ, Олегъ вытребовалъ отъ Грековъ *уклады*, то-есть, дань ежегодную, постоянную?“ и отвѣчаетъ на него: „Очевидно, что они не посадники или намѣстники Олега, а лица владѣтельныя, государи городовъ и волостей, въ которыхъ сидятъ“. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Князья эти не принадлежали къ

а) Если русскіе послы пріѣдутъ въ Царьградъ, то должны получить отъ Грековъ продовольствія, сколько захотятъ [1]);

б) Если пріѣдутъ русскіе купцы, то должны получать отъ Грековъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ съѣстные припасы въ видѣ хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей; они могутъ мыться въ баняхъ, сколько хотятъ [2]);

в) Если Русскіе станутъ собираться домой, то должны получить отъ греческаго царя на дорогу провизію, канаты, паруса, якори и все остальное, что имъ понадобится.

Греческіе цари и ихъ вельможи приняли эти условія съ слѣдующими измѣненіями:

а) Если Русскіе пріѣдутъ въ Царьградъ безъ товаровъ, то не должны получать мѣсячнаго продовольствія;

б) Русскій князь долженъ строго приказать своимъ подданнымъ, являющимся въ Царьградъ, чтобы они не причиняли вреда греческимъ селеніямъ въ странѣ;

в) Пріѣзжающіе Русскіе должны останавливаться у св. Мамы [3]) и когда они пріѣдутъ, то царь долженъ послать чиновниковъ записать ихъ имена и выдать имъ мѣсячное продовольствіе, сначала купцамъ кіевскимъ, потомъ черниговскимъ, переяславскимъ и другихъ городовъ;

г) Русскіе должны входить въ городъ одними воротами въ сопровожденіи царскаго чиновника, безъ оружія, въ числѣ не болѣе 50-ти человѣкъ, и могутъ торговать, сколько имъ укажетъ надобность, не платя пошлины ни за что.

одной княжеской династіи. Нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ князей мы знаемъ по именамъ. Таковы: князь Древлянскій *Малъ*, князь Полоцкій *Ростислодъ*, князь Вятичей *Ходота*. См. статьи о походѣ Олега стр. 121—122.

[1]) Неясное слово лѣтописныхъ списковъ *хльбное, слебное, слюбное* мы вслѣдъ за Карамзинымъ (примѣчаніе 311 къ т. I. Ист. госуд. росс.—изд. 1842, т. II, стр. 88) читаемъ, какъ *сольбное* отъ *сольба*=посольство. *Сольбнымъ* называлось то, что давалось чужестраннымъ послачъ на содержаніе.

[2]) *Да творятъ имъ мовь. Мовь* въ смыслѣ *мытья, бани* принимается всѣми учеными изслѣдователями древней лѣтописи.

[3]) Между городскими стѣнами и Босфоромъ находились церковь и монастырь св. Мамы или Маманта. Около нихъ находились: пристань, которая служила мѣстомъ стоянки для приходившихъ русскихъ кораблей, и слобода съ подворьемъ, въ которомъ останавливались пріѣзжіе Русскіе. См. Голубинскій, Исторія рус. церкви, томъ I, первая половина, М. 1880, стр. 63, примѣчаніе.

Цари Левъ и Александръ заключили миръ съ Олегомъ и согласились на дань.

Греки и Русскіе принесли другъ другу присягу. Греки цѣловали крестъ, а Олегъ и воины его клялись по русскому закону оружіемъ своимъ, и Перуномъ, и Волосомъ, скотьимъ богомъ".

5) Авторомъ этого письменнаго сказанія могъ быть кто-либо изъ членовъ византійской православной миссіи въ Кіевѣ, которая водворилась здѣсь тотчасъ послѣ перваго набѣга Руси на Царьградъ, съ епископомъ во главѣ, и крестила Русь Аскольда и Дира [1]). Подъ ея воздѣйствіемъ появились въ Кіевѣ люди грамотные и притомъ Славяне, которые могли быть очевидцами и участниками тогдашнихъ историческихъ событій и затѣмъ записывали свои воспоминанія на память потомству.

6) Авторъ, записавшій изъ народныхъ устъ легенду о походѣ Олега, вѣроятно, при Ярославѣ I, не зналъ о существованіи письменнаго разсказа объ этомъ-же походѣ съ протоколомъ мирныхъ переговоровъ между русскими и греками, и даже не подозрѣвалъ объ его существованіи. Вотъ почему онъ смѣло записывалъ всѣ сказочныя подробности народной легенды, не стремясь нисколько согласить ихъ съ подлинными обстоятельствами дѣла, и нигдѣ не упомянулъ объ утвержденіи мира письменнымъ актомъ.

7) Записка о походѣ Олега хранилась вмѣстѣ съ другими бумагами въ архивѣ византійской миссіи и по упраздненіи ея въ исходѣ X вѣка могла попасть въ княжескій архивъ, а затѣмъ въ библіотеку, устроенную Ярославомъ I при храмѣ св. Софіи („Ярославъ любимъ бѣ книгамъ, и многы списавь положи въ церкви святой Софьи, юже созда самъ") [2]), гдѣ позднѣе могъ ее открыть составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ.

---

[1]) Проф. Голубинскій отрицаетъ возможность принятія христіанства Аскольдомъ и Диромъ, но находитъ вѣроятнымъ и возможнымъ, что „христіанство впервые явилось въ Кіевѣ именно еще при нихъ" – См. Ист. рус. цер. I, 1, стр. 19—27. Доводы его не вполнѣ доказательны.

[2]) См. Ипат. лѣт. 1871, стр. 107.

Такимъ образомъ изъ изслѣдованія г. Ламбина вполнѣ выясняется историческая достовѣрность разсказа о походѣ князя Олега на Царьградъ, и поэтому мы имѣемъ полное право положиться на сообщаемыя имъ свѣдѣнія о г. Переяславѣ.

Что касается года, къ которому относится походъ Олега, то г. Ламбинъ не провѣряетъ лѣтописнаго счисленія. Но еще у Карамзина было замѣчено, что комета, о которой упоминается въ лѣтописи вслѣдъ за изложеніемъ похода Олегова, являлась въ 905 году, и что, слѣдовательно, самый походъ долженъ быть отнесенъ къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 904 года [1]). Къ этому-же году относится и то мѣсто въ сочиненіи византійскаго писателя Симеона магистра, гдѣ онъ говоритъ о Руси—Дромитахъ и о какомъ-то сильномъ или быстромъ Россѣ (по подлиннику въ родит. падежѣ: Ῥώς τινος σφοδροῦ), подъ которымъ ученые подразумѣваютъ Олега [2]).

Убѣдившись такимъ образомъ въ надежности источника нашихъ свѣдѣній о появленіи г. Переяслава въ исторіи и установивши его хронологію, резюмируемъ эти свѣдѣнія:

1) Городъ Переяславъ существовалъ еще до похода князя Олега на Грековъ, т. е. до 904 года;

2) Онъ былъ административнымъ центромъ извѣстной области и въ немъ имѣлъ пребываніе отдѣльный князь, подчиненный кіевскому великому князю Олегу;

3) Въ Переяславѣ жили купцы, которые торговали съ Византіею и, по договору князя Олега съ Греками, наравнѣ съ купцами другихъ русскихъ городовъ, въ случаѣ прибытія въ Византію, получали право на безпошлинную торговлю, на безмездное продовольствіе въ теченіе 6 мѣсяцевъ и проч.;

4) Греки обязывались постоянно платить извѣстную сумму въ пользу правившаго въ Переяславѣ князя.

Права Переяславскихъ пословъ и купцовъ подтверждены были вновь и позднѣйшимъ договоромъ съ Греками, заключеннымъ при великомъ князѣ Игорѣ (въ 944 или 945 году).

---

[1]) См. Ист. госуд. росс. изд. 1842, томъ II, стр. 90, примѣчаніе 316 къ тому I-му.

[2]) См. Васильевскій, Русско-византійскія изслѣдованія, Вып. II, Спб. 1893, стр. CXXXVII, примѣчаніе.

Такимъ образомъ мы имѣемъ самыя точныя и неопровержимыя извѣстія, что г. Переяславъ не только существовалъ, но и игралъ извѣстную историческую роль, какъ третій городъ земли русской, съ самаго начала X столѣтія нашей эры.

Но перечитывая лѣтопись далѣе, мы наталкиваемся подъ 992 г. Лаврентьевскаго или подъ 993 г. Ипатьевскаго списка—на цѣлый разсказъ объ основаніи г. Переяслава св. Владиміромъ [1]). Рисуется такая картина:—г. Переяслава какъ-будто вовсе еще не существуетъ. Черезъ р. Трубежъ у того мѣста, гдѣ позднѣе заселился г. Переяславъ, пролегалъ бродъ, по которому степные кочевники вторгались въ Русь. Святой Владиміръ только-что возвратился изъ похода на прикарпатскихъ Хорватовъ. Между тѣмъ Печенѣги подошли со стороны р. Сулы Владиміръ выступилъ противъ нихъ и встрѣтился съ ними у брода черезъ р. Трубежъ. Владиміръ расположился лагеремъ на правомъ берегу р. Трубежа, а Печенѣги на лѣвомъ, и обѣ стороны не рѣшались перейти черезъ рѣку. И вотъ подъѣхалъ къ берегу князь Печенѣжскій и, вызвавъ Владимира, сказалъ ему: „Выпусти ты своего воина, а я выпущу своего, и пусть они сразятся. Если твой воинъ одолѣетъ моего, то мы не будемъ воевать три года и разойдемся въ разныя стороны; если-же случится наоборотъ, то мы будемъ воевать три года". Владиміръ возвратился въ лагерь [2]) и послалъ по лагерю глашатая съ запросомъ: „Нѣтъ-ли такого воина, который могъ-бы сразиться съ Печенѣгомъ?" и никого не нашлось. На другой день утромъ пріѣхали Печенѣги и привели своего воина, а съ русской стороны никого не было. И началъ Владиміръ печалиться, но продолжалъ вызывать охотниковъ до единоборства. И вотъ пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ ему: „Князь! я вышелъ въ походъ съ четырьмя сыновьями, а одинъ, меньшій, остался дома [3]); съ самаго дѣтства никто не могъ побороть его; однажды

[1]) См. Ипат. лѣт. 1871, стр. 83—85 и Лавр. лѣт. 1872, стр. 119—121.

[2]) Въ подл. *въ товары*.

[3]) Никоновская лѣтопись, сообщающая весьма часто имена лицъ, упомянаемыхъ безъ имени въ древнѣйшихъ спискахъ, называетъ отрока Яномъ Усмошвецомъ, говоря о немъ, какъ о богатырѣ, подобномъ Александру Поповичу или Рахдаю удалому.

я его бранилъ, а онъ мялъ кожу, и вотъ, разсердившись на меня, онъ розорвалъ ее руками“ [1]). Князь-же, услышавъ это, обрадовался и тотчасъ послалъ за юношею. И привели его къ князю и князь разсказалъ ему все. Тотъ-же отвѣтилъ: „Князь! не знаю, одолѣю-ли я его. Лучше испытайте меня. Нѣтъ-ли здѣсь большого и сильнаго быка“? И нашли сильнаго быка, раздразнили его горячимъ желѣзомъ и пустили. Быкъ побѣжалъ мимо юноши, и вотъ онъ ухватилъ быка рукою за бокъ и вырвалъ столько кожи съ мясомъ, сколько захватила рука. И сказалъ Владимиръ: „Ты можешь съ нимъ сразиться“. На другой день подошли Печенѣги и начали кричать: „Гдѣ-же вашъ воинъ? Нашъ уже здѣсь“! Владимиръ-же приказалъ своимъ воинамъ надѣть въ ту ночь оружіе. Печенѣги выставили своего воина: онъ былъ очень великъ ростомъ и страшенъ. И выступилъ воинъ Владимира. Посмотрѣлъ на него Печенѣгъ и разсмѣялся, ибо онъ былъ средняго роста. Размѣрили мѣсто между двумя войсками и пустили бойцовъ другъ противъ друга. Крѣпко они схватились. Воинъ Владимира удушилъ Печенѣга руками до смерти и бросилъ его на землю. Русскіе радостно закричали. Печенѣги побѣжали, а Русскіе погнались за ними, нанося имъ раны, и прогнали ихъ. Владимиръ былъ радъ, и заложилъ городъ на томъ броду, и назвалъ его Переяславомъ, ибо юноша *перея* (отнялъ) *славу* у Печенѣга. Владимиръ сдѣлалъ его и отца высокопоставленными людьми, а самъ возвратился въ Кіевъ съ побѣдою и съ великою славою.

Большинство ученыхъ историковъ согласно въ томъ, что разсказъ этотъ не заключаетъ въ себѣ ничего достовѣрно-историческаго, а есть народная легенда, записанная въ концѣ XI вѣка книжникомъ-собирателемъ народныхъ разсказовъ о минувшемъ. Н. И. Костомаровъ находилъ этотъ разсказъ чрезвычайно важнымъ въ томъ отношеніи, что онъ служитъ образчикомъ того способа, какимъ древніе общечеловѣческіе миѳы, видоизмѣняясь, прилегаютъ къ мѣстностямъ, историческимъ условіямъ и данному времени. „Онъ не что иное, какъ видоизмѣненный и

[1]) *Преторже черевіи.* Прет ргнуть=расторгнуть, разорвать. *Черевіи*= кожа; отсюда малоросс. *черевики*, кожаная обувь.

локализованный глубоко-древній миѳъ о борьбѣ съ чудовищемъ и объ освобожденіи отъ него угнетенныхъ существъ, миѳъ, воплощавшійся у древнихъ грековъ въ исторіи Тезея, Персея, Беллерофона, и у насъ преимущественно связавшійся съ легендою о Егоріи Храбромъ. Въ Запискахъ о южной Руси Кулиша онъ является въ сказкѣ о Кириллѣ Кожемякѣ, пріуроченной къ Кіеву“ [1]). Другіе ученые съ гораздо большимъ основаніемъ видятъ въ этомъ разсказѣ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ такъ называемой народной этимологіи (Volksetymologie), поясненной легендой. Можно думать, что легенда составилась подъ вліяніемъ библейскаго разсказа о единоборствѣ Давида съ Голіафомъ [2]) въ концѣ XI-го вѣка въ г. Переяславѣ, который въ это время, благодаря заботамъ митрополита Ефрема, сдѣлался важнымъ церковнымъ центромъ. Авторомъ ея могъ быть кто-либо изъ мѣстнаго клира. Пріурочена она ко времени Владиміра св., такъ какъ личность равноапостольнаго князя очень скоро послѣ его кончины сдѣлалась эпическою и сохранила этотъ характеръ въ великорусскихъ былинахъ до позднѣйшаго времени. Намъ кажется, что въ этой легендѣ есть и историческій элементъ, а именно—фактъ возобновленія Владиміромъ св. переяславскихъ укрѣпленій, такъ какъ мы имѣемъ извѣстіе той-же первоначальной лѣтописи подъ 988 г., что Владиміръ вообще укрѣплялъ оборонительную линію отъ степныхъ кочевниковъ по р. Трубежу; при этомъ онъ могъ выстроить вновь и переяславскую крѣпость. Къ этому-же времени В. Б. Антоновичъ относитъ и насыпку тѣхъ двухъ огромныхъ валовъ, которые двумя параллельными линіями окружаютъ г. Переяславъ съ юго-востока, начинаясь у берега р. Днѣпра и сходясь вмѣстѣ за селомъ Строковою къ берегу р. Трубежа близъ хутора „Дубовая Шея“ [3]).

[1]) См. Исторія. монографіи и изслѣд. т. XIII, Спб. 1881, стр. 163—164.

[2]) См. Марковичъ, о лѣтописяхъ, вып. 1-й, Одесса 1883, стр. 135.

[3]) См. Кіевская Старина 1884, т. VIII, № 3, стр. 355 - 370, статья: „Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевской земли“. Ср. статью Максимовича: „О древнемъ валѣ, бывшемъ еще при Владимірѣ святомъ южнѣе Кіева, на границѣ земли Печенѣговъ“. Полн. собр. соч. т. II, 1877, стр. 310 - 342.

Г. Ламбинъ указалъ на то, что изъ этой легенды видно незнакомство составившаго ее книжника съ договорами Русскихъ съ Греками. „Если-бы книжникъ зналъ, что Переяславъ упоминается въ договорахъ, какъ городъ существовавшій уже при Олегѣ и Игорѣ, то вѣдь онъ могъ-бы пояснить и оправдать народную сказку своею догадкою, до того естественною, что и намъ пришлось-бы признать ее за истину, а именно—догадкою, что этотъ прежній городъ былъ разрушенъ и сожженъ Печенѣгами, тѣми самыми, которые, пользуясь отсутствіемъ Святослава, осадили Ольгу съ ея внуками въ Кіевѣ, и что Владиміръ построилъ теперь новый Переяславъ на мѣстѣ прежняго. Книжникъ могъ-бы, пожалуй, еще прибавить, что прежній городъ и назывался-то не Переяславъ, а какъ-нибудь иначе, напримѣръ, хоть Переплавль,—и мы не могли-бы не повѣрить ему и въ этомъ, такъ какъ въ нашихъ позднѣйшихъ спискахъ прежнее имя города легко могло въ договорахъ замѣниться новымъ, общеизвѣстнымъ. Вотъ здѣсь представлялся книжнику или нашему лѣтописцу, знакомому съ договорами, превосходный, даже вполнѣ законный случай пофантазировать, присочинить кое-что отъ себя, изложить фактъ по своимъ соображеніямъ и домысламъ, согласить народную сказку съ договорами; однако онъ, не мудрствуя лукаво, передаетъ намъ только то, что донесло до него преданіе“ [1]).

Изъ всего предыдущаго ясно, что припомянутый А. И. Савельевымъ на его юбилейномъ торжествѣ 993-ій годъ нашей эры, къ которому пріурочена въ Ипатьевскомъ спискѣ легенда объ основаніи Переяслава Владиміромъ св., не имѣетъ никакого значенія въ исторической жизни г. Переяслава, какъ не имѣетъ исторической цѣны и самая легенда, хотя подъ ея сказочною оболочкою и скрывается, быть можетъ, фактъ укрѣпленія Владиміромъ св. Переяслава при общихъ фортификаціонныхъ работахъ для обороны линіи р. Трубежа. Г. Переяславъ существовалъ гораздо ранѣе и съ самаго начала X-го вѣка нашей эры игралъ извѣстную историческую роль, какъ третій го-

[1]) См. ст. о походѣ Олега, стр. 124—125.

родъ земли русской, имѣвшій своего князя, торговавшій съ Византіею и т. д. Такимъ образомъ г. Переяславъ имѣетъ право ознаменовать какимъ-либо торжественнымъ празднованіемъ не тысячный годъ своего основанія, которое затеряно во мракѣ вѣковъ и годъ котораго не можетъ быть даже приблизительно опредѣленъ, а тысячный годъ со времени выступленія своего на поприще исторической жизни. Говоря короче: *г. Переяславъ въ 1904-мъ году имѣетъ право отпраздновать тысячелѣтній юбилей своей городской жизни.* Такого рода юбилей гораздо почтеннѣе, нежели обыкновенная годовщина рожденія. Какъ отдѣльный человѣкъ обращаетъ на себя вниманіе окружающихъ не столько своимъ существованіемъ, сколько дѣятельностью на пользу общества, какъ въ частномъ быту публичный характеръ пріобрѣтаетъ не простая годовщина рожденія, а юбилей болѣе или менѣе продолжительной общественной, государственной, литературной или ученой дѣятельности, такъ и въ городской жизни важна ея историческая роль, и городу гораздо почтеннѣе отпраздновать юбилей его исторической дѣятельности, нежели только существованія, первые годы котораго бываютъ по большей части ничтожны и безвѣстны. А Переяславъ имѣетъ чѣмъ повеличаться въ прошедшемъ, и его юбилей напомнитъ всей Россіи такія событія, какъ борьба русскаго міра съ степными кочевниками: печенѣгами, торками, половцами и, наконецъ, татарами; какъ возникновеніе малорусскаго козачества, для котораго Переяславъ былъ однимъ изъ первыхъ гнѣздъ; какъ возсоединеніе Малороссіи съ царствомъ московскимъ въ 1654 г.; какъ борьба съ уніей въ юго-западномъ краѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда Переяславъ былъ духовнымъ центромъ для православныхъ, оставшихся подъ владычествомъ Польши. Напомнитъ онъ и величавые образы такихъ дѣятелей старины, какъ Владиміръ Мономахъ и Богданъ Хмельницкій, изъ коихъ первый былъ наслѣдственнымъ княземъ Переяслава и по-долгу въ немъ проживалъ [1]), а второй взялъ изъ Переяслава свою первую жену Анну Сомковну.

[1]) Ср. извѣстное мѣсто изъ поученія Владиміра Мономаха: „И сѣдѣхъ въ Переяславли 3 лѣта и зимы, и съ дружиною своею, и многы бѣды приихомъ отъ рати и отъ голода“. Лавр. лѣт 1872, стр. 240.

Къ какому дню слѣдуетъ пріурочить празднованіе этого юбилея въ 1904 году? Русскія рати первыхъ князей отправлялись обыкновенно въ Византію со вскрытіемъ рѣкъ, а возвращались обратно домой позднею осенью. Такъ, было, конечно, и въ 904 г. Второй договоръ князя Олега съ Греками 912 года былъ заключенъ въ сентябрѣ — очевидно, передъ отплытіемъ Русскихъ въ обратный путь. Можно думать, что и первый договоръ, относящійся къ 904 году, состоялся приблизительно въ эту-же пору года и что только къ морозамъ, т. е. къ 1-му ноября, торжествующіе побѣдители могли появиться въ родныхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Переяславѣ, съ радостною вѣстью о выгодномъ мирѣ съ Греками. Весьма вѣроятно, что возвращеніе участниковъ похода къ сородичамъ было ознаменовано торжественнымъ пиромъ. Тысячелѣтній юбилей можно было-бы пріурочить также къ этому времени, какъ, напримѣръ, къ 1-му ноября. Но въ осенней половинѣ года скоро настанетъ для г. Переяслава иной день,—Успенія Пресвятой Богородицы 15-го августа,—который получитъ знаменательное значеніе, какъ престольный праздникъ Переяславскаго соборнаго храма, созидающагося нынѣ на развалинахъ древней церкви Владимира Мономаха [1]). Желательно думать, что къ 1904 году Успенскій соборъ будетъ оконченъ и освященъ. Тогда, и по климатическимъ условіямъ, и по церковному значенію, день Успенія Пресвятой Богородицы можно будетъ признать самымъ подходящимъ для торжественнаго празднованія въ г. Переяславѣ его тысячелѣтняго юбилея Хотя этотъ день не совпадетъ вполнѣ со временемъ возвращенія изъ Византіи побѣдоносныхъ Переяславцевъ въ 904 году, но упрежденіе дѣйствительнаго срока на какихъ-нибудь $2^1/_2$ мѣсяца не имѣетъ никакого значенія, когда дѣло идетъ объ истекшемъ тысячелѣтіи.

---

[1]) О заложеніи ея сказано въ лѣтописи по Ипат. списку подъ 1098 (6606) годами: „Владимеръ заложи церковь каменну святѣй Богородицѣ, Переяславли, на княжѣ дворѣ". При рытьи канавъ для фундамента новаго собора открытъ фундаментъ Мономахова храма почти на всемъ его протяженіи и сохраненъ для потомства подъ поломъ новаго собора. Для желающихъ осмотрѣть его будетъ оставленъ входъ въ подполье.

Хотя г. Переяславъ страшно упалъ и обѣднѣлъ въ послѣднее столѣтіе, хотя онъ заглохъ, остался въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ и нынѣшняго развитія культурной жизни, хотя онъ сдѣлался даже городомъ болѣе еврейскимъ, нежели русскимъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ думать, что день 15 августа 1904 г. не пройдетъ въ г. Переяславѣ совершенно безслѣдно, что заблаговременно къ нему приготовятся, что онъ будетъ ознаменованъ торжественнымъ богослуженіемъ въ соборномъ Успенскомъ храмѣ, крестнымъ ходомъ вокругъ старинной части города, историческимъ чтеніемъ о тысячелѣтней судьбѣ города въ земскомъ домѣ, народнымъ праздникомъ на городской площади между лавками и Вознесенскимъ монастыремъ, и обѣдомъ для почетныхъ гостей въ помѣщеніи городской думы, и что, наконецъ, въ память знаменательнаго тысячелѣтія будетъ положено основаніе какому-либо общеполезному учрежденію, какъ, напримѣръ, городской публичной читальнѣ съ отдѣломъ книгъ, относящихся къ Переяславскому уѣзду и его исторіи, и съ небольшимъ музеемъ предметовъ мѣстной природы, старины и быта. Десять лѣтъ—достаточно времени мѣстнымъ людямъ, чтобы объ этомъ обстоятельно подумать!

А. С.

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

XXIII.

Мои уроки дѣтямъ генерала Капцевича.

Въ Черниговѣ, въ домѣ княгини Прозоровской нѣсколько времени проживалъ зять, ея, генералъ отъ артиллеріи, бывшій генералъ-губернаторомъ въ Сибири, П. М. Капцевичъ, котораго дѣти, по смерти ихъ матери, воспитывались у своей бабушки. Капцевичъ, желая пригласить учителя для дѣтей изъ преподавателей семинаріи, обратился для этого къ ректору ея Архимандриту Іерониму, который и порекомендовалъ ему меня. Сперва я училъ сына Капцевича русскому языку и исторіи; мальчикъ при хорошихъ способностяхъ оказывалъ хорошіе успѣхи, только бывалъ разсѣянъ. Отецъ его, желая представиться Императору Николаю I, находившемуся тогда при дѣйствующей арміи въ Турціи, передъ отъѣздомъ своимъ просилъ меня во время его отсутствія жить при его сынѣ и наблюдать за его поведеніемъ, которое я ежедневно отмѣчалъ въ учебномъ журналѣ. По возвращеніи въ Черниговъ Капцевичъ получилъ отъ начальника штаба Дибича увѣдомленіе, что Государь предлагаетъ ему должность начальника корпуса внутренней стражи. Капцевичъ съ благодарностью принялъ это назначеніе и долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, куда взялъ съ собою и моего ученика. Онъ пред-

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 2.

лагалъ мнѣ принять на себя обязанность воспитателя сына его и ѣхать съ нимъ въ столицу съ тѣмъ, что-бы я по окончаніи воспитанія отправился вмѣстѣ съ сыномъ за границу; при этомъ предложеніи онъ назначалъ мнѣ значительное вознагражденіе, но я, будучи женатъ, не принялъ этого предложенія; вмѣсто меня принялъ на себя эту обязанность бывшій профессоръ Московской духовной академіи Филипповъ Капцевичъ, находясь въ Петербургѣ, чрезъ нѣсколько времени, измѣнилъ свое желаніе готовить сына на дипломатическую службу, и опредѣлилъ его въ артиллерійское училище, что было съ его стороны важною ошибкою: сынъ его плохо учился математикѣ и вышелъ изъ училища съ чиномъ XIV класса.

Когда Капцевичъ увезъ сына въ Петербургъ, я сталъ заниматься съ его дочерью, которая, при хорошихъ способностяхъ, не охотно занималась слушаніемъ моихъ уроковъ по Русской Словесности. Мнѣ стоило большаго труда, чтобы заставить ее старательнѣе заниматься составленіемъ писемъ и другихъ мелкихъ сочиненій, а чтобы она въ точности это исполняла, я заставлялъ ее писать при мнѣ. Замѣтивъ, что она часто поглядываетъ на часы въ ожиданіи, что я скоро уйду по окончаніи назначеннаго времени, я сказалъ ей, что не уйду до тѣхъ поръ, пока она не напишетъ заданнаго сочиненія, на что согласилась и сидѣвшая при нашихъ урокахъ ея гувернантка, послѣ чего она стала лучше заниматься. Впослѣдствіи времени дочь Капцевича была Фрейлиною и вышла замужъ за генерала Эссена.

XXIV.

Княгиня Прозоровская, ея утраты въ жизни и благотворительность.

Когда Капцевичъ бралъ дочь свою изъ Черпигова, то просилъ меня по прежнему часто посѣщать его тещу, княгиню Прозоровскую, которая благоволила ко мнѣ и сама просила меня о томъ-же. Здѣсь въ воспоминаніяхъ моихъ я хочу сказать объ этой достопочтенной особѣ то, что знаю о ней изъ ея разсказовъ и какъ самовидецъ. Княгиня Прозоровская была

изъ богатаго рода фамиліи Скоропадскихъ. Оставшись въ дѣтствѣ сиротою, она воспитывалась въ домѣ дяди своего, который былъ совѣтникомъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, бывшемъ тогда главнымъ городомъ намѣстничества; здѣсь она вышла замужъ за князя Прозоровскаго, роднаго брата фельдмаршала князя Прозоровскаго. Отъ мужа своего она имѣла 5-хъ дѣтей и въ молодыхъ годахъ овдовѣла. Проливая слезы о потерѣ мужа, она едва отъ того не ослѣпла и потомъ во всю жизнь свою носила надъ глазами зонтикъ. Но, оплакивая смерть мужа, она доолжна была въ жизни своей потерпѣть еще три тяжкія для нея утраты; первую утрату понесла она въ смерти старшей дочери,бывшей замужемъ за генераломъ Капцевичемъ.

Княгиня мнѣ говорила, что для излеченія глазъ своихъ она долго проживала въ деревнѣ доктора Трофимовскаго; что, не видя отъ леченія его никакой пользы для своихъ глазъ, она, въ день чтенія покаяннаго канона Андрея Критскаго, когда всѣ слуги ея ушли въ церковь, оставшись одна въ домѣ, молила этого святого открыть ей, вылѣчитъ-ли Трофимовскій ея глаза, и что при этомъ своемъ моленіи она явственно услышала произнесенныя хриплымъ старческимъ голосомъ слова: „онъ тебя не вылѣчитъ“. Вставши съ своего мѣста, она осмотрѣла всѣ комнаты ея квартиры и никого въ ней не нашла; получивши такое откровеніе, княгиня въ тотъ-же день уѣхала изъ деревни Трофимовскаго.

Два сына княгини обучались въ Петербургѣ у іезуитовъ, въ ихъ учебномъ заведеніи, въ которое тогдашніе русскіе аристократы отдавали дѣтей своихъ для образованія. Старшій сынъ впослѣдствіи заболѣлъ, долго лѣчился въ Парижѣ и тамъ же впалъ въ умопомѣшательство. Меньшій сынъ, князь Иванъ, въ чинѣ полковника, состоялъ по особымъ порученіямъ при Малороссійскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Рѣпнинѣ; когда началась турецкая война 1828—1829 годовъ, онъ пожелалъ служить въ дѣйствующей арміи и во время сраженій отличился своею храбростію, за что въ томъ-же году получилъ генеральскій чинъ. Въ зимнее время, когда военныя дѣйствія въ Турціи пріостанавливались, онъ попросился въ домовой отпускъ и

пріѣхалъ къ своей матери, которая невъяснимо обрадовалась, увидѣвъ генеральскіе эполеты на молодомъ своемъ сынѣ—героѣ.

Домъ княгини тогда оживился: въ немъ молодой князь давалъ балы, на которые собиралась высшая Черниговская публика. Княгиня ликовала, мечтая, что сынъ ея въ генеральскомъ чинѣ своемъ скоро можетъ жениться, и отъ него продолжится родъ князей Прозоровскихъ. Желая предохранить сына отъ опасностей войны, она просила Императора Николая Павловича продлить ему безсрочно отпускъ для того, чтобы онъ поѣхалъ въ Парижъ и тамъ имѣлъ присмотръ за своимъ больнымъ братомъ и, если болѣзнь его окажется неизлечимою, привезъ бы его съ собою въ Россію. Государь не согласился на это прошеніе и положилъ на немъ резолюцію, что храбрые генералы нужны въ дѣйствующей арміи.

Когда кончался срокъ домоваго отпуска, князь немедленно собрался въ дорогу и, прощаясь съ матерью, былъ необыкновенно печаленъ; сѣвши въ коляску, онъ выскочилъ изъ нея и прибѣжавъ къ матери, сталъ предъ нею на колѣни, прося ее вторично благословить его на путь, какъ-бы предчувствуя, что онъ болѣе ее не увидитъ.

Въ скоромъ времени по прибытіи своемъ въ армію, онъ, во время одной вылазки Турокъ изъ крѣпости Силистріи, увидѣвъ, что одинъ русскій полковникъ, пораженъ ядромъ, кинулся подъ стѣны крѣпости спасать раненаго и въ ту минуту, какъ онъ взялъ его къ себѣ на плечи, другое крѣпостное ядро попало князю въ животъ, онъ успѣлъ только перекреститься и палъ на мѣстѣ.

Ужасную вѣсть о смерти князя получилъ управляющій домомъ княгини. Надлежало скрывать отъ нея эту роковую вѣсть, и въ домѣ всѣмъ запрещено было говорить о смерти ея сына. Вскорѣ по отъѣздѣ князя въ армію, княгиня послала дочь свою дѣвицу въ Парижъ привезти больнаго ея брата, и затѣмъ осталась одна въ своемъ домѣ. При такомъ своемъ одиночествѣ она просила меня чаще бывать у нея и почти каждый день присылала за мной экипажъ. Тяжело было мнѣ смотрѣть на несчастную княгиню, когда она, не получая отъ сына писемъ, ни

отвѣтовъ на свои письма, сначала сильно грустила, безпокоясь за жизнь сына, а потомъ начала уже приходить въ отчаяніе. Нужно было наконецъ объявить ей ужасную вѣсть, для чего вызванъ былъ изъ Петербурга зять ея Канцевичъ. Лишь только онъ вошелъ въ ея гостинную, она ужаснулась, когда же онъ сталъ предъ нею на колѣни, она затряслась и упала съ креселъ. Думали, что съ нею случился ударъ, но кризисъ прошелъ благополучно. Когда княгиня оправилась и могла заниматься своими дѣлами, ей представилась новая горестная забота о перевезеніи праха ея сына въ Россію; началась по этому предмету переписка, которую она поручила мнѣ, но перевозъ тѣла не былъ разрѣшенъ по причинѣ чумы, свирѣпствовавшей въ томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ былъ покойный князь, а именно въ мѣстечкѣ Каларашѣ на берегу Дуная. Оставалось одно—устроить на мѣстѣ погребенія памятникъ, и онъ сдѣланъ былъ изъ мраморной плиты, на которой изваяна княжеская мантія, поверженная на камень.

Черезъ нѣсколько времени дочь княгини возвратилась изъ Парижа и привезла съ собою своего брата, но не на радость тоскующей матери, которая увидѣла сына живаго тѣломъ, но умершаго умомъ—это была 3-я горькая утрата, понесенная княгинею послѣ смерти мужа.

Подъ тяжестью такихъ утратъ и безпрестанной грусти княгиня стала видимо изнемогать и ее постоянно удручала мысль, что по смерти ея, дочь, дѣвица, останется одна, безъ опоры и утѣшенія. Къ счастью не за долго до смерти княгини съ нею познакомилась добросердечная жена вновь прибывшаго въ Черниговъ губернатора Жукова, которая часто навѣщала ее, а въ послѣдніе дни передъ смертью княгини почти жила въ ея домѣ, и когда княгиня скончалась, сама закрыла ей глаза и безутѣшную дочь ея отвезла въ свою квартиру; послѣ погребенія успокоившей, все семейство губернатора поселилось въ домѣ Прозоровскихъ и старалось утѣшать осиротѣлую княжну.

Погребеніе княгини отличалось тою особенностью, что нищіе со всего города собрались и со слезами провожали тѣло покойницы до ея могилы. При жизни княгини часто можно было

видѣть толпы этихъ нищихъ на парадномъ крыльцѣ ея дома. Всему Чернигову извѣстна была благотворительность княгини Прозоровской. Она содержала у себя двухъ воспитанницъ, изъ которыхъ одну успѣла выдать замужъ за окончившаго въ семинаріи курсъ ученика, поступившаго священникомъ въ полкъ, и дала за ней приличное приданое. Въ домѣ ея проживалъ одинъ престарѣлый безприходный священникъ Даніилъ Вишня, которому она постоянно оказывала помощь при жизни, а по смерти помогала его дѣтямъ.

Покойная княгиня сказывала мнѣ, что дочь генералъ-фельдмаршала Прозоровскаго вышла замужъ за князя Голицына съ приданымъ 19,000 душъ, что князь Голицынъ повелъ чрезвычайно роскошную жизнь и въ нѣсколько лѣтъ прожилъ почти все приданое жены и умирая говорилъ плакавшей надъ нимъ женѣ, что оставляетъ ее почти безъ средствъ; изъ прожитаго состоянія вдовѣ Голицыной осталось небольшое имѣніе въ 600 душъ, она воспитывала дѣтей своихъ сама, въ своемъ домѣ при помощи гувернера и гувернантки. Одному изъ сыновей ея, для продолженія фамиліи князей Прозоровскихъ, присвоена эта фамилія, онъ назывался: князь Голицынъ-Прозоровскій.

XXV.

Генеральша Свѣчина, мои уроки ея дочерямъ.

Въ домѣ княгини Прозоровской я часто видѣлъ генеральшу Свѣчину, даму высшаго тона, всегда разряженную по послѣдней модѣ и принадлежавшую къ числу модныхъ и самыхъ легкомысленныхъ женщинъ.

Княгиня говорила мнѣ, что Свѣчина отъ перваго брака своего съ генераломъ Гундіусомъ имѣла двухъ малолѣтнихъ дочерей, изъ которыхъ младшую чрезмѣрно любила и баловала, прощая ей всѣ проступки, а къ старшей была слишкомъ строга и взыскательна, ставила ее часто на колѣни, забывала о томъ, и бѣдное дитя оставалось на полу цѣлую ночь. Сказавъ

это, княгиня прибавила, что изъ состраданія своего къ этой бѣдной дѣвочкѣ, она проситъ меня не отказаться давать уроки дочерямъ Свѣчиной, когда послѣдняя сама будетъ просить меня о томъ. Княгиня надѣялась, что я, обучая дѣтей Свѣчиной, въ старшей дочери найду лучшія качества, и, можетъ быть, моими отзывами въ пользу ея смягчу сколько нибудь суровое съ нею обращеніе ея матери. Вскорѣ послѣ этого Свѣчина, конечно по рекомендаціи княгини, попросила меня давать уроки ея дѣтямъ. При урокахъ моихъ я тотчасъ же замѣтилъ несправедливость матери: любимая дочь Свѣчиной была лѣнива и невнимательна во время моего преподаванія, а старшая всегда слушала меня со вниманіемъ и исправно исполняла уроки. Когда, однажды, и старшая дочь оказалась неисправной, я хотѣлъ было записать въ журналъ невыгодную отмѣтку, но жалкая дѣвочка остановила меня словами: „маменька за это меня накажетъ“, и я, пожалѣвъ ее, не сдѣлалъ такой отмѣтки. Свѣчина готовила дочерей своихъ къ поступленію въ Екатерининскій институтъ и собралась ѣхать въ Петербургъ. Давши послѣдній урокъ дочерямъ ея, я распрощался съ ними, и когда вышелъ въ переднюю, старшая дочь выбѣжала туда ко мнѣ и со слезами благодарила за мое съ нею обхожденіе. Свѣчина, возвратившись изъ Петербурга, говорила княгинѣ, что при прощаніи ея съ дочерьми, любимая дочь ея была довольно равнодушна, а нелюбимая, заливаясь горькими слезами, кинулась къ ней на шею и сказала: „хотя вы, маменька, не любите меня, но мнѣ жаль съ вами разстаться“. Каковъ урокъ матери, данный дочерью!

Что-же послѣ вышло изъ дочерей Свѣчиной. Младшая, любимая матерью, осталась навсегда въ дѣвицахъ, а старшая вышла замужъ за помѣщика Ханенко, и въ ея домѣ жила послѣ мать ея, сдѣлавшись на старости богомолкой, что часто бываетъ съ модными женщинами, когда онѣ приходятъ въ сознаніе, что легкомысленно проводили жизнь свою въ молодости.

XXVI.

Губернаторъ Жуковъ, мое житье въ домѣ его и уроки дѣтямъ Фейгена.

Новоприбывшій губернаторъ Жуковъ, познакомившись съ княгиней Прозоровской, по рекомендаціи ея, пригласилъ меня давать его дѣтямъ уроки, которые я продолжалъ въ этомъ домѣ до самаго выбытія моего изъ Чернигова. Когда жена моя, по болѣзненному ея состоянію, находилась у своихъ родителей въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Жуковы просили меня жить въ ихъ домѣ. Я долго не соглашался, зная, какъ иные родители ставятъ проживающихъ у нихъ домашнихъ учителей наравнѣ съ домашней челядью. Жуковы увѣряли меня, что приглашаютъ меня въ домъ свой, какъ друга, которому ввѣряютъ воспитаніе своего сына. Я наконецъ рѣшился перейти въ домъ ихъ, и не только никогда не раскаивался въ этомъ, но всегда былъ совершенно доволенъ моимъ у нихъ житьемъ, и теперь съ живою признательностью вспоминаю объ этомъ счастливомъ для меня времени. Ни въ одномъ домѣ въ Черниговѣ дѣти не были такъ ко мнѣ привязаны и не учились у меня такъ успѣшно, какъ въ домѣ Жуковыхъ. Жуковы, кромѣ значительнаго, по тогдашнему времени, вознагражденія за труды мои (по 1000 руб. ассигн. въ годъ), часто давали мнѣ и семейству моему не маловажные подарки; они принимали самыя искреннія заботы и попеченіе, когда я бывалъ боленъ; они предоставляли мнѣ всѣ возможныя удобства не только для моей жизни, но и для моихъ удовольствій и развлеченій: для меня всегда готовъ былъ экипажъ, на которомъ я ѣздилъ въ семинарію, катался съ дѣтьми по городу и за городъ; они даже предлагали отъ себя угощеніе посѣщавшимъ меня лицамъ, которыхъ однакожъ я рѣдко могъ принимать у себя по причинѣ безпрерывныхъ моихъ учебныхъ занятій, и при всемъ этомъ, изъ вниманія ко мнѣ, семейство Жуковыхъ часто благотворило бѣднымъ семинаристамъ, являвшимся ко мнѣ по своимъ нуждамъ. Такъ напр., когда одинъ бѣдный ученикъ пришелъ ко мнѣ съ жалобою, что хозяинъ дома, въ которомъ онъ квартировалъ, не выпускаетъ его со двора для отъѣзда къ его родителямъ, пока послѣдніе не уплатятъ

ему должныя за квартиру и содержаніе деньги,—дѣти Жуковы. услышавъ такую жалобу бѣднаго ученика, тотчасъ побѣжали къ своимъ родителямъ и принесли столько денегъ, что ихъ не только стало на уплату квартиросодержателю, но еще осталось на собственныя надобности ученика.

Словомъ сказать, я жилъ у Жуковыхъ, какъ у родныхъ; и когда у меня родился сынъ, губернаторъ самъ вызвался быть воспріемникомъ при крещеніи моего сына.

Сперва я давалъ уроки 12-ти лѣтней дочери и 11-лѣтнему сыну губернатора порознь, такъ какъ они не одинаково къ нимъ были подготовлены. Дочь, одаренная замѣчательными способностями, училась у меня сначала русской грамматикѣ, а потомъ и словесности съ отличнымъ успѣхомъ. Она много и весьма охотно читала подъ моимъ руководствомъ и писала довольно удачно сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ. Братъ ея, также весьма способный мальчикъ, скоро понималъ и охотно исполнялъ задаваемые ему уроки, и когда могъ уже учиться вмѣстѣ съ сестрою, я обоимъ имъ преподавалъ Законъ Божій, Исторію и Географію. Послѣ двухлѣтняго обученія у меня дѣтей Жуковыхъ родители пожелали, чтобъ этимъ дѣтямъ былъ произведенъ въ домѣ ихъ экзаменъ, на который приглашены были постороннія лица изъ высшаго круга ихъ знакомыхъ, въ числѣ ихъ директоръ гимназіи и архіерей Владиміръ.

Экзаменъ былъ произведенъ по формѣ испытаній въ публичныхъ училищахъ: сестра и братъ со стола брали закрытые билеты и на вопросы, въ нихъ написанные, стоя отвѣчали предъ посѣтителями, стоялъ и я, какъ отвѣтственный преподаватель. Отвѣты испытуемыхъ были по всѣмъ предметамъ удовлетворительны; нѣкоторые изъ присутствовавшихъ предлагали имъ свои вопросы, а болѣе всѣхъ спрашивалъ преосвященный Владиміръ по закону Божію и въ особенности по Богослуженію, и остался очень доволенъ отвѣтами экзаменуемыхъ, много хвалилъ ихъ и благодарилъ меня. Отецъ и мать вполнѣ были довольны успѣхами своихъ дѣтей и послѣ экзамена подарили мнѣ прекрасный чайный фарфоровый сервизъ.

Дочь Жуковыхъ на 15-тилѣтнемъ возрастѣ своемъ отправлена была родителями, съ семействомъ родной ея тетки, во Францію, гдѣ изучала французскую литературу и откуда часто присылала родителямъ на французскомъ языкѣ, а иногда и на русскомъ, пространныя и хорошо изложенныя описанія видѣнныхъ ею мѣстностей и образа жизни туземныхъ обитателей.

По отъѣздѣ дочери губернатора, я занимался съ его сыномъ русскою словесностью и исторіею, въ которой онъ оказывалъ особенно хорошіе успѣхи, и въ день имянинъ своего отца поднесъ ему составленную имъ и мною исправленную исторію города Чернигова. Такъ какъ отецъ желалъ, чтобы сынъ его поступилъ въ университетъ, то надлежало учить его латинскому языку, для чего, кстати, знакомый Жукову извѣстный историкъ М. П. Погодинъ выслалъ намъ изъ Москвы только что вышедшую тогда изъ печати латинскую грамматику Цумпта, которая послѣ пригодилась и мнѣ, во время моего преподаванія латинскаго языка въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Но не одинъ только сынъ Жукова слушалъ мои уроки; для компаніи ему жилъ въ домѣ губернатора сынъ знакомой губернатору помѣщицы Миклашевской и учился у меня тѣмъ-же предметамъ, какіе я преподавалъ сыну Жукова; для такой-же компаніи къ слушанію моихъ уроковъ, съ соизволенія губернатора, пріѣзжали къ намъ изъ города сынъ помѣщика Глѣбова и племянникъ вице-губернатора Волховскій; всѣ эти посторонніе слушатели платили мнѣ за мои уроки по 400 руб. въ годъ каждый; изъ нихъ Волховскій учился потомъ въ артиллерійскомъ училищѣ и былъ на службѣ артиллерійскимъ полковникомъ.

Въ то время, какъ я давалъ уроки дѣтямъ черниговскаго губернатора, мнѣ случилось обучать и еврейскихъ дѣтей. Въ домѣ губернатора по временамъ бывалъ богатый откупщикъ еврей Фейгенъ, пріѣзжавшій изъ Петербурга, котораго семейство жило въ Черниговѣ. Однажды при мнѣ губернаторъ сказалъ ему: „не пора-ли тебѣ, Фейгенъ, оставить твои откупа, а то вѣдь не ровенъ часъ можешь оборваться“! „Нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ послѣдній,—или я откупами наживу еще милліоны, или опять сяду въ пивную лавочку, изъ

которой пошелъ на мой промыселъ; если-же я оборвусь, то вмѣстѣ со мною упадутъ и многія изъ высокопоставленныхъ административныхъ лицъ, участвующія въ моихъ откупахъ".

Вотъ этотъ-то Фейгенъ пожелалъ, чтобы я училъ его дѣтей; я отказался, но архіерей Владиміръ, узнавъ отъ губернатора о моемъ отказѣ, убѣдилъ меня исполнить желаніе Фейгена, говоря, что можетъ быть вслѣдствіе моихъ наставленій дѣти Фейгена сдѣлаются христіанами. Двумъ малолѣтнимъ дочерямъ Фейгена и его племяннику я преподавалъ только русскій языкъ, который они весьма охотно и успѣшно изучали въ чтеніи, писаніи и изустномъ произношеніи назначаемыхъ мною статей, отчего еврейскій ихъ выговоръ значительно измѣнился на русскій. Уроки мои дѣтямъ Фейгена скоро прекратились за отъѣздомъ всего семейства Фейгеныхъ въ Петербургъ, гдѣ черезъ нѣсколько времени онъ объявилъ себя несостоятельнымъ и уѣхалъ за границу; тамъ онъ вмѣстѣ съ семействомъ принялъ христіанство по лютеранскому исповѣданію, какъ говорили, не по убѣжденію, а по житейскимъ видамъ и разсчетамъ.

XXVII.

Постройка дома.—Виды моего тестя и мои предположенія.—Мое увольненіе изъ духовнаго званія.—Я учитель Новгородъ-Сѣверской гимназіи.—Поѣздка въ Москву.

Преподавая долгое время въ Черниговѣ дѣтямъ разныхъ лицъ частные уроки, я пріобрѣлъ за нихъ порядочную сумму денегъ, на которыя тесть мой, съ моего согласія, построилъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ новый просторный домъ, для того, чтобы я съ семействомъ моимъ имѣлъ въ немъ помѣщеніе, когда буду послѣ него протоіереемъ въ этомъ городѣ. Съ того времени, какъ я сдѣлался его зятемъ, онъ постоянно желалъ, чтобъ я со временемъ занялъ послѣ него въ Новгородъ-Сѣверскѣ должности соборнаго протоіерея, смотрителя духовнаго училища и законоучителя гимназіи. Для вѣрнѣйшаго исполненія такого его желанія, онъ впослѣдствіи совѣтовалъ мнѣ, чтобы я, продолжая служить въ должности профессора семинаріи, посвятился во священника, дабы, проходя двойную службу—духовную и учебную,

пріобрѣлъ чрезъ то неоспоримое право на занятіе означенныхъ 3-хъ должностей въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Я охотно готовъ былъ послѣдовать этому совѣту, хотя, признаюсь, изъ тщеславнаго моего желанія, облектись въ рясу и носить на ней магистерскій крестъ, который магистры получаютъ немедленно по принятіи священническаго званія. Когда въ черниговскомъ соборѣ открылась вакансія, я просилъ архіерея Лаврентія дать мнѣ это мѣсто и нисколько не сомнѣвался въ успѣхѣ, но Лаврентій, не расположенный къ лицамъ, получившимъ высшее образованіе въ академіи, отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ подъ тѣмъ предлогомъ что онъ долженъ дать мѣсто въ соборѣ такому священнику, который могъ-бы быть членомъ консисторіи, какъ будто я, сдѣлавшись священникомъ, не могъ изучить консисторской премудрости. Отказъ его сильно огорчилъ меня, огорчились имъ и мои сослуживцы, видѣвшіе изъ моего примѣра, что имъ нельзя ожидать благоволенія отъ неблаговолившаго къ намъ владыки. Не подумалъ я въ то время, что при слабомъ моемъ здоровьи и при маломъ моемъ ростѣ я и не въ силахъ былъ-бы выносить тѣ труды, какіе выносилъ при полномъ своемъ здоровьи тесть мой, служившій зимою въ холодномъ соборѣ и исправлявшій духовныя требы въ домахъ, расположенныхъ на гористой мѣстности бѣднаго его прихода, на которомъ служа онъ самъ и всѣ его преемники были недолговѣчны. Послѣ, когда отъ усиленныхъ трудовъ моихъ, я сталъ чувствовать болѣзненные припадки, я одумался и началъ помышлять объ увольненіи моемъ изъ духовнаго званія, и теперь благодарю Лаврентія за его отказъ, отклонившій меня отъ пути, на которомъ я не вынесъ-бы непосильныхъ мнѣ трудовъ и преждевременно сошелъ-бы въ могилу. Познакомившись съ домомъ княгини Прозоровской, живя въ домѣ губернатора Жукова, я рѣшился увольниться изъ духовнаго званія, имѣя въ виду получить въ свѣтскомъ званіи выгодную для меня должность. Въ это время въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи открылось мѣсто инспектора. Возможность получить эту должность могла осуществиться для меня при ходатайствѣ княгини Прозоровской, которая писала объ этомъ къ знакомому ей малороссійскому генералъ-губернатору Рѣпнину, а

сей послѣдній передалъ ходатайство княгини свояку своему, бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія графу Уварову, который отвѣчалъ своею запискою, *и до меня дошедшею*, въ которой значилось, что министръ предписалъ попечителю кіевскаго учебнаго округа дать мнѣ просимое мною мѣсто. Повидимому, дѣло мое было, какъ говорится, въ шляпѣ, но не тутъ-то было. Прежде полученія инспекторскаго мѣста въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, я долженъ былъ получить увольненіе изъ духовнаго званія, при чемъ я долженъ былъ возвратить магистерскій окладъ за все время полученія его на должности профессора семинаріи, такъ какъ я при окончаніи курса въ академіи далъ подписку о желаніи моемъ поступить въ духовенство. Освободиться отъ возврата магистерскаго оклада я могъ только по причинѣ болѣзненнаго состоянія, о которомъ мнѣ надлежало представить удостовѣреніе врачебной управы, откуда, по вліянію губернатора Жукова, оно выдано было мнѣ въ смыслѣ моей неспособности къ прохожденію духовнаго званія. Это удостовѣреніе, вмѣстѣ съ своимъ обо мнѣ ходатайствомъ, семинарское правленіе препроводило въ академическое правленіе, гдѣ дѣло мое долго залежалось и представлено было въ коммиссію духовныхъ училищъ, откуда наконецъ послѣдовало благопріятное для меня рѣшеніе, по которому я увольнялся изъ духовнаго званія безъ взысканія съ меня магистерскаго оклада, вмѣненнаго мнѣ въ награду за продолжительную службу мою въ черниговской семинаріи за безвозмездное исполненіе дѣлаемыхъ мнѣ въ ней порученій; въ то-же время я произведенъ былъ въ чинъ коллежскаго асессора со старшинствомъ. Все это удалось мнѣ какъ нельзя лучше, но инспекторское мѣсто отъ меня ушло, оно во время медленнаго хода дѣла моего по увольненію меня изъ духовнаго званія дано было другому лицу; при томъ я уже не могъ оставаться на службѣ въ черниговской семинаріи, такъ какъ былъ уволенъ изъ духовнаго званія по разстройству здоровья. Изъ канцеляріи попечителя кіевскаго учебнаго округа я получилъ увѣдомленіе, что въ этомъ округѣ инспекторской вакансіи не имѣется, и что попечитель спрашиваетъ меня, не пожелаю-ли я пока занять мѣсто старшаго учи-

теля въ гимназіи, и чтобы, если того пожелаю, подалъ ему о томъ прошеніе, каковое я и послалъ къ нему, прося предоставить мнѣ бывшее тогда незанятымъ мѣсто учителя латинскаго языка въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, что и было попечителемъ утверждено. На этой должности я состоялъ до самаго окончаніи срока 25-ти лѣтней моей службы,— тогда только сдѣлали меня инспекторомъ. Sic fata volebant! Получивъ назначеніе на учительское мѣсто въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, я долженъ былъ выѣхать изъ Чернигова въ Новгородъ-Сѣверскъ. Губернаторъ Жуковъ въ это время просилъ меня, чтобы я отвезъ обучавшагося у меня сына его въ Москву и передалъ его тамъ на руки профессору университета Морошкину для приготовленія къ поступленію въ университетъ. Могъ-ли я не оказать послѣдней услуги Жукову послѣ всего того, что онъ дѣлалъ для меня. Для отъѣзда въ Москву я долженъ былъ взять отпускъ у новаго моего начальства; но какъ попечитель затруднялся дать его мнѣ, то я рѣшился быть полтора мѣсяца въ отставкѣ, чтобы только исполнить порученіе Жукова. Въ Москвѣ Морошкинъ жилъ въ домѣ Сухово-Кобылиной, родной тетки сына Жукова, который у ней остался на квартирѣ. Пока Морошкинъ экзаменовалъ моего ученика, я познакомился съ сыномъ Сухово-Кобылиной, кончившимъ тогда курсъ въ университетѣ, бывшимъ послѣ авторомъ извѣстной комедіи „свадьба Кречинскаго“. Присмотрѣвшись къ кругу веселой молодежи, собиравшейся у молодого Сухово-Кобылина, я вынесъ заключеніе, что юный, неопытный ученикъ мой врядъ-ли пройдетъ университескій курсъ, что и сбылось: онъ на половинѣ курса поступилъ на службу въ конно-гвардейскій полкъ. Возвратившись въ Черниговъ и отдавши Жукову отчетъ въ исполненіи его порученія, я спѣшилъ пріѣхать изъ Чернигова въ Новгородъ-Сѣверскъ. Жаль мнѣ было разстаться съ незабвеннымъ для меня семействомъ Жуковыхъ, жаль было оставлять и Черниговъ, въ которомъ 13-тилѣтнее пребываніе мое во всѣхъ отношеніяхъ было мнѣ благопріятно. Это былъ счастливѣйшій періодъ моей службы и жизни, никогда уже для меня не повторявшійся; съ перемѣщеніемъ меня въ Новгородъ-Сѣверскъ

насталъ для меня періодъ нужды, разныхъ испытаній и новыхъ трудовъ.

XXVIII.

Мое прибытіе въ Новгородъ-Сѣверкъ. Смерть моего тестя; домашніе невзгоды. Мое преподаваніе Латинскаго языка въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

Въ домѣ моемъ родные съ нетерпѣніемъ ожидали моего прибытія, замедлившагося поѣздкою въ Москву. Родители моей жены радовались, что они навсегда уже будутъ неразлучны съ нами и съ внуками своими, на которыхъ они обратили всю свою любовь и заботы; переставалъ и я сожалѣть, что оставилъ Черниговъ, разсчитывалъ, что съ моимъ учительскимъ жалованіемъ, при помощи тестя моего, занимавшаго три должности, я буду съ семействомъ моимъ жить въ Новгородъ-Сѣверскѣ безъ нужды, но надежда эта вскорѣ меня обманула: черезъ 4 мѣсяца послѣ моего водворенія въ Новгородъ-Сѣверскѣ тесть мой внезапно заболѣлъ и на 4-й день скончался.

Смерть его поразила меня какъ громомъ; всѣ хозяйственныя хлопоты пали на мою голову. Напрасно нѣкоторые думали, что тесть оставилъ намъ большое наслѣдство: мы наслѣдовали послѣ него долги, на покрытіе которыхъ пошли всѣ оставшіеся у меня еще деньги и деньги, присланныя мнѣ въ помощь отъ генерала Капцевича и княжны Прозоровской. Для содержанія себя съ семействомъ моимъ я долженъ былъ держать въ своемъ домѣ постояльцевъ изъ учениковъ гимназіи, что сопряжено было съ тяжелыми трудами для моей тещи и жены, и не приносило мнѣ такихъ выгодъ, какія въ другихъ городахъ получаютъ учителя гимназіи; въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи обучаются дѣти небогатыхъ родителей, старающихся нанимать для своихъ дѣтей квартиры подешевле. Содержа у себя такихъ квартирантовъ я, при скромномъ образѣ жизни, всегда оставался къ концу учебнаго года въ долгахъ по лавкамъ. Вскорѣ по смерти моего тестя послѣдовали въ семействѣ моемъ невзгоды: жена моя начала страдать отъ несчастныхъ родовъ, три сына

мои въ одно время поражены были скарлатиною и меньшій изъ нихъ, по имени Стефанъ, крестникъ губернатора Жукова, умеръ.

Когда я пришелъ въ гимназію, то увидѣлъ тотчасъ же, что нахожусь въ другой сферѣ, уже не въ Черниговской семинаріи, гдѣ всѣ сослуживцы мои были одинаковаго со мной происхожденія, воспитанія и направленія; новые мои товарищи сначала какъ-то чуждались меня, смотрѣли на меня, какъ на незнакомаго имъ пришельца изъ другаго учебнаго лагеря; одинъ только директоръ Тимковскій, при первомъ моемъ къ нему представленіи, оказалъ мнѣ благоволеніе, потому что любилъ моего тестя, и отъ него имѣлъ благопріятныя для меня свѣдѣнія. Когда я находился еще въ Черниговѣ, онъ черезъ тестя моего желалъ узнать отъ меня, въ какихъ классахъ гимназіи я хочу преподавать латинскій языкъ, въ низшихъ, или въ высшихъ; я отвѣчалъ, что назначеніе мнѣ классовъ я предоставляю волѣ начальства и постараюсь оправдать то назначеніе, какое будетъ ему угодно. Тимковскому очень понравился мой отвѣтъ, и онъ тогда-же опредѣлилъ мнѣ преподавать въ высшихъ классахъ.

Предъ вступленіемъ моимъ въ должность, Тимковскій, знатокъ и любитель латинскаго языка, сказалъ мнѣ, что къ его сожалѣнію, этотъ языкъ, по причинѣ упущеній долго служившаго моего предмѣстника, находится въ высшихъ классахъ въ упадкѣ, и что онъ проситъ меня постараться его поднять. Съ первыхъ уроковъ моихъ я узналъ, что ученики высшаго класса (7-го) большею частью плохо знаютъ грамматику и переводятъ съ латинскаго языка какъ-то по верхамъ, угадывая смыслъ подлинника по значенію знакомыхъ имъ словъ. Я сталъ повторять съ ними грамматику, разъясняя по Цумпту логически изложенныя правила объ употребленіи временъ и наклоненій, и въ то-же время занимался съ учениками переводами съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій. Ученики, видя во мнѣ новаго учителя и новыя для нихъ требованія, при содѣйствіи директора, прилежно занимались моимъ предметомъ и черезъ годъ на экзаменѣ оказали если не совсѣмъ достаточные, то значительные успѣхи.

Тимковскій, просмотрѣвъ поданные ему ученическіе, сдѣланные во время испытанія, переводы съ русскаго языка на латинскій, отдалъ мнѣ эти переводы, сказавъ: „дарю вамъ ихъ на память о трудахъ вашихъ и вашихъ учениковъ, надѣюсь что мы съ вами скоро возьмемъ Трою“. По окончаніи годичныхъ экзаменовъ на торжественномъ актѣ я, по принятому въ гимназіи обычаю, какъ вновь опредѣленный преподаватель, читалъ сочиненную мною на латинскомъ языкѣ и просмотрѣнную въ совѣтѣ Кіевскаго университета, диссертацію: „de societatibus litterariis“. На другой годъ сынъ директора, хорошо приготовленный, поступилъ прямо въ 6-й классъ и своимъ знаніемъ латинскаго языка возбудилъ въ сотоварищахъ такое соревнованіе, что они старались съ нимъ сравниться, а одинъ изъ нихъ, даровитый Сердюковъ, даже превзошелъ его. Затѣмъ латынь моя въ высшихъ классахъ пошла должнымъ порядкомъ, тѣмъ успѣшнѣе, что учитель низшихъ классовъ старался болѣе заниматься съ своими учениками латинской грамматикой. Тимковскій былъ доволенъ мною и моими учениками. Онъ находилъ употреблявшуюся тогда въ гимназіяхъ хрестоматію недостаточною, и, желая, чтобы ученики знакомились съ лучшими латинскими авторами, выписывалъ чрезъ петербургскаго корреспондента изъ заграницы дешевыя стереотипныя изданія латинскихъ классиковъ, прозаиковъ и поэтовъ, которыя ученики покупали изъ гимназическаго книжнаго магазина, которымъ я тогда завѣдывалъ. Изъ всѣхъ этихъ классиковъ ученики мои переводили по нѣскольку главъ, и такимъ образомъ знакомились съ особенностями каждаго изъ нихъ и легко могли каждаго переводить.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УТОПЛЕННИЦА[1].

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ уже баба Явдоха въ сильной горячкѣ. Съ каждымъ днемъ ей все хуже и хуже. Изможденная, съ нервно-бѣгающими глазами на высохшемъ, скулистомъ лицѣ, она

[1]) На утопленниковъ, высѣльниковъ и другихъ лицъ, умершихъ не своей смертью, наложившихъ на себя руки, или даже умершихъ естественною, но преждевременною смертью (въ молодыхъ лѣтахъ), народъ смотритъ какъ на виновниковъ мірскихъ несчастій—пожаровъ, неурожая, градобитія. Случаи вскрытія могилъ такихъ покойниковъ и кощунственнаго издѣвательства надъ трупами не рѣдки, особенно на волынскомъ полѣсьи. Примѣръ. Въ 1885 году въ с. Кричильскѣ ровенскаго уѣзда, повѣсился, отъ угрызеній совѣсти за ложную присягу, крестьянинъ Григорій Кика. Для предотвращенія сильнѣйшаго голода, его трупъ, съ разрѣшенія сельскаго старосты, выкопали и зарыли въ другомъ мѣстѣ, а оттуда перенесли на третье и т. д. По этому дѣлу былъ возбужденъ судебный процессъ, привлекшій къ подсудности многихъ крестьянъ. Дѣло разбиралось въ г. Новоградволынскѣ, въ съѣздѣ мировыхъ посредниковъ.—Въ 1893 году весной, въ м. Степани, ровенскаго уѣзда, утонула въ Горини мѣщанка М. Б. Крестьяне не желали погребенія ея на кладбищѣ. Съ этой цѣлью они даже подали приставу „донесеніе“. Вотъ текстъ этого донесенія:

„Его В—ію, г. Становому Приставу 3 стана, ровенскаго уѣзда, отъ общества крестьянъ м. Степаня—донесеніе. Симъ доносимъ В. В—ію, что въ м. Степанѣ съ 24 на 25 апрѣля ночью утонула въ р. Горынѣ жена О. Б—а, которая проникла черезъ пятеро дверей и такъ потихоньку вышла изъ дома, что будто-бы мужъ ея и всѣ домашніе не слышали, то видно, что она была при здравомъ умѣ и нарочно причинила таковую смерть себѣ безъ исповѣди и причастія Св. Таинъ, то

напоминаетъ собою скорѣе скелетъ, чѣмъ живаго человѣка. Болѣзнь отняла у нея всю силу, вывела жизнь, какъ говорятъ крестьяне, а оставила только душу „на де якій часъ“. Днемъ ей еще ничего: она хоть лежитъ покойно. Но настанетъ ночь,—съ больной управиться трудно. Она вскакиваетъ съ постели, показываетъ на голову и грудь, кричитъ не своимъ голосомъ: „пече, пече! ось тутъ мене пече,“ рветъ на себѣ сорочку, мечется изъ

мужъ ея О. Б—ъ упорно желаетъ похоронить на освященномъ кладбищѣ, чего всѣ прихожане всѣхъ трехъ церквей не дозволяютъ, ибо опасаются разныхъ несчастныхъ случаевъ, то есть градобитія, громовъ, тучи и неурожая, какъ уже неоднократно случалось въ вышеприписанныхъ предметахъ погребенія таковыхъ покойниковъ, подобныхъ ей на освященныхъ мѣстахъ и тѣмъ болѣе изъ родни Б—а. На основаніи вышеизложеннаго, покорнѣйше просимъ Вашего Высокоблагородія, не предполагать разрѣшать хоронить ея на освященномъ мѣстѣ, на которомъ погребаются таковые покойники, которые кончаютъ жизнь по христіанскому обряду. Мая, 10 дня, 1893 года. Проситъ общество крестьянъ м. Степаня“...

Приставъ, возвративъ донесеніе крестьянъ обратно, предписалъ волости „разъяснить нелѣпость такого донесенія обществу и отвѣтственность, грозящую тѣмъ изъ крестьянъ, которые въ случаѣ малѣйшей попытки на противодѣйствіе священнику въ дѣлѣ преданія землѣ тѣла М. Б., будутъ изобличены тѣмъ въ невѣжественномъ суевѣріи. А затѣмъ старшина первый своимъ личнымъ участіемъ въ христіанскомъ погребеніи Б—ъ, обязанъ дать примѣръ невѣжественной толпѣ. Мая, 12 дня, 1893 г. Приставъ 3 стана Деменко. (Отношеніе отъ 13 мая, за № 671, 1893 г.)“.

„Невѣжественная толпа“ осталась однако при своемъ мнѣніи. Обстоятельства прочно укрѣпили это мнѣніе. Лѣто 1893 года въ хозяйственномъ отношеніи было очень неблагопріятно. Цѣлый рядъ несчастій, какъ бы нарочно, слѣдовалъ чрезъ все лѣто. На первый день праздника Троицы молнія сожгла 29 фольварковъ на предмѣстьи Степани; чрезъ нѣкоторое время молніей убило близь степанской лѣсопильни мазура; потомъ, молніей былъ убитъ солдатъ и волъ на полѣ; десятилѣтняя дѣвочка подавилась фасолью; въ Зульнѣ,—деревушкѣ близь Степаня,—деревомъ убило восьмилѣтняго мальчугана; передъ самими жнивами страшный градъ (см. корресп. „Кіевскаго Слова“ № 1970) уничтожилъ посѣвы; въ с. Вербчѣ,—недалеко отъ Степаня,—случился пожаръ; на степанскомъ хуторѣ молнія зажгла домъ, фольварокъ и убила свинью на полѣ; 20 іюля на Илію молнія зажгла копу ржи, все почти лѣто систематически шелъ дождь и мѣшалъ уборкѣ хлѣба... Однимъ словомъ—цѣлая серія бѣдствій.... Убѣдить крестьянъ, что между этими бѣдствіями и утопленницей—ничего общаго, нѣтъ никакой возможности. „То все вона“, затвердили крестьяне, то ей справа и баста,...“.

Этотъ замѣчательный случай совпаденія утопленницы съ бѣдствіями оживилъ народное суевѣрное чувство и вызвалъ въ средѣ крестьянъ много различныхъ толковъ, послужившихъ авторомъ матеріаломъ предлагаемаго этнографическаго разсказа.

стороны въ сторону и бросается къ дверямъ. Ей душно, жарко... ей хочется на свѣжій воздухъ... Но ее удерживаютъ, вяжутъ, насильно укладываютъ въ постель и заставляютъ спать. Итакъ—до утра... утромъ—опять успокоится.

И чего, чего только не дѣлали, чтобы вылѣчить бабу Явдоху. Давали ей пить и холодную воду, и настойку на черникѣ, прикладывали ей ледъ къ головѣ и грудямъ, и водой обливали; и образы на неё клали, и заговоры шептали,—всё оказывалось напраснымъ: болѣзнь осложнялась и дѣлалась серьезнѣй. Пришлось, наконецъ, позвать доктора, но и докторъ не помогъ. Онъ только побранилъ крестьянъ за то, что они не позвали его раньше.

Ничего не помогло. Явдоху приготовили къ смерти. Раза два приглашали батюшку для исповѣди и напутствія больной, но случалось все такъ, что, при появленіи батюшки, Явдоха забывалась, металась больше прежняго, и исповѣдь не удавалась.

Ночь. Въ хатѣ на низенькомъ „комнику“ горитъ лучина и, то вспыхивая, то потухая, освѣщаетъ убогую обстановку хаты. На полатяхъ лежитъ Явдоха и стонетъ. Должно быть, она въ эту ночь помретъ. У ея постели сидитъ Настя, ея единственная замужняя дочь, и нѣсколько сердобольныхъ бабъ. На столѣ, на чистой скатерти положенъ большой, непочатый хлѣбъ, къ краю котораго прикрѣплена восковая, церковная свѣчка; тутъ же, возлѣ солонки стоялъ крестъ, оставленный батюшкою.

Больная очнулась, открыла глаза и оглядѣла комнату.

— Иды спаты, сказала она, замѣтивъ у своихъ ногъ дочь: иды спаты!

— Я ничого, мамо, я пасыжу. Може вамъ, мамо, що треба буде.

— Иды, иды, колы я тоби кажу, закричала мать такимъ раздражительнымъ, хриплымъ голосомъ, что дочь встала на ноги. И вы, вси... геть, прочь... щобъ не було васъ тутъ.

— А ты що будешъ робыты?

— Що хочу. Нароблю соби славы, а людямъ—поговору.

Измученная разговоромъ, она впадала въ забытье и бредила. Тихимъ, спокойнымъ голосомъ она разсказывала, что со-

бирается куда то далеко и что ее давно уже ждутъ „высокія та червоныя кони“. Придя въ себя и замѣтивъ, что присутствующіе все еще не уходятъ, она опять возвышала голосъ и настойчиво гнала всѣхъ изъ избы.

Явдоха кричала такъ сильно и съ каждой минутой такъ раздражалась, что тѣ должны были выйти. Осталась только дочь, обѣщавшая „на случай чого“ дать знать бабамъ, которыя ушли спать въ комору. Настя осталась въ сѣняхъ. Ежемгновенно она заглядывала чрезъ полуоткрытую дверь въ хату и наблюдала за матерью. Явдоха сидѣла на кровати и, при слабомъ мерцаніи лучины, увязывала въ узелъ свои вещи—рубаху, хустку, свитку—и собиралась...

„Збирается кудысь, забулася зновъ... подумала дочь. Нехай збирается, абы спокійнійша була“.

Навязавъ большой узелъ, Явдоха глубоко вздохнула и хотѣла встать, но силы отказались ей служить.

— Гей, кони, червоны кони! хуткійшъ! крикнула она, все порываясь встать, но въ безсиліи упала на подушки, забормотала что-то такое и уснула.

„Хвалыты Бога, подумала Настя, теперъ и мени можна заснуты“. Она легла на землѣ въ сѣняхъ и тоже уснула.

Дико блуждая глазами и нервно хватаясь костлявыми руками за пологъ своей рубахи, пробудилась чрезъ полъ-часа Явдоха. Лицо ея искривилось отъ внутреннихъ страданій.

— Ой, горыть! Ой, Боже-жъ мій, сорочка горыть! пече, ратуйте! кричала она не своимъ голосомъ.

Но ея никто уже не слышалъ. Въ хатѣ было тихо Въ сѣняхъ раздавался мѣрный, здоровый храпъ Насти. Она оглянулась кругомъ. Огонь на „комипку“ потухъ. Отъ него осталась блестѣвшая зола.

Явдоха встала съ постели и подошла къ выходнымъ дверямъ. Двери были заперты засовомъ. Ей не пришло въ голову открыть засовъ. Она вернулась въ избу и уставилась въ окно. Сквозь окно падалъ блѣдный, лунный свѣтъ на лавку. Она взлѣзла на лавку, открыла окно и въ одной рубахѣ выскочила въ огородъ.

Лунная, тихая ночь была въ половинѣ своего пути. Сонный, круглый мѣсяцъ свѣтилъ на небѣ и озиралъ сонную окрестность. Невдалекѣ, за огородами блестѣла рѣка. Гдѣ то на гати шумѣла вода. На востокѣ чуть-чуть показывались яркія, свѣтлыя полоски, предвѣстницы зари.

Стоя въ огородѣ среди своей бульбы, Явдоха очнулась Обѣими руками стала она собирать росинки съ разросшагося въ огородѣ „бульбынья“ и мочить свою голову, грудь, животъ. Постоявъ такъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, она пошла дальше и опять остановилась, съ удивленіемъ осматривая все, что окружало ее, какъ бы не узнавая своей усадьбы.

— Кони! кони, хуткійшъ, я вамъ кажу!.. А не дождете вы! пождить... крикнула она нѣсколько разъ и неизвѣстно кому грозила своими костлявыми кулаками.

Одинъ только крестьянинъ былъ свидѣтелемъ бѣгства Явдохи—рыбакъ Окунь, усадьба котораго была сосѣдней съ хатою Явдохи. Окунь въ эту ночь шелъ „на зорю“ рыбу ловить. Онъ часто выходилъ „въ досвита“ на рыбную ловлю и зналъ, гдѣ и какая рыба ловится въ это время. Окунь тащилъ съ собой крылачи и думалъ разставить ихъ въ извѣстныхъ только ему одному мѣстахъ.

Раздался крикъ. Бѣлая, тощая фигура стояла въ огородѣ и, грозя кому-то руками, кричала. Окунь догадался, что это была Явдоха, и забылъ цѣль своего путешествія. Онъ остановился и наблюдалъ за Явдохою. Вотъ она пошла прямо къ своей клунѣ, кинулась къ дверямъ... лѣзетъ какъ будто на стѣну... упала... „Що се зъ нею таке? чого се вона? хрестъ святый зъ нами“... Сама собою приходила ему въ голову мысль, что Явдоха въ сильномъ бреду, что слѣдуетъ, не медля ни минуты, или кликнуть людей, или самому броситься къ больной... Но въ самую критическую минуту онъ раздумывалъ и оставался въ нерѣшительности. Онъ стоялъ какъ-бы въ туманѣ и не зналъ, что предпринять. „Ни, треба побигты, ратоваты“...

Нѣсколько разъ бросалась на стѣну Явдоха, хотѣла войти въ свою клуню и всякій разъ, что ни взлѣзетъ, то и упадетъ. Наконецъ, какъ-бы убѣдившись въ безполезности своихъ выла-

зокъ, она направилась къ рѣкѣ и, раньше чѣмъ Окунь успѣлъ добѣжать до нея и принять какія либо мѣры, взошла на кладки, что вели чрезъ рѣчку и бросилась въ воду, „бовтнулась“ и какъ камень пошла на дно... Окунь видѣлъ только „бульки“ на поверхности воды, обозначавшія послѣднюю дорогу Явдохи. Еще стоя на кладкѣ, она что-то такое крикнула, но кто разберетъ, что больная кричитъ въ горячкѣ въ послѣднюю минуту? Окунь, по крайней мѣрѣ, ничего не разобралъ.

Когда раздался плескъ воды, Окунь тогда только какъ-бы очнулся, и туманъ вышелъ изъ его головы. Онъ бросился къ рѣкѣ но, понявъ хорошенько что случилось, остановился. „Втопылася,“ сказалъ онъ и испугался своего голоса, словно совершилъ какое нибудь преступленіе. Онъ посмотрѣлъ на клуню. „Ось тутъвона стояла... А вода шумыть“... Ему почудился плескъ во водѣ...

Онъ быстро обернулся и пошелъ въ свою хату; хотѣлъ заснуть, но не могъ. Разныя мысли объ утопленницѣ все шли ему въ голову. А главное—его безпокоилъ этотъ предсмертный крикъ Явдохи. Что онъ значилъ? что такое она кричала? Постепенно приводя себѣ на память слова Явдохи и стараясь разгадать ихъ смыслъ, Окунь съ ужасомъ подумалъ, что она крикнула:

„Окунь! Окунь! я тоби покажу! не дождешь! Эге, такъ и сказала: Окунь, не дождешь“...

Морозъ пошелъ по спинѣ Окуня. „За що и про що? Да воскреснетъ Богъ и расточатся“..... Онъ дрожалъ и накрылся свиткой. „И що я ій зробывъ? тожъ я, здается, ій ничого... Яко исчезаетъ дымъ“... Онъ выглянулъ изъ-подъ свитки. „Мисяць ще свитыть... ще не хутко сонце зійде... Тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица огня... Отъ несчастье. А крылачи въ городи осталыся... Такъ и сказала: я тоби покажу“...

О онъ сталъ быстро перебирать въ памяти свои отношенія къ Явдохѣ. Было о чемъ вспомнить...

II.

Явдохѣ было лѣтъ подъ сорокъ. Она была вдова послѣ двухъ мужей. Ея перый мужъ умеръ на второй годъ послѣ

„шлюбу“. Явдоха осталась одна на хозяйствѣ съ маленькой дочкой Настей.

Въ молодости Явдоха была „молодыця“ видная, красивая и веселая, но въ пожилыхъ лѣтахъ её стали называть сначала знахаркою, а потомъ и „видьмаркою“. Извѣстно, что „гарна молодыця, або дивчина завше бувае на старости видьма; бо такъ вже самъ Господь Богъ устроивъ“... Но кромѣ этого было много другихъ причинъ, почему за Явдохою установилась такая недобрая репутація. Началось это со смерти ея перваго „чоловика“. Мужъ Явдохи умеръ молодымъ отъ простуды. На селѣ стали говорить, „що Явдоха звела свого чоловика и що вона знается“. Мнѣніе это укрѣплялось въ средѣ ея односельчанъ по мѣрѣ того, какъ находились соотвѣтствовавшіе этому мнѣнію факты. А такихъ фактовъ было много. „Жинка“, напримѣръ, обязательно должна плакать по смерти своего „чоловика“ и „цилый рикъ не повынна копаты бульбы на городи“; но Явдоха, которой въ то время было только девятнадцать лѣтъ, плакала немного и, главное, бульбу на огородѣ копала.

— А що ты, Явдохо, робышъ? Хиба-жъ годится по смерти чоловика та бульбу копаты?—удивлялись сосѣдки, видя, какъ Явдоха на огородѣ управлялась застуномъ“.

— А хтожъ мени накопае бульбы до борщу?—отвѣчала Явдоха и продолжала копать.

Скоро къ ней присватался богатый крестьянинъ. Она вторично вышла замужъ. Не прошло и года, какъ и этотъ „чоловикъ„ умеръ. Нечего и говорить, что по другомъ мужѣ Явдоха плакала еще меньше, чѣмъ по первомъ. А какъ у нея умеръ второй мужъ? „Певне вона губыть людей“. Такъ и говорили на селѣ.

И никто больше не хотѣлъ свататься къ богатой, красивой вдовѣ, и ея богатство никому не было „заздростно“. А Явдохѣ отъ этого—„и байдуже“... Она зажила самостоятельно. Съ этого-то времени она сошлась съ своимъ добрымъ сосѣдомъ—Окунемъ, вдовцемъ. Окунь много помогъ Явдохѣ въ хозяйствѣ. Онъ помогалъ ей и въ сѣвбѣ, и въ жнива, и въ косовыцю... Правда, много лишняго на селѣ говорили „довгіи языки“ по

поводу ея отношеній къ Окуню, но Явдоху не особенно безпокоили эти сплетни. Въ отвѣтъ на разные доходившіе до нея слухи, она обыкновенно говорила, что „людямъ заздростно, що ій добре живется на свити и безъ чоловика“. Такова была баба Явдоха,—шустрая была баба.

И дѣйствительно, ей жилось не дурно. Ея волока лежала на лучшей землѣ; сѣнокоса было много; огороды родили хорошо,—только бы управиться далъ Богъ.

Хата ея была старая. Явдоха выстроила новую хату на концѣ села и покрыла её не соломою, какъ у всѣхъ, а „дранцами“. Это тоже было очень подозрительно: у всѣхъ людей на селѣ—солома, а у нея—драницы.....

Но окончательная репутація „видьмарки“ установилась за Явдохой послѣ пожара. Случился большой пожаръ на селѣ. Большая половина хатъ стояла въ огнѣ. Кто только имѣлъ руки, спѣшилъ спасать свое имущество и выносить его на огороды. Одна Явдоха была „беспечна“. Она сказала, „що до неи не дойде“, и ничего не выносила. Такъ и вышло: ея домъ уцѣлѣлъ. Мало того, крестьяне видѣли, какъ она во время тогоже пожара нѣсколько разъ обходила кругомъ своей хаты, смотрѣла на небо и говорила, „що витру не буде“. Такъ и вышло: вѣтру не было.

Слѣдовалъ прямой выводъ, что Явдоха умѣетъ и хмару „отвертаты“, и кровь заговаривать, и „споръ“ снимать, и много, много разнаго умѣетъ.

Когда Явдоха заболѣла послѣдней болѣзнью, никто изъ бабъ не хотѣлъ сначала принимать въ ней участья,—всѣ сторонились; но когда болѣзнь усилилась, когда всѣ увидѣли, что больная, при всемъ своемъ знахарствѣ, такъ же безпомощна въ болѣзни, какъ и всякая женщина, её стали участливо посѣщать. Окуню не случилось посѣтить Явдоху во время болѣзни. Онъ почему-то всё откладывалъ свое посѣщеніе...

III.

На слѣдующій день, съ ранняго утра въ домѣ Явдохи началась тревога. Бабы проснулись первыми въ коморѣ и посту-

чались въ хату. Имъ отворила двери заспанная Настя. Матери не было. По открытому окну сразу догадались, что она вышла чрезъ окно. Въ огородѣ нашли ея слѣды, а у рѣки—куски рубахи, которую рвала на себѣ Явдоха въ предсмертную минуту. Не было сомнѣній, что она утонула, но гдѣ и какъ,—никто не видѣлъ. Если бы въ это время обратили бо́льшее вниманіе на Окуня, то замѣтили бы, что онъ за ночь перемѣнился. Его сѣдые волосы за ночь стали еще какъ будто сѣдѣе. Лицо потемнѣло и осунулось. Но на него не обращали вниманія,—не до него было.... Въ общей суматохѣ никому не показалось страннымъ и то обстоятельство, что Окунь въ эту ночь не ходилъ на зорю рыбу ловить, тогда какъ многіе знали, что онъ собирался идти... Никому и въ голову не пришло спросить также, какимъ образомъ крылачи Окуня очутились въ огородѣ. Окунь молчалъ,—словно воды въ ротъ набралъ.

Печальная вѣсть обошла всѣхъ. Въ деревнѣ утопленница—большое происшествіе. Оно остановило всѣ работы крестьянъ. Всѣ—отъ дѣтей до стариковъ—интересовались обстоятельствами происшествія: когда, какъ и гдѣ утонула Явдоха. Кромѣ предположеній, никто ничего не могъ сказать. Въ большое смущеніе приводило одно мѣсто у „пидварка“. У одного столба тамъ земля была твердо выбита, „було выковзано якъ на току“. Это было очень странно. Послѣ многихъ разсужденій и предположеній было рѣшено, что здѣсь покойница не то танцовала, не то билась о землю, вообще, „човплася, звычайно не въ своему розуми“.

О многомъ говорили крестьяне по поводу смерти Явдохи, но никто не думалъ искать тѣла утопленницы. Кто-то, видя, какъ Настя, сидя надъ рѣкой, убивается по матери, заикнулся было, „щобъ поихаты зъ тычками на човнахъ“, но предложеніе было отвергнуто. Другую бабу, быть можетъ, и искали-бы, но не Явдоху. Одна мысль о поискахъ мертваго тѣла „видьмарки“ пугала воображеніе крестьянъ и приводила ихъ въ робость.

Въ полдень изъ сосѣдняго села прибыли сельскія власти—старшина и урядникъ. Послѣ краткаго допроса объ обстоятельствахъ дѣла, они приказали искать тѣло Явдохи. Толпа, до

тѣхъ поръ плотно стоявшая кругомъ урядника, отхлынула отъ него. Многіе недовольно ворчали и перешептывались межъ собою.

— То ничого вамъ не поможе, энергично сказалъ урядникъ: мусыте шукаты, бо якъ прыставу донесу, то тоди буде справа друга. Ну, берить-но човны хутесенько, тай йидьте шукаты, зъ Богомъ!..

— Прысяйби не пойидемо. Отъ, не бачылы чого?!.. щобъ такую шукаты. Тай, проше пана, якъ же мы будемо шукаты, колы въ насъ човнивъ нема.

— Якъ-то нема?! а дежъ ваши човны?

Село, въ которомъ утонула Явдоха, было большое, рыбацкое. Рѣдкій изъ крестьянъ не занимался рыболовствомъ. Однако оказалось, что ни у кого въ эту минуту не было лодки. Иванъ Пенько говорилъ, что его „човенъ зовсимъ розбывся на куски“, Грыцько Облупень докладывалъ, „що нехай винъ зовсимъ скисне, якъ въ ёго човни нема дирки и що черезъ тую проклятую дирку не можна а ніякъ йихаты, хоть ты що хочъ“... Грыцько Морозъ божился всѣми святыми, что его „човны“ зъ рыбою и крылачами на прошлой недѣлѣ „у пятныцю“ украли „злодіи, щобъ имъ болячки повыскакувалы“... Бенедъ „зробывъ зъ свого човна жолобы для своихъ каштановатыхъ коней“, а у самаго главнаго рыбака Семена Бондарчука, какъ оказалось, и „зъ роду не було доброго човна“...

Долго „сперечалысь“ крестьяне уряднику. Тотъ, наконецъ, разсердился и далъ окончательное распоряженіе, что если чрезъ „годыну“ не будетъ „човнивъ“, то онъ позоветъ сотскихъ и заставитъ крестьянъ идти безъ „човнивъ“ въ воду и искать Явдоху. Угроза была чувствительная и произвела свое дѣйствіе. Толпа задумалась. Она знала своего урядника.

— Слухай-но, Иване, тожъ въ тебе таки повиненъ бугы якійсь човенъ!—обратился одинъ крестьянинъ къ другому.

— Ни, нема... Отъ въ Сергія то, здается, есть.

— Що таке?—недоумѣвалъ Сергѣй—човенъ?! Ни, нема, дальби нема.

— А чимъ-же ты рыбу ловышъ? спросилъ урядникъ.

— Рыбу чимъ ловлю?! Онъ задумался. Чимъ прыйдется часомъ удкою, часомъ сачкомъ, часомъ клумлею.

— Клумлею?! А пиды-но прынесы клумлю.

— Нащо вамъ? Сергій подозрительно посмотрѣлъ на урядника.

— Пиды-но прынесы! я тоби кажу треба.

Сергѣй постоялъ, почесалъ затылокъ, недовѣрчиво посмотрѣлъ на урядника; потомъ пошелъ и принесъ клумлю.

— Ну, а теперь роздягайся, та й за Явдохою, гайда! да, ну, живо!

— Пане, змылуйтеся, завопилъ Сергѣй.

— Живо, я тоби кажу, бо... урядникъ показалъ свой мускулистый кулакъ. Это было очень понятнымъ продолженіемъ недоговоренной мысли.

Сергѣй недоумѣвающе глядѣлъ на своихъ товарищей, какъ бы испрашивая у нихъ совѣта въ такую критическую минуту. Возлѣ него стояла клумля. „И надавъ мени чортъ згадаты про клумлю“, думалъ онъ...

— Ну, чого-жъ ты? лизь!

Сергѣй посмотрѣлъ въ воду, на кусты, нависшіе надъ водою, и ужаснулся. Страданіе изобразилось на его лицѣ.

— Ой, пане, колы такъ, то лучше вже я пиду та пошукаю якого небудь човна. Може я де найду.

— Добре, иды, иды... А ось Иванъ тымъ часомъ полизе въ воду зъ клумлею, бо въ ёго, я чувъ, човенъ розбывся на куски.

Но Иванъ тоже отказался идти въ воду. Онъ случайно вспомнилъ, что у него въ огородѣ лежитъ душегубка—„такый собы невелычкый човнычокъ“. У Грыцька Облупня кромѣ лодки съ дыркою оказалась еще лодка безъ дырки, какими то судьбами очутившаяся „на вышкахъ“ и т. п.

И всякій, кому только велѣлъ урядникъ идти съ клумлей въ рѣку по Явдоху, сначала отговаривался, потомъ шелъ „добуваты де якого човна“.

Лодокъ оказалось достаточное количество. Урядникъ былъ очень доволенъ своею находчивостью и обратился къ крестья-

намъ даже съ нравоученіемъ. Ему хотѣлось загладить рѣзкость своихъ предшествовавшихъ приказаній разговоромъ въ легкомъ, миролюбивомъ тонѣ.

— Бо то все суевѣріе, сказалъ онъ наставительно. Явдоха— такый-же чоловикъ, якъ и вси. Надъ нею треба мать состраданіе. Понимаете?

— Запевне, отвѣтилъ за всѣхъ одинъ старикъ, стоявшій впереди толпы.

— А суевѣріе треба искоренять...

— Та вже-жъ, подтверждалъ тотъ-же старикъ, потягивая изъ люльки...

— Ии треба ховаты по христіанскому обряду; ии Богъ на тому свити розсудыть, а що про неи люде говорять, то все— суевѣріе.

— Що правда, то правда. Нема що.

Урядникъ замолчалъ. Наставленіе было исчерпано. Онъ не зналъ, что сказать еще, и придумывалъ....

— Ну, а якъ будете сопротивляться, то я васъ всихъ.... Понимаете?

— Понимаемо,—отвѣтило сразу нѣсколько голосовъ. Це— понимаемо.

Послѣ наставленія урядникъ еще болѣе сталъ доволенъ собой. Въ ожиданіи нахожденія трупа, онъ сѣлъ на колоду, лежавшую у берега, и смотрѣлъ въ воду.

IV.

Рѣчка, въ которой утонула Явдоха, была не большая, но быстрая. Какъ змѣйка, вилась она по лугамъ въ разныхъ направленіяхъ и дѣлала много колѣнъ. По берегу росли небольшіе кусты вербы и луговыхъ растеній.

По рѣкѣ въ разныхъ мѣстахъ плавали небольшія крестьянскія лодки. На каждой такой лодкѣ сидѣло по два крестьянина: одинъ управлялъ весломъ, другой шестомъ тыкалъ въ дно рѣки: движенья крестьянъ были медленны и меланхоличны. Видно было, что работа не шла къ ихъ сердцу. Урядникъ сидѣлъ на

берегу и распоряжался. День былъ тихій и жаркій, одинъ изъ тѣхъ, какіе бываютъ передъ дождями. До вечера оставалось нѣсколько часовъ.

— Гребы, гребы дальше, говорилъ Иванъ своему товарищу, медленно вытаскивая шестъ изъ воды.

— Все едно, абы до вечора. Въ почи таки не заставыть шукаты. Не дожде, отвѣчалъ тотъ, едва ворочая весломъ. Въ тебе тютюнъ есть?

— Есть.

— Дай-но, запалымо.

Крестьяне раскуривали трубку, предоставляя лодкѣ плыть внизъ по теченію и менѣе всего заботясь о цѣли своего плаванія.

— Отъ, скажи-но ты мени, разсуждали на другой лодкѣ, и що то воно таке значить? Тожъ вона, здается, була баба никчемна, ни до чого не здатна, та ще й видьмарка. И нащо вона кому?

— Треба, колы прыказано! Начальству треба.

— А мени здается,—никому вона не потрибна. Бо що зъ неи теперъ за корысть?

— Воно-то такъ. Якъ на мій розумъ, то и добре що вона втопылася. Хвалыть Бога... на сели спокійнійше буде...

— А якъ ты думаешь, чи буде вона до Окуня ходыты?

Товарищъ задумался, улыбнулся и, упираясь въ лодку повернулъ её въ сторону.

— Може й буде. Кажуть, що нибы воны ходять и писля смерти, до *своихъ* нибы. Але хто те може знаты?

— Щось дуже Окунь засумовавъ.

— Эге, трохи того... зажурывся, помарнивъ за сей день.... Ну, а якъ въ тебе—жито добре зійшло?

— Не що. Хвалыты Бога... такого урожая вже давно не було.

И они заговорили о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ.

— Я давно чувъ, що видьмарка николы своею смертью не вмирае. Вона або втопытся, або повисытся,—на дереви стрепенется; а врешти, и зилья якого напьется, тай сканае; а

своею смертью нигды не вмирае. Ото, може памятаешь, була колысь стара баба Марына, тежъ видьмарка, то вона вмерла оттакъ само. Пишла до лёху за молокомъ для своеи дытыны, а въ лёху сходы погнылы; отъ вона шла да и упала тамъ головою внизъ тай вмерла. Ждуть, іи ждуть... А вона вже ажъ посынила. Оттакъ само...

— Эй вы, чого бенькетуете? шукайте-но, щобъ до вечора нашлы!—крикнулъ съ берега урядникъ, замѣтивъ, что крестьяне разговариваютъ.

— Такъ заразъ и наїдемо... пожды трохи..

— Самъ пиды пошукай, може спорнійшъ буде.

— Пиды, поцилуй свого батька.... то може и найдемо...

Заговорили въ полъ-голоса крестьяне съ лодокъ.

Нѣсколько часовъ уже искали Явдоху и всё безуспѣшно. Урядникъ видѣлъ, что дѣло не ладится. Онъ зналъ, почему оно не ладится, и угрюмо молчалъ, равнодушно глядя на плававшія лодки. Ему нужно было, чтобы крестьяне только искали трупъ, чтобы „были приняты всѣ зависящія мѣры для отысканія“, а найдется ли трупъ или не найдется,—ему всё равно. Онъ даже хотѣлъ, чтобы не нашелся. Тогда дѣло прямое. „Симъ честь имѣю донести вашему... что, не смотря на всѣ принятыя мѣры для отысканія онаго трупа, при семъ отысканіи не найдено и т. д.“.

Другое, конечно, дѣло, если найдутъ... Непріятно... Канитель одна. Прежде всего рапортъ о нахожденіи, потомъ—медицинскій осмотръ, потомъ—донесеніе батюшки... Стоитъ ли она того? И жила, Богъ вѣсть какъ, и умерла не по людски, „безъ святыла, безъ кадыла“.

Однообразный, сонный видъ, располагавшій къ медлительному теченію мыслей, и равномѣрное теченіе воды навѣяли на урядника дремоту. Онъ крѣпко зѣвнулъ, встряхнулся, вытеръ рукавомъ своего нѣкогда бѣлаго, но въ настоящую минуту очень грязнаго кителя потъ, выступившій каплями на его загорѣломъ лицѣ, и задумался о бренности житія человѣческаго на землѣ. „Оно бы хорошо теперь соснуть, задать такого храповицкаго, щобъ всѣмъ чертямъ было“..

— Пане, а пане, окликнули его съ рѣки крестьяне. Не можемо найты. Нехай вже такъ буде! Божа воля. Вже Богъ ін найде на страшнимъ суди.

Представлялся прекрасный случай привести намѣреніе въ исполненіе. Стоило только сказать—„нехай буде воля Божа, якъ неможна найты“—и конецъ. И спать можно идти съ покойною совѣстью. Онъ даже хотѣлъ сказать—„нехай буде“... и даже открылъ съ этою цѣлью ротъ, но замѣтилъ какую-то двухсмысленную, неопредѣленную улыбку на устахъ крестьянъ и сказалъ совсѣмъ наоборотъ:

— Шукать мени! щобъ до вечера нашлы! Негодяи!

— Пане, але слухайте-бо-но, продолжали просьбу крестьяне: вона сама выплыве на третій день. Въ неи жовчъ тоди розильется, то вона мусыть выплыты.

— Що таке?

— Вона сама, проше пана, выплыве, бо вона видьма була.

— Ты ще разсуждать! не твого розума се дило. Сказано—шукать и шукай!

V.

Въ одной изъ дальнихъ лодокъ, отдѣльно отъ другихъ, плавали Грыцько Морозъ и Окунь. Окуню очень не хотѣлось садиться въ лодку, но Грыцько соблазнилъ его.

— Сядай, дурный, произдымося... Все едно сегодня нема чого робыты.

Грыцько былъ общительный и подвижной человѣкъ. Ни одно крупное предпріятіе не дѣлалось безъ его участія. Онъ былъ мастеръ „на вси руки; де не посій—винъ вродытся“. Нѣкоторые не любили Грыцька за эту его всестороннюю, общественную дѣятельность, но съ Окупемъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Окуню нравилась въ Грыцькѣ эта порывистость, бойкость, изворотливость,—именно то, чего онъ самъ не имѣлъ.

Окунь былъ сильно разстроенъ. Утопленница, какъ привидѣніе, стояла у него предъ глазами, и онъ не могъ отогнать

этотъ призракъ. Ночное происшествіе будило въ немъ много думъ. Ему не столько казалась странною смерть, сколько пугало то таинственное, непонятное, но—онъ вѣрилъ—дѣйствительное отношеніе, въ какое сталъ онъ, живой свидѣтель ея смерти, къ покойницѣ-мертвецу. „И чого вона топталася коло пидварки? думалъ онъ, глядя въ воду и вспоминая подробности происшествія. Певне хтила влизты въ клуню та повисытыся.. Але що-же я выноватъ? чого вона на мене крычала?!

— Я думаю, шо въ сій выбоини певне сомы водятся, сказалъ Грыцько, когда лодка вплыла въ заливъ, въ которомъ вода шла водоворотомъ. Держи ривнійшъ, на середыну!

— Эге, бувае. Сомъ тутъ бувае, отрываясь на время отъ своихъ думъ, подтвердилъ Окунь. Онъ осмотрѣлъ своимъ опытнымъ рыбацкимъ взглядомъ выбоину и осторожно направилъ въ опасномъ мѣстѣ лодку на средину водоворота.

—Тутъ я позаторикъ зловывъ доброго сома на жывця. И Грыцько сталъ разсказывать, какъ онъ поймалъ сома. Но Окунь его не слушалъ: онъ былъ занятъ своими думами и равномѣрно, механически погружалъ весло въ воду.

— Знаешъ що? сказалъ Окунь. Повернимъ мы до того берега...

— Або що?

Но Окунь не отвѣтилъ. Хорошо зная теченіе рѣки, онъ боялся найти въ этомъ мѣстѣ Явдоху. По его разсчетамъ, она, упавши съ кладки, никакъ не могла миновать водоворота и должно быть была тутъ гдѣ нибудь. Онъ налегъ на весло и круто повернулъ лодку къ противоположному берегу.

— Ну а якъ тоби здается: найдутъ люде Явдоху, чи ни? спросилъ Окунь, когда опасное мѣсто было пройдено. Вона певне де небудь тутъ.

— Ой, чортъ не вона! щобъ воча скисла! Нащо вона кому?

— Оттожъ-то и я те саме думавъ. Але щожъ ты зробышь? Скачи ляше, якъ панъ каже!—прибавилъ въ утѣшеніе Окунь, внутренно желавшій, чтобы Явдоху не нашли.

— Прыгорны-но до корча; щобъ *той* не бачивъ, отпочинемо трохи.

Лодка вошла въ заливъ, окруженный двумя широко разросшимися кустами. Русло рѣки тутъ было нѣсколько пошире, и вода шла покойнѣе, тише. Лодка оперлась однимъ концомъ о берегъ, а другимъ—въ выдавшіеся изъ воды коренья лозняка. Теченіе воды все болѣе и болѣе вталкивало этотъ конецъ лодки въ кусты.

Грыцько и Окунь нѣкоторое время молчали. Разросшійся кустъ скрывалъ ихъ отъ урядника. Окунь легъ на спину въ лодкѣ и, заложивъ руки подъ голову, отдыхалъ, глядя вверхъ на верхушки лозняка и небо. Грыцько, согнувшись на днѣ лодки, самоуглубленно копошился въ своей мошнѣ и набивалъ люльку тертымъ тютюномъ.

— Скажи-но ты мени, Грыцько, сказалъ серьезно Окунь, якъ- то воно такъ: чоловикъ живе, живе тай вмре; еденъ въ земли згные, другій—згорыть въ пожари, третій—втопытся, а хто одъ горилки...

Мысль Окуня была собственно очень не ясная. Онъ и самъ не зналъ хорошо, о чемъ хотѣлъ спросить; но не смотря на неясность мысли товарища, Грыцько его понялъ и отвѣтилъ:

— Бо якъ вмре чоловикъ своею смертью, то иде або на небо—въ рай, або въ пекло, до чорта. А хто повисытся, або втопытся, той на небо не йде, а ходыть соби по земли!

— Чого-жъ винъ ходыть?

— А щожъ ему друге робыты? Бо его Богъ не клыче, то винъ и ходыть, поки не прыйде ему часъ, значится...

Окунь задумался. Грыцько продолжалъ набивать трубку.

— По твоему и Явдоха буде ходыты? спросилъ Окунь, нѣсколько понизивъ тонъ.

— Мусыть... Онъ всадилъ трубку въ ротъ и креснулъ кремень о кресало. То колысь... процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Що колысь? тревожно спросилъ Окунь.

— То колысь една баба втопылася въ ричци, якъ нибы Явдоха. А йихавъ Семенъ—ін сосидъ. Иде винъ соби по-надъ очеретомъ, бачить—щось биліе. Винъ туды, зиркъ... ажъ то вона лежить въ очерети. То писля того, люде кажуть, що нибы кожную ничь ходыла до его и покою ему не давала. А то ще кажуть...

Грыцько собирался еще разсказать на туже тему, но остановился, смакуя тютюнъ во рту.

— Що разсказують? що?

— Про москаля едного, що зъ вишальникомъ батькомъ бывся въ ночи.

— Ну-но, розскажи. Все до вечера блыжче буде.

Окуню хотѣлось слышать въ эту минуту что нибудь необыкновенное. Разсказъ въ этомъ именно родѣ подходилъ къ его думамъ и настроенію. Онъ будилъ его воображеніе и заставлялъ его мысль вращаться въ области тѣхъ предметовъ, которые болѣе всего интересовали его въ данную минуту.

VI.

Грыцько началъ.

— То бувъ соби еденъ душе богатый чоловикъ и булы въ его, значыться, диты. Старшого сына взялы въ москали на 25 литъ, бо то колысь отдавалы въ москали на 25 литъ. Добре.

— Отъ значыться, пишовъ и сынъ въ москали и ничого не чуе про батька. А батько его тымъ часомъ повисывся: пишовъ въ лисъ, обмотався рушныкомъ кругомъ шіи, тай почепывся на гилляци. Нихто не бачивъ, якъ винъ повисывся. Сыны сталы шукаты батька. Шукають—нема. Колы—въ лисъ... ажъ винъ высыть: шія вытянулась геть, геть.—Отъ, значыться, воны знялы его зъ гилляки, обризалы рушныки, обрадылы якъ-же звычайно мерця и сказалы, що винъ нибы вмеръ, якъ-же звычайно вмирають люде. Добре... Поклыкалы батюшку. Батюшка ничого не знае и ховае его по хрыстіяньски, якъ же хрещеного чоловика. Отъ и закопалы. Колы прыходыть де-якій часъ, ажъ ставъ винъ ходыты до своихъ сынивъ кожну ничъ. Прыйде въ ночи въ клуню, повыгоняе овечки, телята; посля иде до хаты, стукае, дахъ ломае... Нема ладу—що робыть... Дальбн! Догадалыся сыны, хто то такій, тай пытають: а чого тоби, тату, треба?—„Давайте, каже, мени мяса“.—„Якого тоби мяса?“—„Щобъ кожну ничъ, каже, мени бувъ баранъ вареный, або печеный“. Такъ и сказавъ. Що тутъ робыты? Сталы баранивъ

пекты. Да стало страшно въ тій хати седиты. Поставылы сыны нову хату; думають, що туды, бачъ, дороги не знайде...

— Що жъ винъ знайшовъ?

— Пожды-но, не перебывай. Запевне, що знайшовъ, по дыму донюхався, куды сыны перебралыся. Ставъ и до новои хаты ходыты... То бувало вже такъ роблють. Спечуть ему теля, або барана, положать въ стару хату на столи, засвитять ему свичку, нехай йисть... Але дывысь-но щось зъ людьми справуется. Чуешь?

— Нехай. Чортъ зъ нымъ. Кажы-но дальше...

— Ну, ото, значытся, прыйшовъ часъ вертатыся москалю зъ війська. Прыйшовъ москаль тай не знавъ, що браты поставылы нову хату, та иде до старои. А було то въ вечори. Отъ, иде соби, дывытся—въ окни свитъ. „Добре, думае, ще не сплять, ще повечеряю“. Войшовъ въ хату, дывытся—стоить мыска барана на столи и окраець хлиба, и свичка горыть. Думае: „куды браты пишлы?“ Йисты москаль дуже хотивъ. Перехрестывся, сивъ за стилъ, одризавъ хлиба, пойивъ трохи барана и лигъ соби на лижко отпочыты трохи. Эге, колы черезъ годыну двери—тарахъ!.. Бачыть—батько иде, страшный такый... Зразу москаль познавъ, що мрець, бо обмотаны онучами ноги, безъ чобитъ, убраный якъ-же на смерть. Побачывъ сына, познавъ.—„Здравствуй!“—каже батько.—„Здравія желаю“—каже москаль. Дрожыть, а каже.—„Ты мій сынъ?“ каже батько.—„Ни, каже москаль, ты мени не батько“. Подывывся батько лучше, очи на его наставывъ.—„Ты бо мій сынъ?“—„Ни, ты мени не батько“. Той пидійшовъ до его самого и пытае третій разъ:—„Ты бо таки мій сынъ“.—„Ни, ты мени не батько, бо я ще зъ роду не бачывъ, щобъ мрець та до жывого въ гости ходывъ“. Батько розсердывся, насупывся. Зиркнувъ на стилъ—нема барана.—„Хто мое йивъ мясо?.“—„Я,“ каже москаль.—„А я зъимъ тебе“. Сивъ за стилъ и ставъ дойидаты вечерю. Москаль пытае:—„батьку, скажыть-но вы мени, що то таке, що вы мертвыи, а йисте мясо?“—Такъ мени треба, бо я своею смертью не вмеръ, мени ще жыты треба“.—„А якъ-же вы вмерлы?“. Той... Ой дывысь-но, дальби, сюды идуть.

Окунь оглянулся, не измѣняя своего удобнаго положенія въ лодкѣ.

— Нехай идуть до биса!

Онъ очень заинтересовался разсказомъ, и перерывъ ему очень не нравился.

— Я повисывся, каже батько, продолжалъ разсказъ Грыцько, а твои браты одризалы рушныки и сказалы людямъ, що я вмеръ, и поховалы мене на могилкахъ, а мени на могилкахъ ніякъ не можно буты. Якъ бы мене положылы на граныци, тобъ я не ходывъ. А колы воны такъ, то я буду ходыть до ныхъ, поки воны не згинуть, поки все въ ныхъ не пропаде. Все выйимъ у ныхъ: всихъ баранивъ, и телятъ, и воливъ, и коней... И ты, небораче, зъ нымы пропадешъ. Ты йивъ мое мясо кавалками, а я тебе зовсимъ зъимъ; глыну такъ, що й не побачышъ". И направди таки збирается его йисты. Москаль побачивъ, що таке дило, тай каже:—„ну колы такъ, то позвольте мени хоть на двиръ ще выйты, бо мени треба". Пишовъ на двиръ, нашовъ въ шопи старую ось, взявъ ін и иде. Тильки що войшовъ, батько такъ и кинувся на его йисты. А винъ якъ тарахнувъ его по голови осью... Батько на землю впавъ, а пивень—кукареку! Лежыть батько середь хаты й поги протянувъ и не перевернувся. А той перехрестывся и беспечно лигъ соби спаты. Отъ, переночовалы. На другый день прыходыть невистка въ стару хату посуду забираты. Бачыть—и батько лежыть, и москаль лежыть... Злякалася, наробыла крыку.—„Цыть„ не бійся, каже москаль, „я вашъ братъ". Добре... Отъ, значыться, пишлы до дому, розказалы все священныку. Треба его теперъ переховаты. Выкопалы ему нову могылу на граныци. Посля откопалы его труну. Прыйшлося класты его въ труну: браты беруть за поги, а москаль бере за голову. То отъ, якъ бачышъ... якъ протянувъ винъ руку, та якъ схватывъ москаля за щоку, то геть, геть вырвавъ цилого бока, що ажъ зубы було выдно, выщирилыся на...

И Грыцько наглядно показалъ, какъ мертвая рука вцѣпилась въ щеку солдата: одной рукой растянулъ свою щеку, а другой отвелъ нижнюю губу внизъ и выставилъ свои зубы.

Окунь напряжено слушалъ разсказъ товарища. Его воображеніе въ это время сильно работало. Представляя себя на мѣстѣ москаля и соображая, что ему придется дѣлать на случай, если Явдоха придетъ къ нему, онъ повернулся въ лодкѣ на другую сторону, глянулъ въ воду и... обомлѣлъ. Подъ широко разросшимся кустомъ, межъ корнями въ водѣ бѣлѣлось тѣло Явдохи. Ея голова закинулась вверхъ, ротъ былъ открытъ, и зубы двумя полосками бѣлѣли. Она лежала бокомъ, лицомъ къ лодкѣ.

— Гребы, гребы хуткійшъ... сказалъ Окунь, растерянно хватаясь за края лодки.

Грыцько вмѣсто весла схватилъ шестъ.

— Де весло?

— Ось, на... хуткійшъ, щобъ не бачылы люде.

Они старались выплыть на открытое мѣсто, но изъ залива было довольно трудно выбраться. Лодка порядочно запуталась въ корчахъ. Окунь и Грыцько растерялись и не могли направить ее къ выходу.

VII.

Урядникъ давно замѣтилъ, что лодка съ Окунемъ и Грыцькомъ стоитъ въ затонѣ, и, чтобъ разогнать свое сонное настроеніе, направился къ ней—сдѣлать надлежащее внушеніе. Въ эту минуту онъ подходилъ къ кустамъ.

— А що вы тутъ таки сяки!..

Онъ глянулъ подъ кустъ. Въ колыхнувшейся отъ движенія лодки водѣ бѣлѣлось тѣло. Оно тоже какъ будто колыхалось.

— А, ось-що! отъ-де вона! гей, люде! сюда! наплы!...

Лодки сперлись всѣ въ затонѣ, и у куста, возлѣ котораго нѣсколько минутъ тому назадъ такъ покойно разговаривали Грыцько и Окунь, начался шумъ. Утопленницу притянули шестами къ берегу и вытащили на сушу. Лице ея было синее. По сторонамъ полуоткрытыхъ губъ сбѣжались морщины и придавали лицу насмѣшливое выраженіе. Глаза тоже были полуоткрыты.

„Окунь, я тоби покажу! не дождешъ!“—прочиталъ Окунь на этомъ лицѣ, вздрогнулъ и отвернулся. Онъ не сомнѣвался, что между самоубійцами и ихъ близкими, оставшимися въ живыхъ, существуетъ какая-то связь, но онъ сомнѣвался, чтобы эта связь существовала именно между нимъ и Явдохою. И сомнѣвался онъ въ этомъ не потому, чтобы для него въ этомъ отношеніи было исключеніе, а потому, что *очень страннымъ* представлялось ему всё это. Ему *хотѣлось*, что бы всё это было такъ относительно людей вообще, но не относительно только его и Явдохи. Но теперь, послѣ нахожденія трупа, сомнѣній больше не могло быть. Сама Явдоха нарочно сама напросилась ему на глаза. И нужно было ему ѣхать искать её! Сколько празднаго народа стоитъ на берегу! И однако изъ всѣхъ она выбрала именно его—Окуня! Почему именно *онъ* нашелъ Явдоху, а не другой кто? И какъ всё это странно вышло: онъ самъ предложилъ ѣхать къ этому кусту.

Окунь обернулся назадъ и посмотрѣлъ на кустъ. Ему показалось, что и кустъ въ заговорѣ съ Явдохою противъ него, Окуня, что онъ тоже хранитъ какую-то невѣдомую для него тайну. И такой, въ самомъ дѣлѣ, странный кустъ: его корни плелись во всѣ стороны и частью выходили на берегъ, частью сидѣли въ водѣ. Раньше онъ не замѣчалъ этой особенности

Около трупа Явдохи скоро собралась большая толпа. Хотя крестьяне и знали, зачѣмъ они плавали по рѣкѣ, они, однако, очень удивились, когда увидѣли это обезображенное, посинѣлое, закостенѣлое тѣло.

— Чи вы бачыте? аже-жъ нашлы?!

— Эге... отъ, якъ бачыте.

— Дальби нашлы! ну, ну..

— Хто, хто нашовъ? спрашивалъ каждый новый крестьянинъ, подходившій къ толпѣ.

— Аже-жъ Окунь! отвѣчали въ толпѣ такимъ тономъ, въ которомъ ясно слышалось, что именно Окунь, а не кто другой и долженъ былъ найти Явдоху.

Къ Окуню безпрерывно приставали, его разспрашивали, на него указывали пальцемъ и, не безъ сожалѣнія, кивали головой. Окунь видѣлъ эти кивки и зналъ, что они значили. Его Окуня, живаго человѣка, связывали съ судьбой этого страннаго тѣла, бывшаго нѣсколько часовъ тому назадъ живымъ человѣкомъ.

— Скажи-но, якъ-же ты нашовъ Явдоху? то и дѣло приставали къ нему.

— Оттакъ и нашовъ. Лежала подъ корчомъ и зобачивъ,—отвѣчалъ равнодушнымъ, угнетеннымъ голосомъ Окунь, а самъ въ это время думалъ: „якъ бы не Грыцько, то я-бъ справывся зъ нею не такъ. Сунувъ бы ій пидъ корчи, такъ щобъ чорты не нашлы".

Какъ онъ ненавидѣлъ её въ эту минуту! Какая-то дикая жажда борьбы между имъ и этимъ безпомощнымъ, голымъ трупомъ, лежавшимъ на землѣ, завязалась въ его груди. Ему страшно хотѣлось спихнуть это тѣло туда, назадъ, въ воду, на средину рѣки и посмотрѣть, что будетъ дальше? *что она ему сдѣлаетъ?*

— Берить ій, берить. Охримъ, беры за голову!

Толпа разступилась. Два крѣпкихъ крестьянина взяли трупъ.

— Але тяжка.

— Звистно, водою набракла.

Они положили её на весла и осторожно понесли въ село. Встревоженный своими думами, позади всѣхъ шелъ Окунь. На одномъ поворотѣ онъ нечаянно выдвинулся изъ толпы впередъ къ носильщикамъ и посмотрѣлъ на Явдоху, на ея голову.

„Знаю, все знаю, що ты думаешъ", таинственно говорила Окуню эта голова, покачиваясь изъ стороны въ сторону.

Окунь не зналъ, что и подумать. Блѣдный, истерзанный внутренними страданіями, пошелъ онъ домой.

Тѣло Явдохи принесли на огородъ. На огородѣ выкопали яму и, впредь до разрѣшенія начальства хоронить, положили её въ ямѣ. Яму закрыли досками. Для присмотра надъ трупомъ была поставлена „варта" изъ соцкаго и нѣсколькихъ караульныхъ крестьянъ. Караульнымъ, подъ страхомъ строгой отвѣтственности, урядникъ не велѣлъ оставлять своего мѣста.

Послѣ жаркихъ, знойныхъ дней—шло къ дождю. На западѣ, надъ лѣсомъ, плотной, непроницаемой массой стояла туча. Кругъ солнца казался въ это время краснымъ, и по мѣрѣ того, какъ солнце приближалось къ тучѣ, онъ расплывался всё больше и больше. Глядѣвшему на солнце представлялось, что оно неестественно прыгало въ туманѣ.

— Дывысь-но, дывысь, обращалъ одинъ крестьянинъ вниманіе другаго на солнце. Оба возвращались изъ огорода, на которомъ положили Явдоху.

— Що се таке?

— Яке, чы бачышъ? якъ грае...

— Эге, певне на дощъ скаче...

— Але дывысь-но, яке червоне, та втикае за стовпъ.

Они проходили, съ удивленіемъ наблюдая странное явленіе. Изъ-за хатъ выходила новая группа крестьянъ.

— Тьфу, мара! А чого се воно таке?

— Червоне, якъ кровь нибы... мыгае шаромъ...

— Въ ночи певне буде дощъ.... То не даромъ.

И раньше не разъ солнце заходило предъ дождемъ такимъ-же образомъ, какъ и въ этотъ вечеръ; и раньше всегда крестьяне ожидали послѣ такого заката дождя; но никогда еще они не придавали этому столь обыкновенному явленію такого необыкновеннаго значенія, какъ теперь, въ этотъ вечеръ. Никогда еще закатъ солнца не ставился такъ близко къ факту деревенской жизни, какъ теперь. Наблюдая закатъ солнечный и дѣлая по поводу его тѣ или другія замѣчанія, крестьяне не высказывали самаго главнаго основанія наблюдаемаго явленія. Какъ и всякое общеизвѣстное, непререкаемое положеніе, это основаніе подразумѣвалось. Каждый зналъ, что солнце заходитъ такъ причудливо потому именно, что въ селѣ утопилась баба Явдоха. Ожидаемое—оправдалось. Ночью пошелъ дождь. Крестьяне слышали, какъ ночью хмара долго „гуркотила“ на небѣ и потомъ разразилась ливнемъ.

VIII.

Настало утро—сѣренькое, туманное и дождливое... Хозяйственныя работы были пріостановлены. Крестьяне ничего не дѣлали не потому, чтобы не было работы, напротивъ—каждому нужно было „возы лагодыты“ къ жнивамъ, грабли, вилы чинить и пр., и не потому также, что дождь нарушилъ сельско-хозяйственные планы, а потому, главнымъ образомъ, что въ селѣ лежала Явдоха. Она никому не давала покоя. Утопленница—явленіе столь рѣдкое и необыкновенное. Это явленіе волновало общественное мнѣніе и требовало единодушнаго, общаго разсужденія.

Крестьяне собрались у корчмы—обыкновенное мѣсто ихъ сходокъ—и здѣсь, подъ прикрытіемъ отъ дождя, подъ навѣсомъ, курили трубки и разсуждали.

— Ляпае, тай ляпае зъ неба.

— Тай певне не еденъ день буде ще ляпаты. Мусыть.

— А хто ждавъ? хто думавъ, що вона втопытся на лыху годыну?

— Бо то таки-такъ: пу, втопылася... велыка шкода дуже... Нащо ій шукаты?

— Ни-бо нехай и шукаты, але нащо треба-було тому Окуню таскатыся у корчи? а? треба було? нехай-бы вона тамъ соби лежала, а теперъ черезъ неи отъ яке вышло всюды...

И крестьянинъ провелъ рукой по направленію свинцовой, плотной тучи, обложившей небо.

— Ни, то воно не що... треба тильки, щобъ винъ ій въ землю закопавъ; колы винъ ій найшовъ, нехай винъ и закопае... та треба ще колка нибы заткнуты, то ничого не буде.

— Урядникъ не позволыть, бо я чувъ, ій будуть ховаты по нашому, по православному, якже хрещеныхъ людей.

— Що? ховать по нашому? А не дождуть!

— Дальби, я чувъ... кажуть, що и хрестъ надъ нею поставлять.

— Брешуть. Не може буты.

— А не дожде вона лежаты на едному мисци зъ моимъ батькомъ и матерью! ни... того ще, здается, не було.

— Писля неи всякого жыда прыйдется на могилки несты. Бо якъ вона знается зъ нечистымъ, то вона гирше всякого жыда.

— А таки такъ.

Женщины не принимали участія въ мужскомъ разговорѣ. Они вели въ сторонѣ свой особый разговоръ. Бабы очень не любили Явдоху при ея жизни. Каждая имѣла что нибудь противъ нея. Причины недружелюбія были различны. Одна, напримѣръ, была недовольна на неё за то, что Явдоха обозвала её „задрипанымъ обминомъ“. Этихъ двухъ словъ она никогда забыть не могла. Другой—не нравилось, что она была два раза замужемъ. Она всегда говорила, „що зъ того ничого не выйде“. Третья выводила какія то особыя заключенія изъ того, что Явдоха ходыла не въ „памиткахъ“, а въ платкѣ, „якъ нибы дивка“... И всѣ вообще — за то, что Явдоха всегда выдѣлялась чѣмъ нибудь изъ остальныхъ бабъ. Вообще, было о чемъ говорить. И разговоръ велся съ тѣмъ напряженіемъ и необыкновенной энергіей, какая свойственна рѣчи только малорусской бабы. Бабскіе голоса такъ иногда выдѣлялись изъ общей „гуторки“, что нѣкоторые изъ „чоловиковъ“ прикрикивали на нихъ:

— А цыть-те но!—Чого се вы такъ роскудахталысь?

— То воны, бачъ, на погоду такъ, щобъ дощу не було... Замѣчалъ не безъ иропіи кто нибудь.

— За ихъ репетомъ ничого не чуть. Дви бабы и Янкель—то й ярмарокъ. А безъ бабы—той нема рады, якъ той казавъ...

Дѣти-подростки внимательно прислушивались къ разговору взрослыхъ, и хотя не совсѣмъ ясно понимали, въ чемъ тутъ дѣло, но инстинктивно чувствовали, что въ деревнѣ происходитъ что-то очень важное.

— Бачте, Левко иде! Левко иде! раздались голоса.

На улицѣ, по грязи съ заступомъ въ рукахъ шелъ старый Левко—церковный сторожъ. Онъ шелъ на кладбище—копать могилу.

— Ты для кого? куды идешь?—закричало ему нѣсколько голосовъ.

— Аже-жъ прыказалы, щобъ для Явдохи....

— И не смій! и не думай! вертайсь назадъ, або иды до корчмы.

Вернуться назадъ—значило навлечь гнѣвъ со стороны начальства. Сторожъ разсудилъ зайти въ корчму. Это во многихъ отношеніяхъ было выгоднѣе.

— Ну, що тамъ?... обратились къ нему.

— Що? ничого. Спивають панахиду; да, спивають панахиду.

— Не вжежъ?

— Дальби спивають. И пипъ спивае, и дякъ спивае. Звычайно якъ надъ мерцемъ хрещенымъ... да, хрещенымъ мерцемъ.

— Ты не брешешъ?

— Твій батько брехавъ, не я...

Черезъ нѣсколько минутъ къ толпѣ подошелъ еще одинъ крестьянинъ. Онъ подтвердилъ сообщеніе сторожа.

— Дальби спивають: и „святый Боже“, и „аллилуйя“, и все... и кадять, и свички горять.

Это было очень удивительно. Отпѣваніе „вѣдьмарки“ по общему церковному обряду не мирилось съ понятіями крестьянъ. Если-бы еще она передъ смертью исповѣдывалась, покаялась и причастилась по христіански,—другое дѣло. Но всему селу было извѣстно, что батюшка приходилъ къ ней для исповѣди, и Явдоха понесла что-то такое, что трудно было и разобрать.

— Це бо я такъ скажу: то урядникъ а пипъ... то воны все роблять на злисть хрещеному миру.

И долго еще въ такомъ родѣ разсуждали крестьяне, стоя подъ навѣсомъ корчмы. Небо понемногу прояснилось и дождь пересталъ.

— Не на довго—рѣшили крестьяне. Повыненъ иты ще дощъ.

— А щожъ вы зробыте зъ нымы? якъ захочуть поховаты, то поховають, резонно замѣтилъ Левко, предвидя невозможность идти противъ попа и урядника.

— Що зробымо?! загуторила толпа. Якъ то що? Не дамо ховаты—ось що. Не дожде вона... якъ будуть иты на могилки,—мы дорогу возамы загородымо и не пустымо.

— Побачымъ... скептически замѣтилъ Левко, улыбаясь. Онъ, стоявшій по должности церковнаго сторожа ближе къ начальству, зналъ, что ничего изъ этого не выйдетъ.

IX.

Нѣсколько разъ посылало начальство Левка на кладбище копать яму для Явдохи и безуспѣшно. Первый разъ—люди не пустили Левка на могилки; другой разъ—онъ „блукавъ, блукавъ по могилкахъ и ніякъ не могъ найти *такого* мисця для неи", а когда въ третій разъ сталъ копать за кладбищенской оградой яму, то у него заступъ неизвѣстно отчего сталъ гнуться и сломался. „Не йде дило а ніякъ, хоть ты ему що хочъ". Пришелъ урядникъ на могилки, сильно побранилъ Левка за заступъ, хотя Левко и божился, „що винъ невиноватъ за свого заступа", и велѣлъ копать не за оградой, а въ оградѣ, на кладбищѣ.

— Ой, проше пана, не можно тутъ, бо....

— Копай, я тоби кажу.

— Нехай лучше Окунь копае, бо винъ нашовъ... та винъ нашовъ....

Урядникъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Левку не знакомиться съ начальствомъ. Онъ знаетъ, что значитъ этотъ шагъ урядника, эти энергично устремленные на него глаза и морщинистые брови надъ ними. Онъ постоялъ минутку, почесалъ шею, подтянулъ штаны, плюнулъ въ правую и лѣвую руку, взялъ заступъ и началъ копать, начиная могилу не съ четырехъ сторонъ, не крестообразно, какъ для обыкновенныхъ покойниковъ, а съ одного мѣста, „нибы яму па бульбу, а не на чоловика".

— Шапку знимы, повелительно сказалъ урядникъ.

Сторожъ посмотрѣлъ на него, медленно снялъ шапку съ головы, бросилъ её на траву, снова поплевалъ въ обѣ руки и продолжалъ работу съ меланхолическою медленностью.

— Пане, тутъ, якъ я згадую, повынна буты Ульяна захована.

— Яка Ульяна?

— Давнишня, вы не памятаете... то вона тутъ захована.

— Ну, то що?

— То не годытся на едному мисци два чоловика класты.

— Чому?

— Ангелы ихъ побьются, якъ тее...

— Отъ, копай-но лучше... заступъ не гнется?

— Ни, хвалыты Бога, щось не гнется... та не гнется...

— Ну, то и добре. Гляды-жъ мени, щобъ черезъ пивъ годыны яма була готова, бо якъ зогнется зновъ заступъ, то я тоби покажу... такъ зогну, що...

Онъ показалъ два кулака, сдѣлалъ ими очень понятный для Левка жестъ и удалился.

— Дальби побьются... отъ, щобъ я не дождавъ... та ангелы побьются; кажуть такъ... нибы...

Безпокоился старый Левко объ ангелахъ, внутренно очень довольный, что урядникъ уходитъ. Сторожъ вздохнулъ свободнѣе и, не торопясь, продолжалъ работу.

Около двадцати лѣтъ служитъ онъ сторожемъ при церкви, видѣлъ многихъ покойниковъ. Конечно, ему болѣе всего извѣстно, какъ и гдѣ кого хоронить. Но и онъ скажетъ, „що такого щось давно не було“... Прежде было иначе. Наприкладъ, якъ вишалныкъ, говорилъ про себя Левко (онъ имѣлъ такую привычку), то, знявши зъ дерева, треба его на тому мисци и поховаты, бо винъ не даромъ выбравъ самъ соби мисце для смерти. И на могилу ему треба зелену гилляку кинуты, сказавши: „на, и я ще тоби дамъ“. Бо винъ зъ тею гиллякою пиде на судъ Божій.... та пиде на судъ Божій. Ну, а якъ отъ горилки хто вмре, то ни що, того можно и на могилкахъ“....

Онъ остановился, передохнулъ и посмотрѣлъ на небо.

— Чи не буде-но зновъ дощу, бо щось дуже хмарно?.. эге. Ну, а якъ зновъ хто втопытся, то треба ёго на граныци, або при болоти поховаты, бо ёму сподобалася вода... та сподобалася вода... эге... Онъ прижалъ ногой сильнѣе ступню заступа. „Щось тверде... не лизе заступъ... камень, чи що? ни, це кость? Онъ выбросилъ наружу кость, поднялъ её, посмотрѣлъ, перекрестилъ и отложилъ въ сторону. „Тай сподобалася вода... отъ того-то, якъ втопленныкъ случается, завше дощъ иде... та дощъ иде“.

Верхи деревьевъ зашумѣли, и скоро опять пошелъ дождь.

О, то я те знавъ, то завше такъ: вишалныкъ въ лиси—хвоя шумыть, втопленныкъ въ сели—зъ неба дощъ бижыть...

та дощъ бижыть". Дождь шелъ порядочный, но Левко продолжалъ копать могилу. Онъ привыкъ...

И, Боже ты мій мылостывый, скильки на свому вику пришлося мени всякихъ мерцивъ переховаты,—скильки вишалныкивъ, втопленныкивъ, ризалныкивъ, згорилыхъ въ пожари, а найбильше що вмерлы зъ горилки! И не переличиты... Онъ, тамъ—пидъ нахилянною вербою насыпана могила, нибы надъ Пылыпомъ. А хиба пидъ нею хто небудь лежить? Ни, нема. Левко вздохнулъ и отрицательно покачалъ головой. Нема... его выкопалы, бо Пылыпъ повисывся... та повисывся. Его тамъ и слиду нема... на граныцк перенеслы. Або коло брамы также—камень лежить. То также пуста, вытрушана могила. Тамъ лежавъ... Левко остановился и задумался". Эге, дай Боже память, тожъ тамъ бувъ Ѳедоръ бондарь... эге-винъ... Винъ заризався. Такъ щось злисть на его нашла, взявъ—тай заризався. То якъ его ховалы, то ему горло шнуркомъ перевязалы, а потымъ его откопалы та въ лиси закопалы. Багато, дуже багато тутъ вытрушаныхъ могилъ. Нехай имъ господь Богъ судыть на тому свити. А онъ, тамъ-старый Шевчукъ спыть пидъ каплыцею. Тай добрый-же то бувъ чоловикъ. И живъ добре, и жинку, и дитей любывъ, а вмеръ не добре... Господь не сподобывъ вмерты по-людьску. И Богъ ёго святый знае, що ёму зробылося передъ смертью... та що ёму зробылося! Лятыся ставъ передъ самымъ кананьемъ. И жинку лае, и дитей лае, и всихъ, всихъ ставъ обзываты такими словами, що гидко згадаты... та гидко згадаты. А потымъ запынывся тай вмеръ. Така пина пишла зъ рота, що й не доведы Боже. Заступъ не шелъ въ землю. „Певне кость"... Левко отступилъ на нѣсколько вершковъ, всадилъ заступъ въ землю, подважилъ тяжесть, выкинулъ нѣсколько костей и черепъ... А ось и Ульяна... Храны еи Богъ! Що, не казавъ може я, що вона тутъ? спросилъ онъ, мысленно обращаясь къ уряднику, который сомнѣвался въ его знаніи покойниковъ. Ще колысь, колысь вмерла.... ще я тоди малый бувъ. Дождалася зновъ выйты на свитъ Божій, та нычого, неборака, непобачыть... эге... де вже... Левко сталъ пальцемъ очищать отъ песку у черепа глазныя впадины. „Храны еи Богъ... отъ родивъ вмерла".

Очистивъ черепъ, Левко перекрестилъ его и положилъ на кучкѣ костей.

„Скильки людей! Скильки людей! Маты Божая!..“ шепталъ благоговѣйно Левко, отрываясь отъ работы и оглядывая кругомъ себя безчисленное множество крестовъ. „Скильки хрещеного люду Богъ до себе поклыкавъ! а скильки моихъ тута... Иванъ и Кондратъ Опанасецъ, и Ничипоръ... вси поземлянылыся... всихъ прыбравъ Господь Богъ. И де-хто и молодійшій видъ мене бувъ. Нехай ихъ спомяне Господь Богъ на царство свое, нехай надъ ихъ костями легка земля буде... та легка буде земля“.

„То вже и мени пора... подходыть до того... та подходыть до того. Колыбъ Господь Богъ сподобывъ хоть по людьски вмерты, безъ пороку“.

Работа подъ впечатлѣніемъ печальныхъ воспоминаній шла медленно. Левко не торопился.

X.

Похороны на полѣсьи—многознаменательный и тяжелый обрядъ. Я не знаю болѣе унылой картины.

Медленно, еле-еле передвигая ноги, идутъ въ глубокомъ пескѣ бѣлые волы въ ярмѣ (чорныхъ воловъ нельзя запрягать подъ „мерця“) и везутъ за собой покойника въ возу. Возъ, или по размѣрамъ скорѣе возокъ, чѣмъ возъ, покрытъ бѣлою скатертью. На скатерти поставленъ гробъ. Гробъ—несоразмѣрно большой, сосновый, грубо, на скорую руку сбитый изъ нѣсколькихъ даже неотесанныхъ досокъ.

Лѣтомъ-возомъ снопы съ полей свозятъ, сѣно съ сѣнокоса, осенью—дрова, весной—навозъ изъ хлѣвовъ вывозятъ. Везутъ въ немъ и „дытыну до Хрыста“, и молодыхъ до „шлюбу“, и „мерця“ на могилки. На всё удобенъ возъ. И не даромъ полѣщукъ прозвалъ свой возъ „деревянными плечами на колесахъ“. Онъ небольшой, незначительный—какъ и потребности полѣщука.

Впереди воловъ обыкновенно идетъ поводыръ. Онъ держитъ поводъ и управляетъ волами.

Гробъ окружаютъ и провожаютъ родные и чужіе. „До мерця нема *проше*, той иде, хто хоче“. Идетъ обыкновенно вся, или большая часть деревни.

Съ поконъ-вѣку на полѣщукѣ лежитъ печать забитости, горя то отъ неурожая, то отъ „хоробы“, то отъ людской несправедливости. Но это горе обычное: всегда почти бываетъ неурожай, всегда обиды и неправда, и если не всегда хороба, то только потому, „що мужыку нема часу згадоваты, що винъ слабый“. Это горе—полъ горя. Безъ этого горя полѣщукъ, быть можетъ, не былъ бы и полѣщукомъ.

Но есть другое горе—потеря въ деревнѣ силы, здороваго, крѣпкаго мужика, работника. Для семьи—это горе настоящее, „воно и за печинку заходыть“. И сколько слезъ, причитаній, сколько мукъ ведетъ за собою каждый молодой гробъ въ деревнѣ. Осиротѣлую семью обыкновенно утѣшаютъ—тѣмъ, что „Богъ не оставитъ“, „що слезами ничого не выплачешь, що лучше помолыться“. Но плакать нужно, хотя бы и слезъ не было... нужно плакать; иначе люди осудятъ. Полѣсье живетъ предразсудками. Сзади за родными, тихо разговаривая, идутъ односельчане. Они всѣ одѣты по праздничному, кто—въ кожухъ, кто—въ свитку, какъ бы ни было жарко на дворѣ, бабы—въ намиткахъ. Постороннія бабы изъ односельчанъ заливаются слезами, причитываютъ по покойникѣ. Ихъ не останавливаютъ. Такъ нужно. Есть и такія, которыя плачуть „за хлибъ и млынци“. То ихъ заработокъ. Это—нищенки или „шпытальныци“. Да и покойнику отъ этого легче. Крестьяне вѣруютъ, что безъ причитанья „не годыться труну провожаты“. Одного священнодѣйствія священника не достаточно для „мерця“. Тихій гробъ—для богатыхъ „панивъ“. Крестьянина долженъ провожать плачъ людей, „щобъ на улыци чутно було, що чоловикъ до Бога иде“. Поэтому, если одна баба перестаетъ плакать, другая начинаетъ. Но дѣтямъ запрещаютъ плакать. Ихъ даже не берутъ на проводы, „бо дытыни грихъ показоваты дорогу на могилки“. Исклю-

ченіе дѣлается только для малолѣтней круглой сиротки. Её несчастную несутъ за гробомъ матери—„нехай и вона туды йде, бо нащо ій вже жыты безъ батька, безъ матери на Божому свити.

Впереди воловъ несутъ двѣ—три хоругви и крестъ. Хоругви и крестъ перевязаны бѣлыми рушниками. Кто-нибудь несетъ также „боханець“ хлѣба и соль,—въ знакъ непрерывнаго общенія между живыми и мертвыми. Несутъ также и „свяченую“ воду въ "шклянци“ и нѣсколько колосковъ. Впереди гроба, а иногда и сзади идетъ батюшка въ ризахъ и, опираясь на палку, говоритъ ектенію о упокоеніи души раба Божія и съ трудомъ вытаскиваетъ ногу изъ песку.

— Эцъ, эцъ, ксоби [1])!.. отвѣчаетъ ему возница, направляя вышедшихъ изъ дороги воловъ въ колею.

— Господи помилуй, отвѣчаетъ и псаломщикъ откуда-то издали, отставшій на порядочное разстояніе отъ батюшки.

— Ой, бидна жъ моя головонька, що ты наробывъ... убивается кто небудь изъ родныхъ по покойникѣ.

— Цыть, дурна, яко-сь то вона буде!

— Волы воду зобачилы, держи ихъ, щобъ не кинулыся въ воду

— Еще молимся о упокоеніи... Добре-жъ держи волы, щобъ не перекинулы!—авторитетно прибавляетъ возницѣ и батюшка.

Дѣйствительно, передъ лѣсомъ стоячее болото. Тутъ „мерцю“ всегда грозитъ опасность перекинуться въ болото, „бо муха дуже вола кусае, и гедзъ тутъ часомъ литае“...

— И о еже проститися всякому прегрѣшенію вольному-же и невольному... затягиваетъ батюшка.

Но дьячекъ не слышитъ батюшки. Ему надоѣло идти пескомъ. Онъ обходитъ песокъ морожкомъ гдѣ то далеко, далеко по за корчами и, по ошибкѣ, началъ пѣть стихиры. Батюшка глянулъ въ его сторону: „нехай спивае“...

Жарко. Мухи, шмели и оса то и дѣло налетаютъ на людей—и всѣ ждутъ кладбища. Наконецъ, показался лѣсокъ, по-

---

[1]) Понуканіе воловъ.

вѣяло свѣжестью. Уже не далеко... На кладбищѣ бѣлѣетъ свѣже вынутый изъ неглубокой ямы песокъ. Гробъ опускается при воплѣ и почти истерическихъ рыданіяхъ родныхъ. Батюшка первый бросаетъ грудки песку на гробъ три раза и за нимъ—всѣ.

„Однимъ чоловикомъ меньше стало... Богъ прыбравъ. Якось-то воно таки да буде“, говорятъ въ деревнѣ. Выбывшая сила не разстраиваетъ общаго хода деревенской жизни, такъ же какъ изломанная спица въ колесѣ не останавливаетъ еще хода воза. Худо, если значительное число спицъ поломается.... Поэтому, нѣтъ ничего тяжеле для деревни эпидеміи...

XI.

Похороны Явдохи отличались нѣсколько особеннымъ характеромъ. Они были парадны (Настя заказала богатые проводы), но малолюдны. За труной шли—сторожъ съ крестомъ, хоругвеносцы, нѣсколько братчиковъ и сестричекъ со свѣчами, нѣсколько бабъ причитальницъ да Настя съ мужемъ.

— Ка—ая житейская сла—адость пребываетъ печали неприча—астна,—пѣлъ дякъ своимъ привычнымъ голосомъ. Эти стихиры,—замѣчательнѣйшее твореніе Іоанново (Дамаскина),—онъ пѣлъ, должно быть, уже тысячный разъ на своемъ длинномъ вѣку и потому очень удивился-бы, если-бы его кто спросилъ, что такое онъ собственно поетъ?

Дьячекъ поднялъ голову и посмотрѣлъ впередъ. Недалеко отъ кладбища, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога наиболѣе съужівалась, поперекъ дороги стояло нѣсколько нескладно разставленныхъ возовъ. Группа крестьянъ стояла передъ возами и ждала процессіи. При ея приближеніи крестьяне сняли шапки.

— Батюшка, дывится-по, возы!—толкнулъ пани-дякъ подъ бокъ старичка батюшку, который, опираясь на палку, казалось, дремалъ на ходу. Батюшка поднялъ голову, посмотрѣлъ, но не удивился.

— Отъ, подлецы, чи вы бачите, не хочуть пускаты!—пробурчалъ пани-дякъ себѣ подъ носъ и затѣмъ, съ новой энергіей, какъ-бы показывая, что для него неважны никакія препятствія, запѣлъ:

— Тѣ-ѣмже возлюбленніи мои братія, помысливше нашу краткую жизнь... Эге, треба-бъ урядныку даты знаты, бо неперейдемо, дальби не перейдемо". Онъ оглянулся, нѣтъ-ли урядника. Урядника не было. Онъ, по дѣламъ, долженъ былъ уѣхать въ сосѣднее село.

— Помянувъ пророка вопіюща: азъ есмь земля и пепелъ... А то все Грыцько, то непремѣнно ёго справа, больше никого...

Передовой, несшій крестъ и хоругвеносцы остановились. Процессія стала. Дьячекъ пересталъ пѣть. Впереди начался разговоръ. Крестьяне, что стояли у возовъ, были владѣтели усадьбъ, ближайшихъ къ кладбищу. Они подошли къ батюшкѣ и почтительно поцѣловали у него руку.

— Проше татуня, не несить сюдою, мы васъ дуже просымо.

— Якъ же то такъ можно,—мене та не пустыты... и хреста не пустыты?

— И васъ пустымо, и хреста пустымо, оно труну не пустымо. Нехай люде обнесуть еи по-за клунями... нехай вона не йде черезъ ворота, кудою вси идуть.

— Алежъ то грихъ... то не годится такъ. Тожъ вона така-жъ христіянка, якъ и вы.

— Ни, проше татуня, яка вона хрыстіянка, колы вона не споведалася, не прычащалася. Мы не пустымо. Будьте ласкавы, уважьте нашу прозьбу...

Батюшка какъ бы раздумывалъ. Хорошо знакомый съ бытомъ своего села, онъ уважалъ традиціонныя понятія крестьянъ. Ему, болѣе чѣмъ кому, былъ знакомъ этотъ своеобразный міръ вѣковыхъ народныхъ представленій, требовавшихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, для общаго спокойствія, уступки отъ церковныхъ уставовъ. Онъ самъ выросъ среди этихъ сосенъ, въ сферѣ причудливыхъ понятій, и понималъ, какъ огорчатся, какъ обидятся крестьяне, если онъ не уважитъ ихъ просьбу. Мало

того, онъ самъ,—уже семидесятилѣтній старикъ,—хотя и зналъ, что невольная утопленница неповинная предъ Богомъ, подъ вліяніемъ разныхъ, доходившихъ до него разсказовъ о Явдохѣ, смотрѣлъ на нее *какъ-то особенно*, не какъ на обыкновенную покойницу. Батюшка сжился съ крестьянами и понималъ ихъ. Приближаясь къ возамъ, онъ даже зналъ, что̀ крестьяне ему скажутъ.

Быть можетъ, крестьяне также знали, что̀ отвѣтитъ имъ батюшка. Они понимали другъ друга и безъ словъ, и если разговаривали, то потому, что нельзя же, встрѣтившись при такихъ обстоятельствахъ, не разговаривать.

Батюшка не говорилъ крестьянамъ, что *это суевѣріе*, какъ говорилъ урядникъ, потому что зналъ, что такъ нельзя сказать. Онъ и не грозилъ имъ, потому что это дѣлу не поможетъ. Но онъ *зналъ*, что говорилъ имъ...

— Уважьте нашу просьбу. Мы вже, якъ почнется косовыця, зберемося...

Нужно было уступить. Изъ напоминанія о косовицѣ это было яснѣе всего.

— Ну, то... началъ батюшка и не кончилъ. Да и не нужно было кончать. Его понимали съ полу-слова. Процессія прошла прямо на кладбище, а Явдоху обвезли по-за селомъ, полями и втащили на могилки чрезъ заборъ.

Послѣ окончательной заупокойной литіи по рабѣ Божіей Евдокіи, гробъ опустили. Батюшка сталъ печатать гробъ.

— Господня земля и исполненіе ея—говорилъ онъ, переходя съ края на край могилы и дѣлая заступомъ крестообразные нарѣзы съ четырехъ концовъ могилы. Въ то-же время онъ смотрѣлъ на сыпавшійся въ могилу песокъ и думалъ:

„Чи выкопають Явдоху зъ могилы, чи ни... Богъ святый знае. Але певне“...

— Вѣчна-ая память... заголосилъ пани-дякъ, широко разставивъ ротъ и выпячивая глаза. Онъ былъ доволенъ, что насталъ конецъ погребенью.

— Настя, заговорилъ онъ скороговоркою, когда обрядъ былъ конченъ, слухай ты мени: два злоты шесть грошей, за свичку пивъ-злотка и два гроши, за грамотку также пивъ-злотка и три гроши, та за панахиду ще... та за тее нибы... также пивъ-злотка, а за позвонное—троячка особно... Памятай, дурна, щобъ не забулася.

Ѳ. Кудринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики. [1]

(1750—1784 г.).

58) *Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1770 г., 6-го февраля.*

М. г. мой братецъ, Григорій Андреевичъ. На писмо ваше прошлого августа отъ 20-го числа 1769 году отпущенное, за скорымъ отъѣздомъ любезнѣйшей супруги вашей отъ насъ, съ Коровинецъ, я тогда отвѣтствовать не успѣлъ, на которое чрезъ сего вручителя симъ отвѣтомъ служу: по увѣренію вашему, что вы сами по веснѣ изволите быть, я какъ зъ роздѣломъ степу и протчихъ коровинскихъ недѣленныхъ угодій, такъ и съ продажею на мене принадлежащого степу поудержусъ, толко васъ покорнѣйше прошу пріѣздомъ своимъ по веснѣ не умедлѣть, ибо весма для сего самое удобное время покамѣстъ люди за работу не пріймутся, чѣмъ можете общій покой зделать, и всякъ свою часть вѣдая, беззаконныхъ утисковъ еденъ другому дѣлать не станетъ. Когда жъ точно положите намѣреніе къ намъ бить, прошу покорнѣйше мене уведомить. Впротчемъ желаю вамъ со всею вашею фамиліею всѣхъ вами желаемыхъ благополучій, есмъ съ моимъ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, братецъ, вашъ доброжелателнѣйшій братъ и покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

---

[1]) См. Кіевская Старина 1893 г. № 11.

Полковая лубенская канцелярія наслала на мѣсто мое правителемъ Ходоровского, сей мошенникъ такія дѣлаетъ обиды нашимъ людямъ налогами и подводами, что ежели не избавимъся отъ сего правителя, то в насъ подъ сіе военное время мало и людей останется въ селѣ, чего ради постарайтесь и напишѣте, до кого вы знать можете, о изверженіи сего мота. Съ чужими лучше сладить можно.

Когда явится у васъ пушкарь Герасимъ Тищенко, прошу нижайше его не оставить и ему въ дѣлѣ помогти, чего онъ просить будетъ.

Батюшка не даетъ мнѣ отрады въ деньгахъ. Прошу покорнѣйше, братецъ, написать отъ себе къ пану Скоропадскому, якожъ онъ мнѣ не весьма знакомъ или къ пану Журману [1]), чтобъ они ссудили меня на мой вексель, который нибудь изъ нихъ, тысячу рублей и тѣ письма ко мнѣ прислать по почтѣ.

59) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1770 г., 24 апрѣля.

М. г., мой братецъ Григорій Андреевичъ. Я извѣстясъ зъ писма вашего, сего апрѣля 17 числа мною полученного, что вы сей весной не хотите быть въ Украйну для роздѣлу коровинскихъ угодій, не мало сожалѣю, что я нѣсколко лѣтъ чрезъ беззаконное владѣніе поношу, въ неполученіи отъ дѣла себѣ настоящей части, обиду чрезъ единое продолженіе. Вы бы, милостивый государь братецъ, ежели бы хотѣли настоящ, чтобъ былъ роздѣлъ, то бы знаючи мою уже къ вамъ чрезъ два года продолжаемую за раздѣлъ прозбу, оставили были бъ покупку на сей годъ воловъ, которые уповаю не болше принесутъ вамъ ползы, какъ здѣсь въ непорядочномъ владѣніи убытку и обиды; притомъ же люди продаютъ и чрезъ пріятелей, чтобъ и вамъ оныхъ имѣвши въ Пѣтербурхи много, доставить можно, а сего удобного времени къ роздѣлу, въ которое всѣ способности открити, не пропустить; осенью же, какъ вы пишите, роздѣлу быть

Бригадиръ, Иванъ Михайловичъ.

[1]) Илья Васильевичъ Ж—нъ, сначала стародубскій полков. судья, а потомъ новгородъ-сѣверскій губернаторъ. † 1783 г.

весма не можно, какъ по обстоятелствамъ тогда наступающихъ холодовъ, отчего при розмѣрѣ земли доведется самимъ и людямъ отъ холодовъ пропадать, такъ особливо иногда такія выправки дойдутъ, что и выѣздъ подкоморскій надобенъ будетъ, который тогда намъ будетъ съ немалою тяжестью и коштомъ, чему можетъ способствовать и наступающая еще зима; развѣ вы намѣрены по симъ обстоятелствамъ просить годового отпуску и зачать другой весной роздѣлъ, но я оного до того времени ожидать не намѣренъ, а принужденъ буду поданнымъ отъ меня, въ силу правъ, позвомъ просить уже самъ себѣ мнѣ надлежащей части чрезъ подкоморого выдѣлу, а тѣмъ и избавится отъ обиды, которую и въ семъ заключаю себѣ за чувствителную, что вашъ войтъ с приказу вашего, какъ онъ мнѣ объявилъ, оселюетъ на общей землѣ слѳбоду, принимая въ оную з разныхъ владѣній, безъ письменныхъ видовъ, людей разного рода, въ томъ числѣ и воровъ, которые сверхъ своего скота, принимая и изъ сторонихъ мѣстъ скотъ, вибиваютъ онимъ немалую часть степу, которій прежде употреблялся подъ сѣнокосъ, чѣмъ лишаютъ общество принадлежащой ползы; съ нихъ же ползы, какъ вамъ, такъ и намъ никакой нѣтъ, такихъ же бродягъ можно, получа свой настоящій отдѣлъ вѣчній, и тогда такимъ же порядкомъ, какъ нынѣ, населить доволно, а теперича я васъ покорно прошу приказать на общей землѣ ихъ поселенія пріостановить, и въ ожиданіи скорого вашего в Украйну пріѣзду, пребываю съ всегдашнимъ моимъ почтеніемъ, м. г. братецъ, вашъ доброжелателнѣйшій братъ и покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

60) Григорія Ивановича Полетики[1]*, изъ Вѣны, 1770г., 8/19 мая.*

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Какимъ образомъ получилъ я два писма ваши, одно отъ 18-го генваря съ извѣстными бумагами (которое отправлено было чрезъ князя Лобковича), а другое отъ 30-го марта, о томъ увѣдомитесь вы отъ г-на

[1]) Григорій Ивановичъ П—ка, р. 1731 † 1798, совѣтникъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, гдѣ онъ и провелъ большую часть своей жизни. Портретъ его, писанный въ Вѣнѣ, наход. въ собраніи К. Н. Скаржинской, въ х. Кругликѣ, ок. Лубенъ. Григ. Ивановичъ П—ка былъ двоюродный братъ Григ. Андреевича.

Юлинса; мнѣ жъ осталось теперь сказать вамъ, что чрезъ него послалъ я для Елены Ивановны, по послѣднему писму вашему, черную аптуалажную мантилію, которую, при засвидѣтельствованіи ей моего почтенія, прошу ея принять, какъ будто нарочно приготовленный для нея отъ меня гостинецъ; что по первому писму до полученія послѣдняго (о чемъ также г-нъ Юлинецъ, уповаю, объявитъ вамъ) я неумедлилъ купить для васъ два сыра пармезанскіе, кои содержатъ въ себѣ вѣсу 151 фунтъ, да шесть сыровъ, или лучше сказать, круговъ, швейцарского сыра, вѣсомъ 96 фунтовъ, первый по 27-ми крейцеровъ фунтъ, а послѣдній по 12-ти крейцеровъ; что сіи сыры укладены, какъ надобно, и закупорены въ два боченка, кои на сихъ дняхъ отправлены будутъ чрезъ фурмановъ во Гданскъ, куда буду я писать объ нихъ, къ находящемуся тамо при нашемъ резидентѣ переводчику Волчкову, съ прозьбою о дальнѣйшемъ оныхъ отправленіи; что я столько помянутыхъ сыровъ не послалъ-бы къ вамъ, естьли-бы оные не были уже у меня куплены до полученія послѣдняго писма вашего; что впрочемъ они не дешево обойдутся вамъ съ провозомъ; но я не хотѣлъ оставить, чтобъ не исполнить воли вашей. Чтоже касается до токайскаго вина, то объ ономъ два раза писалъ я въ Токай къ находящемуся тамъ нашему маіору, а именно: въ первый разъ, съ прозьбою о покупкѣ и присылкѣ сюда одного антала онаго вина, въ другой же, съ прозьбою, чтобъ поудержался онъ отъ моей комиссіи; но ни на то, ни на другое писмо не получилъ я еще отъ него отвѣта.

Покорно благодарствуя вамъ, м. г., мой братецъ, за доброе ваше до меня касающееся намѣреніе, котораго произведеніе въ дѣйство очень къ стати было-бы, не менше же и за стараніе ваше о Тимофѣѣ Ивановичѣ [1]), которому по пріѣздѣ вашемъ въ Украйну, прошу дать на мой щетъ пятьдесятъ рублевъ, да столько-же матушкѣ моей на нынѣшній годъ, а въ слѣдующемъ—здѣлать ей такую-же дачу.—Николаю Николаевичу (Мотонису) и супругѣ его свидѣтельствуя почтеніе мое, сожалѣю о не-

[1]) Родной братъ Григ. Ивановича, докторъ.

удачѣ моей въ комиссіи, какова мнѣ отъ него поручена была, но при первомъ случаѣ стараться я буду наградить потерю, чего конечно не оставилъ бы я здѣлать при отправленіи г. Юлинца, естьли бы оное не скоропостижно и не въ праздничный день случилось.

Что принадлежитъ до извѣстныхъ бумагъ вашихъ, то я за излишнее почитаю здѣсь много говорить объ оныхъ, а только долженъ увѣрить васъ, что онѣ конечно не будутъ списаны; впрочемъ же ссылаюсь на то, что вамъ объ нихъ скажетъ Павелъ Арсеньевичъ Юлинецъ.

Поздравляю васъ, м. г. мой братецъ, ново-рожденною дочерью, которой желаю до того дорости въ добромъ здоровьи, чтобъ она сама могла вамъ родить нѣсколько внуковъ и внучекъ. Пребываю съ непремѣнною преданностію и совершеннымъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій братъ и слуга Григорій Полѣтика.

P. S. На другой день по отъѣздѣ г. Юлинца послалъ я къ нему два писма, одно къ вамъ, а другое къ г. Будлянскому отъ стараго вашего знакомца бѣднаго Годенти, который покорнѣйше проситъ васъ, м. г. мой братецъ, учинить за него, гдѣ надобно, и гдѣ вамъ способнѣе, заступленіе, и употребить стараніе, дабы прозьба его не осталась безплодною, но паче, чтобъ она принята была въ милостивое уваженіе при глубокой его старости и такой бѣдности, которая почти ежедневнаго пропитанія лишаетъ его. Къ собственной его посланной уже къ вамъ прозьбѣ присовокупляю я теперь и мою, надѣясь, что вы не откажетесь здѣлать для бѣднаго старика все то, что возможно вамъ будетъ.

При семъ прилагаю полученное мною въ недавнемъ времени отъ брата моего Ивана Ивановича писмо, по которому покорнѣйше прошу васъ, м. г. мой братецъ, возъимѣть, по пріѣздѣ вашемъ въ Украину, стараніе, дабы намѣреніе его могло исполнится, да сверхъ того прошу на щетъ мой дать ему тридцать рублевъ вмѣсто сукна, о которомъ онъ къ вамъ пишетъ.

Чрезъ г. Юлинца послалъ я къ вамъ въ гостинецъ безъ сумнѣнія знакомую уже вамъ книжку славнаго медицины доктора и профессора Тиссота подъ титуломъ: *Avis au peuple sur*

sa santé, которую можетъ быть вы уже и имѣете, и въ такомъ случаѣ можете подарить ее другому кому, а буде нѣтъ еще ее въ вашей библіотекѣ, то она не столько для умноженія библіотеки, сколько для збереженія здоровья вашего и другихъ пригодится вамъ въ разсужденіи весма разумныхъ и полезныхъ содержащихся въ ней наставленій, совѣтовъ и легчайшихъ къ лѣченію способовъ, которымъ слѣдуя, во многихъ случаяхъ безъ доктора обойтиться можно.

Приложенное при семъ писмо мое изготовлено у меня было къ отправленію по почтѣ, но между тѣмъ оказался случай къ посылкѣ куріера, чего ради удержалъ я его нѣсколько дней, и теперь оно вмѣстѣ съ симъ постскриптомъ посылается чрезъ Афанасія, который вамъ кое что скажетъ для любопытства вашего; мнѣ же самому не удалось болѣе писать къ вамъ, а сверхъ того нѣсколько и лучше, когда можно отъ писма избавиться.

61) Николая Мотониса [1]*, изъ С.-Петербурга, 1771 г., 23 марта.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Благопріятное ваше писмо чрезъ Ивана человѣка вашего получилъ, и радуюся сердечно, что вы со всю любезнѣйшею фамиліею вашею слава Богу въ добромъ здравіи. Я писалъ къ вамъ уже прежде, чтобъ вы на Василіа Романовича Пельмана не надѣялись, а покупали быки и посылали такъ, какъ и прежде дѣлали, заочно торговать никто не захочетъ. Покорнѣйше благодарствую за ваше о мнѣ стараніе, я и по сіе время ни одного письма отъ матушки да и ни отъ кого не получалъ. Напрасно не написали, что вамъ отъ Василія Николаевича сказывано, ибо слова horrenda narrat de s. t. весьма меня и по сіе время безпокоятъ. Графъ Алексей Григорьевичъ (Орловъ) пріѣхалъ изъ Архипелага на пятой недѣлѣ великаго поста и скоро опять отъѣдетъ. Григорій Васильевичъ Козицкой женился въ Синбирскѣ, на дочерѣ Ивана Семеновича Мясникова; онъ коллежской ассесоръ, жена его род-

[1]) Николай Мотонисъ, нѣжинскій грекъ, по женитьбѣ на дочери Вас. Андр. Жураковскаго, сталъ владѣльцемъ с. Липова-Рога, подъ Нѣжиномъ. См. Опис. Ст. Малороссіи, II, 83.

ная сестра кол. ас. Твердышеву, у коихъ въ Оренбургѣ мѣдные и желѣзные заводы. Приданаго дано Григорию Васильевичу тысяча душъ въ Пензенскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Сурѣ и по Ломовкѣ, да пять тысячъ деньгами, и на пять тысячъ вещей. Со временемъ Григорій Васильевичъ будетъ имѣть тысячъ пять или и болѣе крестьянъ, ибо у тестя его только четыре дочери: одна за маіоромъ Дурасовымъ, другая за полковникомъ Бекетовымъ Петромъ Аѳанасьевичемъ, братомъ губернатора Астраханскаго, третья за маіоромъ Пашковымъ. Ея императорское величество пожаловала ему на свадьбу, какъ онъ туда ѣхалъ, десять тысячъ рублевъ. Я съ нимъ туда ѣздилъ и, оставивъ его послѣ свадьбы, одинъ въ Петербургъ возвратился, однако и онъ уже тому третій день, какъ пріѣхалъ съ Катериною Ивановною. Вотъ вамъ вся исторія. Сію невѣсту хотѣли было сватать за меня, года тому три назадъ, но... satis sapienti. Жена моя шестой уже мѣсяцъ беременна, чѣмъ меня обрадуетъ сыномъ или другою дочерью, не знаю, признаюся вамъ, что по состоянію моему теперешнему лучше желаю сына. Она вамъ и м. г-нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ свидѣтельствуетъ свое почтеніе, которое ей и отъ меня прошу объявить. Сыры ваши отысканы, но боченки были роскрыты, всѣ ли числомъ не знаю, въ одномъ боченкѣ было два пармезана, въ другомъ шесть сыровъ, а какіе— отвѣдать теперь не можно, изъ оныхъ одинъ пармезанъ и пять сыровъ посланы къ вамъ, одинъ маленкой сыръ взялъ я для себя, а пармезанъ велѣлъ здесь Ивану продать. Что за нихъ заплачено, при семъ посылаю записку. Изъ Москвы недавно получилъ я письмо отъ Ивана Петровича, что Петръ Ивановичъ Разумовской [1]) скончался. Дѣло наше по реестру уже къ слушанью дошло, а Ивана Ивановича слѣдуетъ послѣ нашего скоро. Ежели вы не имѣете копіи съ именнаго нашея премудрыя монархини указа, касающагося до мнѣнія, съ котораго времени щитать срокъ аппелляціонный, то я вамъ за извѣстіе сообщаю: „малороссійскіе законы ясны, опредѣленіе сенатское 57-го года еще яснѣе, да и мой указъ 62-го года не теменъ.

---

[1]) Нѣжинскій полковникъ, 1753—1771.

Сіе дѣло отняло у меня цѣлое утро, а мнѣ каждая минута дорога. Генералпрокурорская должность соглашать спорющихъ, и для того повелѣваемъ ему согласить, дабы поступлено было по законамъ". Въ прочемъ есмь вашъ м. г-ря моего покорный слуга Николай Мотонисъ.—Покорно прошу извините меня передъ Иваномъ Ивановичемъ, что я къ нему не пишу, причина скоропостижный отъѣздъ слуги вашего, а я говѣю и завтра мнѣ приобщаться должно.

62) Графа П. А. Румянцева, изъ главной квартиры города Яссъ, 1771 г., 20 декабря.

Государь мой Григорей Андреевичъ! Лѣстнымъ есть для меня удовольствомъ чувствовать толь искренное участіе ваше въ приносимомъ поздравленіи о успѣхахъ оружія, мнѣ ввѣреннаго. Вы говорите въ своемъ письмѣ, что одинакимъ способомъ мѣрите всякаго дарованія, то коль много въ честь себѣ я ставить могу хвалу согражданина, симъ и другими достоинствами украшеннаго.—Воспользуюсь я тутъ взаимнымъ увѣреніемъ васъ о моей благодарности и всеискренномъ почтеніи, съ которымъ есть вашего высокоблагородія покорнымъ слугою Г. Румянцевъ.

63) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1772 г., 6 января.

М. г мой братецъ Григорій Андреевичъ! Конечно покажется вамъ дико, когда вы распечатавъ пакетъ мой, найдете въ немъ два писма, одно уже весма застарѣлое, тоесть отъ $^{7}/_{18}$ октября прошедшаго года, а другое сіе самое; а еще и того больше удивитесь вы, когда я скажу вамъ, что оное прошлогоднее писмо привезено сюда Афанасіемъ назадъ изъ Санктпетербурга; но можетъ быть удивленіе ваше нѣсколько и удалится, узнавъ причину сему неожиданному обратному ко мнѣ пришествію помянутаго писма, а причина сія состоитъ въ томъ, что Афанасій не смѣлъ его никому повѣрить, не заставши въ Петербургѣ Ульяны Федоровны, чрезъ которую надлежало ему отправить къ вамъ оное писмо, когда бы не можно ему было самому съѣздить въ Украину, какъ то и сдѣлалось; сверхъ же

сего г. Рымша сказалъ ему, что онъ на долгое время не имѣетъ никакой надежды къ пересылкѣ моихъ къ вамъ писемъ, по причинѣ пресѣченной между Петербургомъ и Москвою коммуникаціи. Впрочемъ, надобно знать, что при часто реченномъ писмѣ приложенъ былъ отъ меня особливый листокъ, который настоящею причиною былъ тому, что Афанасій не смѣлъ другимъ рукамъ повѣрить моего къ вамъ пакета.—При семъ прилагаю счетъ объ издержкахъ, кои, послѣ учиненнаго мною съ вами въ 1769 г. расчета, довелось мнѣ имѣть по вашимъ комиссіямъ, и прошу васъ увѣдомить меня, чѣмъ я останусь вамъ долженъ, ибо я не имѣлъ отъ васъ извѣстія, изволили-ль вы дать матушкѣ моей пятьдесятъ рублевъ на прошлый годъ; а только то знаю по писму вашему отъ 24 февраля тогожъ года, писанному изъ села Юдинова, что отъ васъ роздано тогда 130 рублевъ, изъ которыхъ матушкѣ досталось 50 рублевъ на 1770 годъ, а прочіе—братьямъ моимъ. И такъ, естьли паче чаянія, за какимъ нибудь помѣшательствомъ по сіе время не могли вы, м. г. мой братецъ, дать матушкѣ моей принадлежащихъ на прошлый 1771-й годъ денегъ, то покорнѣйше прошу васъ дать ей теперь, сверхъ оныхъ, еще шестьдесятъ рублевъ, и потомъ увѣдомить меня, какимъ образомъ жетаете вы, чтобъ я заплатилъ вамъ весь мой долгъ, такожъ и о томъ дать мнѣ знать, получили ль вы отъ Ульяны Федоровны, при проѣздѣ ея чрезъ Украину, означенныя въ щетѣ моемъ денги, кои обѣщала она вамъ отдать. Поздравляю васъ, м. г. мой братецъ, новымъ годомъ, и желаю отъ искренности сердца, чтобъ Богъ не токмо избавилъ васъ въ теченіи онаго отъ всѣхъ непріятныхъ приключеній, но и даровалъ бы вамъ все желаемое вами, сохраняя при томъ здоровье ваше въ совершенномъ состояніи на многіе предбудущіе годы купно съ любезною вашею фамиліею. Впрочемъ имѣю честь быть съ непремѣнною преданностію вашъ, м. г. мой братецъ, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій братъ и слуга Григорей Полѣтика. Скажите пожалуйте, ужъ ли Богъ освободилъ отчизну нашу отъ повѣтрія и не паходится ли оно еще въ какихъ мѣстахъ?

64) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1772 г., 24 октября.

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! При выздоровленіи моемъ могу я теперь имѣть удовольствіе писать къ вамъ собственною моею рукою, а сіе удовольствіе тѣмъ чувствительнѣе для меня, чѣмъ больше та нужда, которая заставила меня предложить вамъ нѣкоторые вопросы, кои правда надлежало мнѣ здѣлать еще въ первомъ писмѣ, тоесть въ посланномъ чрезъ княжого камердинера, но хворость моя не дозволила мнѣ распространиться ни въ томъ, ни въ другомъ писмѣ, которое предъ нѣсколькими днями послано по почтѣ. Помянутые вопросы состоятъ въ слѣдующемъ: вы изволили въ писмѣ вашемъ дать мнѣ знать объ имѣніи наименованнаго тестя моего сими строками: „имѣніе отца ея весма хорошее и знатное, и все почти вмѣстѣ; онъ имѣетъ около 200 дворовъ въ разныхъ селахъ и деревняхъ, съ весма достаточными лѣсными и полевыми угодіями, а притомъ, говорятъ, не убогъ онъ и готовыми деньгами. Все сіе имѣніе люди цѣнятъ отъ 30 до 40 тысячъ рублей". А какъ сію оцѣнку можно разумѣть двоякимъ образомъ, то желалъ бы я знать, щитается ли въ означенной суммѣ и денежный капиталъ, или только цѣна недвижимаго имѣнія въ ней разумѣется? Еще жъ прошу васъ, м. г. мой братецъ, изъяснить мнѣ сіи строки писма вашего: „но какъ бы то сіе ни было, все для того зятя будетъ весма авантажно, который сплатить, а особливо естьли сіе здѣлается при его жизни, потому что онъ для сей своей дочери десятитысячное имѣніе въ двѣ или въ три тысячи поставитъ, и въ томъ онъ имѣетъ волю". Какой авантажъ будетъ для послѣдняго зятя, когда онъ принужденъ будетъ выплатить двумъ другимъ принадлежащія имъ части? ибо въ такомъ случаѣ не больше для него останется въ самомъ дѣлѣ, какъ только третія часть имѣнія, да и какая польза можетъ для него послѣдовать изъ того, что г. Бороздна поставитъ десятитысячное дочери своей имѣніе въ двѣ или въ три тысячи? Я признаюсь, что сіе для меня гораздо темно кажется, и представляется въ томъ нѣкоторое противурѣчіе. Сверхъ сего желалъ бы я знать, можетъ ли отецъ по правамъ нашимъ

отдать одному сыну или дочери почти все свое имѣніе, а другимъ по малой части онаго? и естьли не можетъ онъ сего здѣлать на основаніи законовъ, то не можетъ ли къ тому способствовать какое вымышленное средство, какъ напримѣръ продажа или тому подобное, которое могло бы быть надежнымъ для всякихъ процессовъ? ибо мнѣ кажется, что по смерти г. Бороздны третій его зять не можетъ миновать процессовъ отъ другихъ двухъ въ случаѣ, когда бы досталось ему все имѣніе тестя его, и что онъ тѣмъ не токмо можетъ себѣ нажить великія хлопоты, но наконецъ и принужденъ будетъ дѣлиться съ другими, и тогда то онъ весма небогатый помѣщикъ будетъ. Наконецъ, прошу увѣдомить меня, какое г. Бороздны недвижимое имѣніе, тоесть собственное ли его, и слѣдовательно трудами и иждивеніемъ его приобрѣтенное, или доставшееся ему отъ отца по наслѣдству, или же не получилъ ли онъ за его женою? Также, сколько получаетъ онъ ежегоднаго доходу со всего своего недвижимаго имѣнія, или по крайней мѣрѣ сколько можетъ онъ получать, естьли вамъ о томъ точно неизвѣстно? Чѣмъ скорѣе и чѣмъ обстоятельнѣе получу я отъ васъ отвѣтъ на сіи вопросы, тѣмъ больше одолженъ буду, пребываю впрочемъ съ непремѣнною преданностію и совершеннымъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій и вѣрнѣйшій братъ и слуга Г. Полѣтика.

P. S. Я удивляюсь и сожалѣю, что матушка моя вздумала выдать сестру мою за какого то осташковского живописца, который (какъ мнѣ здѣсь сказано отъ одного нѣжинскаго купца) ничего не имѣетъ; а еще больше буду я сожалѣть, когда узнаю, что онъ не изъ вольныхъ людей, но изъ числа велико-россійскихъ купцовъ, кои по большей части иго крѣпости на себѣ носятъ. Избави меня Боже отъ такого зятя! Я почту себѣ за несчастіе, естьли онъ не изъ вольныхъ людей; я жъ имѣю причину объ томъ сумнѣваться потому, что онъ въ своемъ ко мнѣ писмѣ подписался осташковскимъ купцомъ и живописцомъ; а какъ вамъ, м. г. мой братецъ, чаятельно о состояніи его извѣстно, то прошу объ ономъ меня увѣдомить, такожъ и о томъ, съ вѣдомомъ ли, и по согласію ли батюшки вашего, или другихъ родственниковъ нашихъ рѣшилась матушка моя здѣлать

сего живописца зятемъ своимъ, или же не сама ли она собою паче чаянія поступила на такое дѣло, въ которомъ надлежало ей прежде всѣхъ съ вами посовѣтоваться, а естьли долго васъ не было въ Ромнѣ, то съ батюшкою вашимъ, который не думаю, чтобъ присовѣтовалъ ей выдать сестру мою за такого человѣка, о состояніи котораго не имѣлъ онъ довольнаго свѣденія. Гораздо бы лучше она здѣлала, естьли бы она выдала сестру мою за земляка своего, хотя изъ выборныхъ казаковъ, и хоть не богатаго человѣка; а естьли не можно было сыскать никого изъ своихъ земляковъ, то пускай бы лучше осталась сестра въ дѣвкахъ. Въ разсужденіи сего прошу васъ, м. г. братецъ, принять такія мѣры, чтобъ послѣдняя сестра моя не была выдана за подобнаго выше реченному живописцу, и чтобъ матушка моя ни за кого не выдавала ее безъ вашего согласія. Я надѣюсь, что вы сами потрудитесь отдать Настасьѣ Ивановнѣ Соколовой писмо, въ которомъ г. Дюваль вздумалъ не только безъ прозьбы моей, но и противъ моего желанія припомнить ей о томъ, что онъ къ ней писалъ обо мнѣ, тому года съ два, также самъ собою, тоесть не бывъ отъ меня нимало побужденъ къ тому, а только изъ единой ко мнѣ дружбы. Мнѣ нельзя было отвратить его отъ сего припамятованія потому, что онъ не сказалъ мнѣ объ ономъ ничего, пока не написалъ своего писма, котораго также не можно уже было перемѣнить въ разсужденіи упорнаго его нрава и по причинѣ краткости времени до отправленія сегоднишней почты. Впрочемъ, мнѣ кажется, что отъ того не можетъ послѣдовать ни для васъ, ни для меня никакого худа, естьли не получимъ какой пользы.

65) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1772 г., 12 декабря.

Четвертая недѣля уже наступила съ того времени, какъ я имѣлъ честь получить два писма ваши, одно отъ 30 октября, а другое отъ 2 ноября, на которыя конечно ни мало не умедлилъ бы я отвѣтствовать, есть-ли бы онѣ по нещастію моему не застали меня въ такомъ состояніи, въ какомъ я еще никогда здѣсь не былъ, ибо спустя недѣли съ три послѣ того моего припадка, о которомъ я прежде писалъ къ вамъ, случилась мнѣ

другая болѣзнь гораздо сильнѣе первой, которая теперь хотя и не такъ безпокоитъ, какъ она безпокоила и мучила меня съ самаго начала, однако столько ея осталося еще, что никоимъ образомъ самому мнѣ писать не можно, да и то для меня трудно, чтобъ сказывать другому то, что мнѣ доводится сочинять по необходимой нуждѣ. Но всего хуже и прискорбнѣе для меня, что сія болѣзнь моя (которая по французски называется *asthme*, а по русски *удушье*) по объявленію самыхъ искуснѣйшихъ здѣшнихъ докторовъ, которыхъ призывалъ я на совѣтъ, хотя и не опасна, однако долговременнаго требуетъ лѣченія, такъ что она не токмо нѣсколько мѣсяцевъ, но и цѣлый годъ, а по нещастію и больше, продлиться можетъ при частыхъ перемѣнахъ, изъ которыхъ одна другой легче или тяжелѣе бываетъ, смотря по погодѣ и по другимъ обстоятельствамъ. Изъ сего вы, м. г. мой братецъ, видите, что злая судьба моя къ великому моему сожалѣнію удаляетъ отъ меня тотъ пріятный къ женидьбѣ случай, который вы по отличному вашему ко мнѣ доброжелательству предложить мнѣ изволили, и которымъ я бы конечно съ превеликою охотою воспользовался, есть-ли бы не случилась нечаянная въ здоровьи моемъ перемѣна, которая, Богъ вѣсть, когда и какимъ образомъ кончится; мнѣ же не къ стати было бы не токмо требовать, но и помышлять, дабы извѣстная дѣвица, о которой вы ко мнѣ писали, въ ожиданіи меня отсылала другихъ жениховъ, ибо и того не заслужилъ я ни чѣмъ, что она согласилась дожидаться меня до новаго году, и я весма сожалѣть буду, естьли ей между тѣмъ временемъ, какъ она меня ожидала, представлялся случай къ замужеству, и естьли она чрезъ меня потеряла сей случай. При такомъ состояніи здоровья моего не остается мнѣ ничего инаго, какъ имѣть попеченіе о поправленіи онаго, и потому принужденъ я до нѣкотораго времени отложить мысли о женидьбѣ. Впрочемъ имѣю честь быть и проч. Григорій Полѣтика.

66) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1773 г., 9 апрѣля.

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Давно уже надлежало мнѣ писать къ вамъ, да и давно уже я къ тому сби-

раюсь; но по сіе время не удалось мнѣ исполнить сей моей должности то за недосугами, то за слабостію здоровья (въ которомъ теперь, слава Богу, начинаю оправляться) а при томъ, естьли истину сказать, нѣсколько удерживался я писать къ вамъ и въ такомъ мнѣніи, что писмо мое не застанетъ васъ въ Санктпетербургѣ; почему и ожидалъ я прежде отъ васъ увѣдомленія объ отъѣздѣ вашемъ оттуда, но какъ предъ нѣсколькими днями получилъ я отъ г. Юлинца писмо, которымъ онъ далъ мнѣ знать, что вы еще въ Петербургѣ находитесь, и что вы еще и сами не знаете, когда отправитесь въ Украину, то я не хотѣлъ болѣе откладывать намѣренія моего, которое тѣмъ охотнѣе теперь исполняю, что имѣю особливую побудительную къ тому причину, тоесть полученную вами отставку отъ службы съ чиномъ коллежскаго совѣтника и съ пенсіею. Вамъ, м. г. мой братецъ, не трудно отгадать, что намѣреніе мое клонится къ поздравительному привѣтствію; но не извольте однакожъ думать, чтобъ я хотѣлъ поздравить васъ чиномъ,—нѣтъ; конечно я не хочу поздравлять васъ онымъ, потому, что вы не только сей чинъ, но и гораздо болѣе онаго заслужили, въ чемъ каждой, кто имѣетъ честь довольно васъ знать, безъ сумнѣнія отдаетъ вамъ надлежащую справедливость. Я только поздравляю васъ учиненнымъ къ чину прибавленіемъ, тоесть пенсіею, ибо кромѣ того, что ее предпочесть можно голымъ чинамъ, она, по мнѣнію моему, значитъ и отличность награжденія за службу, какое у насъ рѣдко дѣлается; сверхъ того, всеусерднѣйше желаю вамъ, м. г. мой братецъ, чтобъ вы до самыхъ дальнѣйшихъ предѣловъ человѣческой жизни могли сею пенсіею пользоваться въ совершенномъ здравіи. Вѣдая, что г. Юлинецъ говорилъ съ вами о всѣхъ тѣхъ причинахъ и обстоятельствахъ, кои помѣшали мнѣ приступить къ предложенію вашему, я за излишнее почитаю повторять здѣсь оныя; и по тому не остается мнѣ болѣе ничего сказать вамъ въ отвѣтъ на писмо ваше отъ 12 генваря, привезенное княжимъ камердинеромъ, которое кромѣ того, что вы, м. г. мой братецъ, конечно ничѣмъ не здѣлали мнѣ нималѣйшей досады, и что не разсужденія ваши, о которыхъ вы писали ко мнѣ въ прежнихъ вашихъ писмахъ, но единственно тѣ причины и обстоятельства, о которыхъ г. Юлинецъ здѣлалъ вамъ подроб-

ное изъясненіе, не допустили меня воспользоваться предложеніемъ вашимъ. Что касается до состоянія здоровья моего, то я правда теперь въ немъ оправляюсь, но при всемъ томъ совѣтуютъ мнѣ доктора принимать здѣсь нѣкоторыя минеральныя воды, или ѣхать для употребленія оныхъ въ тѣ самыя мѣста, гдѣ онѣ имѣютъ свои источники. Впрочемъ покорнѣйше принося вамъ благодареніе мое за ваше благосклонное и впредь обо мнѣ намѣреніе, я осмѣливаюсь только о томъ просить васъ, чтобъ вы пожаловали такія приняли мѣры ко исполненію онаго, когда вамъ окажется къ тому случай, или, лучше сказать, когда вы сыщете къ тому средство, чтобъ не были у васъ и у меня связаны руки съ перваго слова, тоесть чтобъ не опредѣлять мнѣ точнаго времени для пріѣзду, и не увѣрять въ томъ никого, а только условиться, съ кѣмъ надобно будетъ, что вы будете ко мнѣ писать, ибо вы сами, м. г. мой братецъ, вѣдаете, что всего предвидѣть не можно, и что нечаяннымъ образомъ могутъ случиться такія помѣшательства, о которыхъ можетъ быть не доведется и помыслить. Чтожъ касается до обстоятельнаго и подробнаго извѣстія обо всемъ томъ, о чемъ мнѣ нужно будетъ вѣдать, то я не сумнѣваюсь, что вы не отречетесь услужить мнѣ онымъ, сколько возможно будетъ, и въ такой надеждѣ остаюсь и проч. Григорій Полѣтика. P. S. Естьли отъѣздъ вашъ изъ Петербурга въ Малую Россію не послѣдовалъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, то вы узнаете до полученія сего письма, что отъ князя здѣлано уже представленіе о произведеніи меня въ коллежскіе совѣтники. И такъ, остается теперь знать, будетъ ли оное представленіе принято во уваженіе, или не положатъ ли его подъ спудъ, такъ, какъ здѣлано было съ прежнимъ обо мнѣ представленіемъ, которое касалось до произведенія меня въ совѣтники посольства.

67) Брата Андрея Андреевича[1]*), изъ Ромна, 1774 г., 4 іюля.*

М. г. мой братецъ, Григорій Андрѣевичъ! По причинѣ небитности брата Стефана в домѣ, возній зъ своимъ виездомъ по-

[1]) Андрей Андреевичъ Полотика, р. 1745+1790, черниговскій губернскій предводитель 1785—788. Былъ женатъ на Аннѣ Савичъ. Оставилъ двухъ сыновей. Потомки его живутъ нынѣ въ козелецкомъ уѣздѣ черниговской губерніи.

удержался, а сего июля 3 издилъ въ Коровинцѣ зъ увяжчими листами [1]), онъ во всемъ поупрямился, итакъ слѣдуетъ возному сознать персонално передъ судомъ, коего нынѣ нѣтъ на лице; за сѣно положена ему зарука, естли неуплатитъ присужденныхъ денегъ 711 рублей, столкожъ, а естли станетъ опять косить тую траву, зарука такаяжъ въ увяжчомъ листѣ положена, которую взискивать, естли станетъ косить, чрезъ позовъ кажется слѣдуетъ по артикуламъ 14-му и 100-му (литовск. статута); и такъ новіе будутъ позви. Зарука каждому по 500 рублей ближе не можетъ быть по праву плачена, какъ въ 24 недели, которой срокъ ему назначенъ декабря до 16 числа. Въ роздѣлку не пошелъ, что будетъ дѣлать—дожидатся ли полугодового сроку или какъ видно, что все сіе должно быть окончено въ сентябрскихъ рокахъ или сказать начато. Какой будетъ вашъ совѣтъ, увѣдомѣте вскорости, а всего лутше какъ помиритесь; братъ Стефанъ наказуетъ, что онъ нынѣ вамъ и брату Ивану Андрѣевичу заплатитъ наличніе денги неотмѣнно. Думайте какъ хотите, а я такъ думаю, что еще и сей годъ дѣла наши не пойдутъ въ сенатъ онъ засѣно суддей и разбирающихъ, болшинство голосовъ суддей, зоветъ въ судъ генералній на очній разговоръ; дѣло хочай для нихъ неопасное та все медлителное и лишающое пріятного покоя человѣка. Естли ви приступите прямо къ миру, то и братъ Иванъ Андрѣевичъ надѣюсь согласится, и оба ви, несумнѣваюсь, что будете удоволствовани; пріедте хочай навремя, посмотримъ что зъ сего вийдетъ, а ви и безъ сего, какъ слихалъ я, хочите быть къ Ильи. Озираймось назадъ, чтобъ смерть ненаварила кому либо изъ насъ такого пива, что и дѣти наши не попютъ, какъ нѣкому будетъ сего докончить дѣла. Извѣстіе полковой лубенской канцеляріи посилаю и пребуду зъ неотмѣннимъ моимъ доброжелателствомъ и должнѣйшимъ почтеніемъ вашъ м. г—ря брата всепокорнѣйшій слуга Андрей Полетика. P. S. Получилъ я отъ васъ кочубееву экспедицію, нехудо подчиваетъ; отъ сего бы торгу аби зъ носомъ, лутше ничего неимѣть, нежели съ такими варварами имѣть сосѣдство.

---

[1]) Увяжчій листъ представлялъ собою, по литовск. статуту, судебный праказъ объ арестѣ того или другого спорнаго имѣнія.

68) Брата Степана Андреевича, 1774 г., 24 сентября.

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Въ переѣздъ вашъ чрезъ Коровинцы, бившій въ васъ священникъ николскій коровинскій отецъ Карпъ Рудявскій, по приказанію вашему, пересказалъ всѣ ваши виговоренніе мнѣ бранѣ и ругательства, послѣдовавшіе по резону будто мною произносимихъ въ обиду вашу непристойнихъ рѣчей, якими вы въ Ромнѣ завѣрены. Я бы, м. г. братецъ, всѣ ваши бранѣ, ежели бы они били доказателни весмабъ терпеливо снеслъ, ведая, что старѣйшихъ порицанія почитатся должни за наставленіе молодшимъ, но поелику вы оніе употребляете по еднимъ толко наслишкамъ, увѣрясь на пересказкахъ моихъ недоброхотовъ, и ругаетесь съ меня и предъ неприличними сего слишанію лицами невинно, такъ позволте вамъ сказать, что вы въ семъ погрѣшаете, и въ мѣсто мнѣ произносимой невинно бранѣ, себе предъ цѣлимъ свѣтомъ предъосуждаете. Я хочай много и неизобученъ, еднакъ сіе совершенно знаю, что нѣкто еще не родился въ свѣты, которой бы всѣ свои замахи получалъ, какіе онъ вздумаетъ, и во всемъ бы полагать моглъ свою удачу на свое распоражевіе, которое отъ единого Бога, защищающого справедливыхъ, зависитъ; я полагаюсь на его Божескую волю, не усумнѣваюсь нѣкогда обличитъ ложніе и лакоміе суди, коими нѣсколко будто вы удоволствовани, и иснести всѣ ваши наносиміе мнѣ обиды разоренія и ругательства. Ревокаціи жъ мнѣ таковой, какъ вы попу пересказовали, чтобъ себя назвать невинно предъ честними людмы плутомъ и бездѣльникомъ, тѣжъ саміе честніе люде произнесть не позволятъ, поелику оная нетокмо дѣйствію ихъ, но и слышанію мерзостна, а колми паче родной кровъ сего требовать неприлично и предосудительно. Вы, м. г. братецъ, какъ старіе насъ всѣхъ, лучше бы изобрѣтали въ фамиліи тишину, а не укореняли къ себѣ всѣхъ недоволство, которое къ вамъ всѣ родомъ внутренно, а я открито имѣю, ежели вы за виговоръ сей объявленній отъ васъ попу, что я будто фасталъ, что вы меня просите купить въ Коровинцахъ ваши части, гнѣваетесь, что въ семъ я себе предъ всѣми честними людми оправдать готовъ, и пересказавшому вамъ несправедливо плуту совершенно его ложъ доказать

могу; а притомъ вамъ, м. г. братецъ, откриваюсь, что ежели желаете, то заплатѣте мнѣ всѣ мои добра въ Коровинцахъ, я, ей, охотно уступаю вамъ, и лучше желаю неимѣть въ нихъ нѣкакого участія, нежели продолжать слезно въ нихъ жизнь; симъ вы себя успокоить можете, а мнѣ оставите конечную вѣка моего жизнь покойную, и дѣтямъ моимъ, и откриете прежную любовь братерскую, которой я себя ласкаясь, пребиваю съ моимъ всегдашнимъ доброжелателствомъ и почтеніемъ, м. г. мой братецъ, вашъ доброжелателнѣйшій братъ и покорнѣйшій слуга Стефанъ Полетика.

Антонъ Танскій, полковникъ кіевскій.

(1712—1734 г.).

(Къ портрету его тещи).

На прилагаемомъ портретѣ изображена жена извѣстнаго бѣлоцерковскаго полковника Семена Палѣя вмѣстѣ съ ея внучатами. Несмотря на громкую извѣстность послѣдняго представителя малорусскаго козачества на правомъ берегу Днѣпра, о семьѣ его сохранились свѣдѣнія болѣе чѣмъ краткія: извѣстно (да и то, о женѣ, изъ одного лишь ея портрета), что жену Палѣя звали Федосьей, а единственную его дочь Марьей и что эта Марья была замужемъ за однимъ изъ братьевъ Танскихъ. Послѣдніе, по семейному преданію, вышли, вмѣстѣ съ отцемъ, изъ Молдавіи и принадлежали къ числу тѣхъ авантюристовъ, которые приходили въ Малороссію искать матеріальныхъ достатковъ на воинскомъ поприщѣ. Одинъ изъ этихъ братьевъ Танскихъ, Михаилъ, благосостояніе свое устроилъ женитьбою на дочери такого виднаго дѣятеля правобережной Малороссіи, какимъ былъ Палѣй. Нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, вмѣстѣ со старыми, какъ объ этомъ Танскомъ, такъ и о его тестѣ, приводимъ здѣсь въ поясненіе той среды, къ которой принадлежала „Феодосія Палѣевая“.

Семейное преданіе говоритъ, что Михаилъ Танскій женился на дочери Палѣя въ 1677 г. [1]), но извѣстнымъ этотъ Танскій становится лишь съ того времени, когда Палій былъ

[1]) Арх. Ю. З. Россіи, ч. 3, т. II, стр. 64.

сосланъ, по происканъ Мазепы, въ Сибирь (1704 г.). Около этого времени Антонъ Танскій становится охоче-комоннымъ полковникомъ, получивъ этотъ урядъ конечно отъ Мазепы; а въ 1706 г. Мазепа даетъ ему въ корсунскомъ уѣздѣ село Яхны и сельцо Микитинцы [1]).—Когда Мазепа измѣнилъ, Петръ Великій въ числѣ первыхъ своихъ распоряженій по этому случаю, послалъ Танскому (31 октября 1708 г.) приглашеніе „немедленно прибыть съ своею командою въ армію", добавляя въ письмѣ: „за что мы вамъ милость свою и жалованье обѣщаемъ, а полкъ вашъ здѣ обрѣтается (письмо писано „отъ р. Десны"), который мы до пріѣзду вашего удоволствовали нашимъ жалованьемъ, а по пріѣздѣ вашемъ не только оный полкъ, но и иные полки охотницкіе, вѣдая вѣрность вашу къ намъ, дадимъ подъ команду" [2]). Танскій не замедлилъ исполнить царскій приказъ и, какъ говоритъ семейное преданіе [3]), тутъ же просилъ царя о возвращеніи тестя изъ ссылки. Возвращенный Палѣй былъ назначенъ „по прежнему" охотницкимъ полковникомъ [4]), т. е. значитъ, ему не былъ возвращенъ Бѣлоцерковскій полкъ; но фактически, Палѣй сталъ по прежнему распоряжаться Хвастовщиною [5]). На этотъ разъ власть Палѣя была непродолжительна: въ январѣ 1710 г., онъ умеръ, какъ видимъ изъ слѣдующаго универсала Скоропадскаго: „панамъ старшинѣ полковой, сотникомъ, атаманомъ... полку бѣлоцерковского, симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, ижъ извѣстившися мы, что панъ Палій судбами божіими временное скончивъ житіе свое, а при кон-

[1]) Т. ж., 698.

[2]) Т. ж., стр. 709.

[3]) Дѣло о родѣ дворянъ Танскихъ. Арх. черниг. дворянск. депут. собр.

[4]) Въ царской грамотѣ, данной 3 сентября 1709 г., въ м. Сольцѣ надъ Вислою, (подписалъ Головкинъ) читаемъ: „Наше царское величество пожаловали бывшаго заднѣпровскаго охотницкаго полковника Семена Палѣя, за его къ намъ вѣрность и службы, велѣли ему быть по прежнему полковникомъ охотницкимъ, конным, надъ компанейцами, которые нынѣ подъ командою его; и быть ему подъ командою и въ послушаніи поддаинаго нашего гетмана войска запорожсваго Ивана Ильича Скоропадскаго, и ради увѣренія всѣмъ указали мы, великій государь, дать ему, Семену Палѣю, на тотъ чинъ полковничества сію нашу царскаг величества жалованную грамоту". Тамъ же.

[5]) Арх. Ю. З. Россіи, ч. 3. т. II, стр. 183.

чинѣ вручилъ данніе себѣ отъ его царского пресвѣтлого величества клейноти войсковіе на охочекомонное полковничество пану Танскому, зятевѣ своему, и притягалъ вашмостей назадъ въ Хвастовъ, желаючи, жебысте его за полковника бѣлоцерковского мѣти соизволили, яко на тое, зъ подписомъ именъ всѣхъ васъ, онъ же, п. Танскій, прислалъ до насъ суплѣку. Лечъ ижъ статися и потвержено отъ насъ тое быти не можетъ безъ вѣдома и виразного указу монаршого, теди за сполнимъ согласіемъ зъ сіятел. министромъ его мпл. г. Андреемъ Петр. Измайловымъ, писалисмо оразъ до царского величества о томъ, просячи скорого указу; а нѣмъ одержимо, по доношенію нашомъ, монаршій о полковничествѣ вашемъ бѣлоцерковскомъ указъ, до того часу вручаемъ быти полковникомъ наказнимъ п. Павлу Циганчуку, обозному полковому...“ [1]). Изъ этого универсала видимъ—какъ Палѣй заботился о будущей судьбѣ Танскаго. На просьбу Скоропадскаго „о скоромъ указѣ“ относительно назначенія Танскаго бѣлоцерковскимъ полковникомъ, Головкинъ, въ мартѣ, отвѣчалъ: „что принадлежитъ о полковничествѣ бѣлоцерковскомъ, что къ опому послѣ Палея интересуется Танскій и ваша велможность изволте сіе дѣло оставить до времени въ той мѣрѣ, какъ оное нынѣ есть, а сколь скоро прибуду въ Спб., о томъ его величеству доложу и получа указъ, писать буду“. [2]). Но Скоропадскій, не дождавшись этого отвѣта, въ концѣ февраля уже назначилъ Танскаго наказнымъ бѣлоцерковскимъ полковникомъ, объяснивъ Головкину, что и старшина тамошняя, и чернь о немъ просятъ. Головкинъ нашелъ это распоряженіе „изряднымъ“, конечно будучи увѣренъ въ мплости царя къ Танскому. Но царское согласіе на назначеніе Танскаго „совершеннымъ“ полковникомъ бѣлоцерковскимъ послѣдовало только черезъ годъ: въ февралѣ 1711 г. Скоропадскій объявилъ своимъ универсаломъ „о врученіи совершенной власти полковничества бѣлоцерковского“—Танскому. [3])—Получивъ Хвастовщину въ свое

[1]) Генер. слѣдствіе о маетност. кіевск. полка, рукопись нашей б-ки. Изъ приведеннаго универсала опредѣленно узнаемъ мѣсяцъ смерти Палѣя. Ср. Арх. Ю. З. Россіи, ч. 3, т. II, стр. 185.

[2]) Матер. для отечеств. исторіи, Сумьенка, II, 150.

[3]) Архивъ Ю. З. Россіи, ч. 3, т. II, стр. 748.

управленіе, Танскій сталъ распоряжаться здѣсь такъ, что по словамъ мѣстной шляхты, имѣнія послѣдней до того были Танскимъ разорены, что къ нимъ можно было примѣнить слова: „гдѣ стояла Троя, тамъ теперь волнуется созрѣвшая жатва!“ [1]) Недолго однакожъ пришлось Танскому корыстоваться шляхетскими богатствами: прутскій договоръ измѣнилъ судьбу правобережной Малороссіи и козачеству послѣдней пришлось перебираться на лѣвый берегъ Днѣпра. Но Танскій едвали отъ этого проигралъ: за потерянную Хвастовщину, онъ получилъ кіевское полковничество. Въ іюлѣ 1712 г., Головкинъ писалъ Танскому: „царское величество, вѣдая, что вы, будучи въ Бѣлой Церкви, служили его величеству всегда вѣрно и постоянно и что нынѣ вы не у полку, пожаловать повелѣлъ васъ опредѣлить къ кіевскому полку, который нынѣ имѣетъ ваканцію, о чемъ я указомъ его величества писалъ и г. гетману И. И. Скоропадскому, за которую царскаго величества милость надлежитъ вашей милости трудиться наипаче службы ваши показывать... [2]) Гетманъ съ своей стороны огласилъ пожалованіе Танскаго слѣдующимъ универсаломъ (20 августа 1712 г.): „запобѣгаючи тому, чтобы въ полку кіевскомъ, по преставленіи покойного п. Федора Волского, полковника тамъ бывшого, войсковіе порядки безъ совершенного началника не пришли до якого разоренія, писалисмо до двору царского величества, просячи повелѣнія—кого-бы на тотъ вакансъ полковникомъ устроити, а поневажъ такое ею монаршее состоялося соизволеніе, якое получилисмо, ижъ-бы п. Антонія Танского, полковника бѣлоцерковского, за его вѣрныя службы на томъ полковничествѣ поставили.... Теды мы, гетманъ, вручили ему тотъ полковничества кіевского началъ и полецилисмо оному всякіе тамошніе полковіе, подлугъ давнего обыкновенія, управляти порядки“. [3])

Послѣ измѣны Мазепы, Петръ В. отнялъ у гетмана право назначенія полковниковъ и сталъ выбирать ихъ лично, стараясь, чтобы полковничьи уряды были замѣщены людьми вполнѣ

[1]) Тамъ-же, 190.

[2]) Тамъ-же, 768.

[3]) Дѣло о родѣ дворянъ Танскихъ, въ арх. черниг., двор. деп. собр.

надежными. Вполнѣ надежнымъ считалъ, какъ видно, Петръ В. и Танскаго. Но эти полковники, получая власть непосредственно отъ царя, почти не признавали надъ собою власти гетмана и позволяли себѣ всякій произволъ. Танскій также ни во что ставилъ гетмана и управляя полкомъ болѣе 20-ти лѣтъ, самовластвовалъ въ кіевскомъ полку какъ хотѣлъ. [1]) Скоропадскій жаловался царю, что Танскій его не слушаетъ и въ то же время щедро одѣлялъ непослушнаго маетностями. Отъ Скоропадскаго Танскій получилъ въ 1713 г., с. Свѣтильное, въ 1715 г.—хуторъ Мокіевскій съ слободою Мокіевкою, при р. Переводѣ, [2]) съ прилегавшею къ ней степью, простиравшеюся на десятки верстъ, и въ 1716 г.—с. Калиту. Кромѣ того, у Танскаго было значительное количество „ранговыхъ маетностей“ [3]).

Антонъ Танскій пробылъ на кіевскомъ полковничествѣ до смерти, а умеръ онъ не раньше 1734 г. Жену свою, повидимому, онъ пережилъ, почему вѣроятно и явился портретъ дѣтей его вмѣстѣ съ ихъ бабкой, которая, значитъ, досматривала своихъ внучатъ по смерти дочери. Антонъ Танскій оставилъ, по документальнымъ свѣдѣніямъ, трехъ сыновей, Михаила, Ивана и Осипа, и дочь Анну. На прилагаемомъ портретѣ изображены, какъ говоритъ надпись, сынъ Танскаго Иванъ и дочь Федора.

Подлинникъ портрета „Федосьи Палѣевой“ находится въ коллекціи В. В. Тарновскаго и пріобрѣтенъ имъ, въ старые годы, въ Борзнѣ, откуда Палѣй былъ родомъ [4]). Вѣроятно, тамъ сберегли этотъ портретъ какіе нибудь родичи послѣдняго. Другой портретъ „Палѣевой“, сохранявшійся у Танскихъ въ м. Мокіевкѣ, (тоже во весь ростъ и тоже „зъ унуками“), нынѣ находится у А. И. Ханенка. На обоихъ этихъ портретахъ почтенная малорусская матрона временъ Мазепы изображена съ

---

[1]) Танскій не стѣсняется распоряжаться даже въ чужихъ полкахъ. См. Сулимовск. арх., 71.

[2]) Теперь въ южной части нѣжинскаго уѣзда.

[3]) См. о нихъ въ генер. слѣдствіи о маетн. кіевск. полка, напечатанномъ Н. П. Василенкомъ въ VII-й книгѣ Чтеній въ общ. Нестора.

[4]) См. Кіевскую Старину 1882 г., № 3, стр. 609.

головою, закутанною въ ту бѣлую повязку, отъ которой женщина у поляковъ встарину называлась „бялогловой“ и которая въ Малороссіи еще недавно (лѣтъ двадцать назадъ) составляла часть народной одежды, подъ именемъ *намитки*; одѣта „Палѣевая“ въ парчевый кунтушъ, который составлялъ въ старой Малороссіи верхнюю одежду какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Кунтушъ у женщинъ составлялъ необходимую одежду, когда они отправлялись въ гости или принимали гостей у себя. „Ни одна женщина не можетъ явиться въ бесѣду безъ кунтуша, а мужчинамъ запрещено видѣть ее въ одномъ корсетѣ, кромѣ развѣ близкихъ родныхъ“, какъ записалъ въ 1808 г., одинъ любитель мѣстной старины, В. Я. Ломиковскій, въ своихъ „припасахъ для малороссійской исторіи“.

А. Л.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо А. С. Анненкова кіевскому генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову. Авторъ этого письма—извѣстный строитель нынѣшней Десятинной церкви, курскій и орловскій помѣщикъ, отставной гвардіи поручикъ Александръ Семеновичъ Анненковъ. Поселившись въ Кіевѣ, онъ пріобрѣлъ обширную усадьбу на углу Владимірской и Трехсвятит. улицъ и развелъ здѣсь большой садъ. Письмо это было написано въ 1845 г. и вызвано слухами о предполагавшихся раскопкахъ въ его усадьбѣ и на погостѣ Десятинной церкви. Слухи эти не совсѣмъ были безосновательны. Въ это время былъ закрытъ состоявшій при учебномъ округѣ комитетъ для открытія древностей въ г. Кіевѣ, и его функціи переданы незадолго предъ тѣмъ учрежденной по ходатайству Бибикова Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. По его иниціативѣ Коммиссія предположила цѣлый рядъ археологическихъ изслѣдованій въ югозападномъ краѣ и въ самомъ Кіевѣ. Весною того же 1845 г. профессоръ А. Ставровскій представилъ въ Коммиссію обширную программу ближайшихъ изысканій. Въ одномъ Кіевѣ и его окрестностяхъ имъ было указано болѣе 30-ти пунктовъ, на которые, по его мнѣнію, слѣдовало обратить вниманіе. На Старомъ городѣ Ставровскій признавалъ нужнымъ произвести раскопки, между прочимъ, съ тою цѣлью, чтобы съ точностію опредѣлить, гдѣ именно находились: а) *Теремный дворъ*, о которомъ въ древней лѣтописи упоминается, что на немъ былъ «теремъ каменъ», служившій жилищемъ кн. Ольги, и б) церковь и монастырь *св. Симеона*,—причемъ, по предположеніямъ Ставровскаго, оба эти пункта должны были находиться вблизи Десятинной церкви. Программа Ставровскаго была одобрена, но за недостаткомъ средствъ лишь въ немногихъ изъ указанныхъ имъ пунктовъ произведены были изысканія.

Помѣщаемое письмо Анненкова представляетъ, между прочимъ, интересъ въ томъ отношеніи, что въ немъ сообщаются нѣкоторыя подробности объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1820-хъ годахъ К. Лохвицкимъ, митроп. Евгеніемъ и самимъ Анненковымъ на погостѣ древней Десятинной церкви и сосѣднихъ мѣстахъ.

Милостивый Государь!

Во упованіи на правосудіе Вашего Высокопревосходительства и на благость души Вашей, осмѣливаюсь прибѣгнуть съ всепокорнѣйшею просьбою. Увѣдомился я, что есть ходатайство у Вашего Высокопр—ства о дозволеніи дѣлать прорѣзы и рвы на цвинтарѣ возобновленной мною Десятинной церкви, также раскапывать прорѣзами и рвами собственный мой садъ, при домѣ моемъ въ г. Кіевѣ, противъ Десятинной церкви состоящій, подъ предлогомъ открытія древностей, къ крайнему моему прискорбію; то посему вынуждаюсь объяснить слѣдующее: Проживающій въ г. Кіевѣ чиновникъ V класса Лохвицкій, узнавъ еще о намѣреніи моемъ возобновить Десятинную церковь, по мѣрѣ возможности моей, на собственное иждивеніе, исходатайствовалъ дозволеніе себѣ у его высокопреосвященства Евгенія, бывшаго митрополита кіевскаго и галицкаго, открыть фундаментъ древней Десятинной церкви и дѣлать поиски въ развалинахъ; почему въ 1825 году сдѣланы имъ глубокіе прорѣзы земли по пространству фундамента древней церкви и во многихъ мѣстахъ на цвинтарѣ не только обнаруженъ фундаментъ, но раскапываны были гробы, не пощажены были кости усопшихъ и проч. Потомъ поручено было академическому архитектору Ефимову[1]) продолжать открытіе фундамента и производить поиски на цвинтарѣ сей церкви; и наконецъ по Высочайшему повелѣнію, допущенъ и я къ окончанію открытія остатковъ древностей Десятинной церкви. Что найдено мною въ развалинахъ и на цвинтарѣ сей церкви, все сохранено, сдано мною по описи и находится въ шкафѣ въ большомъ олтарѣ возобновленной Десятинной церкви (кромѣ только крестика изъ животворящаго древа въ оправѣ червонаго золота съ цѣпочкой, который, съ согласія преосвященнаго митрополита Евгенія, поднесенъ бывшимъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Петромъ Ѳеодоровичемъ Желтухинымъ Ея

[1]) Рѣчь идетъ объ архитекторѣ Академіи Художествъ Ефимовѣ, присланномъ въ 1826 г. для освидѣтельствованія остатковъ древняго фундамента Десятинной церкви.

Величеству Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ), а мраморъ, шиферъ, яшма и прочіе камни, найденные въ развалинахъ и въ землѣ на пространствѣ цвинтаря церковнаго, употреблены мною для мозаическаго пола сей церкви. Впрочемъ, отъ вышеписанныхъ поисковъ и прорѣзовъ изрыто было почти все мѣсто церковное, такъ что для спланировки онаго, засыпки глубокихъ рвовъ и ямъ, затромбованія опыхъ и приведенія всего мѣстоположенія, къ церкви принадлежащаго, въ благовидное состояніе употреблено мною довольно трудовъ и иждивенія; слѣдовательно, за таковыми поисками, бывшими прорѣзами и разрытіемъ церковнаго цвинтаря, снова раскапывать оный и дѣлать поиски совершенно не нужно. Касательно жъ собственнаго моего сада, какъ хозяинъ моей собственности, умоляю Ваше Высокопр—ство защитить меня отъ домогательствъ разрывать оный, потому что это неизбѣжно съ поврежденіемъ деревъ и истребленіемъ сада моего, а для мнимыхъ открытій совершенно безполезно, поелику, уважая и любя отечественныя древности, я не упустилъ бы продолжать поиски въ оном саду моемъ, и буде бы нашелъ что достопримѣчательное, не преминулъ бы пожертвовать для Императорскаго Университета св. Владиміра, какъ я и дѣлалъ неоднократно таковыя приношенія, и участвуя въ трудахъ Высочайше учрежденнаго комитета о изысканіи и сохраненіи древностей кіевскихъ, я производилъ поиски на собственное мое иждивеніе нѣсколько лѣтъ и сдѣлалъ открытія въ Кіевѣ и Переяславѣ. Но продолженіе теперь таковыхъ поисковъ въ томъ саду моемъ совершенно безполезно, потому что все пространство двора и того сада моего было, со временъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и до построенія крѣпости печерской, складочнымъ мѣстомъ для военныхъ снарядовъ и оружія, изрыто и вмѣщало погреба, въ коихъ хранились порохъ, ядры и прочія артиллерійскія принадлежности. Кромѣ того, полагать должно, что все это мѣсто, со времени еще опустошенія Кіева монголо-татарами, потомъ во владычество оныхъ и въ польское владѣніе было изъ корыстолюбивыхъ видовъ, а можетъ быть и для открытія старины, изрыто почти все глубокими прорѣзами, такъ что я, производивши въ 1830 г. и потомъ по всему пространству сада моего глубокіе прорѣзы, на всѣхъ бывшихъ тогда мѣстахъ безъ деревъ, также и между деревьями открывалъ землю давно рытую и по слоямъ оной слѣды въ разныхъ направленіяхъ глубокихъ рвовъ и ямъ, а весьма много и мѣстъ погребовъ засыпанныхъ, но ничего при всѣхъ тщательныхъ поискахъ и усиліяхъ не нашелъ изъ остатковъ древностей,

кромѣ нѣсколькихъ кусковъ краснаго гранита и древняго колокола коринѳской мѣди, найденнаго близъ забора въ саду моемъ, противъ церкви св. Василія, что нынѣ Трехсвятительская, который колоколъ я пожертвовалъ въ Десятинную церковь, пріобщивъ его къ древностямъ оной.

А изъ сего и очевидно, что затѣмъ дальнѣйшіе поиски въ томъ саду моемъ совершенно безполезны, и таковое домогательство разрывать садъ мой клонится къ истребленію онаго, къ нарушенію права собственности, къ обидѣ моей и къ неповинному меня оскорбленію.

«Для того, подвергаясь въ правосудное покровительство Вашего Высокопревосходительства, умоляю о воспрещеніи разрывать цвинтарь при Десятинной церкви и объясненный собственный садъ мой, чѣмъ благотворительную защиту сему храму и большую милость мнѣ оказать изволите.

Съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностью по вѣкъ мой пребыть честь имѣю Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Александръ Анненковъ».

На это жалобное посланіе Анненковъ получилъ краткое увѣдомленіе, что безъ его согласія никто и не имѣетъ намѣренія разрывать его садъ для отысканія древностей.

Сообщилъ **О. Л.**

Къ исторіи торговли въ Малороссіи XVIII в. Наши свѣдѣнія относительно торговли и торговыхъ сношеній между Малороссіей и европейскими странами въ XVII и XVIII вв., какъ извѣстно, болѣе чѣмъ скудны. Все, что говорится на этотъ счетъ, не исключая и широковѣщательныхъ фразъ, къ которымъ прибѣгаютъ, когда нужно указать на роль дворянства старшины, и на ея вредное вліяніе,—строется лишь на такомъ фундаментѣ, какъ тотъ, что существовали, молъ, торговыя сношенія съ Данцигомъ и проч. Но какъ велики были размѣры этой торговли, какъ великъ былъ вывозъ, изъ какихъ продуктовъ состоялъ онъ, а, главное, кто былъ главнымъ агентомъ его, кто получалъ плюсы въ этой торговлѣ, объ этомъ не трудились справиться (что было бы естественно и просто) въ архивахъ Данцига, Бреславля и т. п. Въ виду этого нѣкоторую цѣну можетъ имѣть и печатаемый ниже документъ, любезно сообщенный намъ преподавателемъ николаевской гимназіи, г. Ивановымъ, и списанный

имъ въ московскомъ архивѣ. Изъ документа видно, что къ Потемкину обратилась группа полтавскихъ купцовъ съ цѣлой просьбой, указывающей на существованіе уже и раньше, въ теченіе XVIII в. торговыхъ сношеній лѣваго берега не только съ Бреславлемъ, но и съ Голландіей и Франціей. Видимо, что однимъ изъ крупныхъ предметовъ вывоза была пшеница, и обезпечить возможно лучше ея вывозъ—было главною заботой полтавскихъ купцовъ. Образованіе благодаря Потемкину новаго порта на Черномъ морѣ, въ Херсонѣ, открыло новыя перспективы, новые пути для торговли. Воспользоваться ими показалось привлекательнымъ для купцовъ, уже занятыхъ торговыми сношеніями съ европейскими странами, и, слѣдовательно, какъ по этой причинѣ, такъ и вообще по ограниченному размѣру вложеннаго въ торговое дѣло капитала, безсильныхъ воспользоваться лично выгодами новаго торговаго пути моремъ. Документъ состоитъ изъ ряда пунктовъ, крайне характерныхъ: они, эти пункты, весьма рельефно характеризуютъ положеніе купеческаго класса въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII в. въ періодъ, очевидно, господства новыхъ порядковъ, которые далеко не являлись благопріятными для развитія торговыхъ сношеній (пункты просьбы 8, 9 и 10).

Что значеніе и крупная роль, которую должно было играть Черное море для малорусской торговли, не ускользнуло изъ вида у названнаго купечества, ясно, между прочимъ, изъ того пункта (5), въ которомъ они настаиваютъ на разрѣшеніи имъ вывозить по Днѣпру мачтовой и строевой лѣсъ. Вывозъ его изъ Бѣлоруссіи и Польши существовалъ съ давнихъ временъ. Лѣсъ составлялъ главный предметъ, скупкой котораго занимался еще въ XIV и XV в. Данцигъ, устроившій цѣлую сѣть агентовъ для этой торговли. Вывозъ шелъ отъ Бреста, какъ главнаго узла, по Бугу и т. д. въ Данцигъ. Создать новый путь для торговли лѣсомъ значило въ сильной мѣрѣ освободить продавцевъ отъ монополіи сѣвера Германіи.

Какова была судьба ходатайства полтавскихъ купцовъ, нашедшаго, видимо, горячаго защитника въ Потемкинѣ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ.

«Полтавское купечество, отъ многихъ лѣтъ ведущее торговлю благоуспѣшно въ Саксоніи, Силезіи, Франціи и Голландіи, находитъ новый источникъ прибыльной торговли, открывающійся на Черномъ и Средиземномъ морѣ, премудрымъ усмотрѣніемъ вашего императорскаго величества и устроеніемъ херсонскаго порта. А какъ собственные ихъ капиталы бывъ употреблены въ помянутую, давно

заведенную торговлю не могутъ вступить единовременно въ зборъ и составъ новой сей торговли, да и по обращеніи оныхъ туда, не прежде ожидать можно возврату и прибытка, какъ тогда, когда новозаводимая торговля чрезъ надлежащее кругообращеніе прійдетъ къ извѣстному остепененію, къ чему потребно не мало времени; новость же заведенія торговли отъ херсонскаго порта требуетъ необходимо имѣть собственныя мореходныя суда со всѣмъ снабденіемъ, знающихъ мореходцевъ, учрежденіе конторъ при иностранныхъ портахъ, поставленіе коммисіонеровъ и внутреннее заготовленіе товаровъ, то будучи не въ силахъ произвести въ дѣйство столь важное и полезное предпріятіе всеподданнѣйше испрашиваютъ:

1. Отпустить изъ казны на счетъ вступающей въ сію торговлю компаніи имъ заимообразно безъ процентовъ триста тысячъ рублей съ срокомъ на десять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по прошествіи четырехъ лѣтъ взносили они въ казну каждый годъ по равной части оной суммы, на что имѣютъ отъ полтавскаго магистрата аттестаты, представленные ими суммою на четыреста пятьдесятъ тысячъ рублей.

2. Въ случаѣ недостатка наемныхъ мореходныхъ судовъ, получать имъ казенныя суда по цѣнѣ, во что оные казнѣ обойдутся съ уплатою, какъ и деньги.

3. Знающихъ мореходство шкиперовъ и штурмановъ отпускать имъ казенныхъ на торговыя ихъ суда, на основаніи устава о водоходствѣ, также и флотскихъ офицеровъ, если охотники будутъ находиться.

4. Доставить свободный пропускъ чрезъ Царьградъ въ Средиземное море вывозимой изъ Россіи пшеницы и всякаго рода хлѣба и продуктовъ россійскихъ, которыя способствовать можетъ обратить къ выпуску ихъ изъ Россіи.

5. Дозволить по Днѣпру вывозить изъ Бѣлоруссіи и Польши мачтовыя деревья и строевой лѣсъ.

6. Въ случаѣ опасностей по обстоятельствамъ войны, разбоевъ алжирскихъ и тунискихъ, для провожанія торговыхъ судовъ давать имъ конвой изъ находящихся на Средиземномъ морѣ или по близости военныхъ россійскихъ судовъ.

7. Ходъ торговыхъ судовъ по рѣкѣ Днѣпру и провозъ товаровъ по ней обезпечить надѣжнымъ условіемъ съ польскимъ правительствомъ, дабы со стороны ихъ кромѣ положенныхъ по условію платъ никакихъ притѣсненій чинимо не было.

8. По отлучкамъ отъ домовъ ихъ въ разныя мѣста торговли, домы ихъ и конторы уволить отъ постоевъ до окончанія урочныхъ лѣтъ, равно и самихъ ихъ не употреблять ни въ градскія, ни въ военныя службы.

9. Въ Царьградѣ состоять имъ подъ особливымъ покровительствомъ министра.

10. Въ случаѣ надобностей имѣть имъ прибѣжище надежное къ находящимся въ Архипелагѣ консуламъ съ высочайшимъ препорученіемъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Присоединяя къ гласу пользы и славы гласъ всеподданнѣйшаго ходатайства моего, подвергаю я сіе прозорливѣйшему благоусмотрѣнію вашему.

(Московское отдѣленіе общаго архива Главнаго Штаба, опись 194 связка 10: дѣла кн. Потемкина, 1774—1780 г. доклады Потемкина разнаго содержанія на Высочайшее имя безъ означенія годовъ).

И. Лучицкій.

Письмо жены гадяцкаго полковника Григорія Грабянки Евдокіи Ивановны къ брату своему Ивану Забѣлѣ. Григорій Грабянка, которому приписывается лѣтопись— «Дѣйствія презѣльной брани» былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ, (внукѣ двухъ генер. обозныхъ Петра Забѣлы по отцу и Василія Борковскаго—по матери). У Грабянокъ дѣтей не было, и вотъ почему Евдокія Ивановна ту тысячу «золотыхъ», которую она должна была получить по завѣщанію матери своей[1]), отъ брата Ивана Ивановича Забѣлы, даритъ крестной своей дочери «Улясенцѣ», обѣщая брату, что объ этомъ мужъ ея не будетъ знать, что она де ему скажетъ, что завѣщанныя матерью деньги она полностью получила.... Письмо писано въ то время, когда Григорій Грабянка былъ полковымъ судьею (1717—1726) и когда Иванъ Забѣла «выбирался въ далекую дорогу», т. е. въ Сулацкій походъ, весною 1725 г.[2]). Писано письмо конечно не самою «судіиною», такъ какъ, безъ сомнѣнія, она была неграмотна, но писало письмо лице, повидимому, довѣренное, можетъ быть мѣстный священникъ....

«Мосцѣ пане Іоанъ Забѣла, мой найкоханшій пане брате рожоній. Зычу вм. м. пану з милою панею отъ Госпота Бога добро-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1883 г., № 7, стр. 537.

[2]) См. Дневникъ Як. Марковича, изд. Кіевск. Стар., I, 254 и II, 114.

здравственного пребыванія и во всякихъ замыслахъ благополучныхъ поведеній, причемъ соболѣзную сердцемъ моимъ за вами, же такъ въ далекую дорогу вибираетеся и на долгое время. Чи не можно би отпроситыся въ Глуховѣ прилуцкимъ розыскомъ одъ сей дороги. О гроши, которіи пишете, тисячу золотихъ, даю дочцѣ моюй Улясенци да за мою душу, на сорокоуста, подасте, якъ умру, а я скажу пановѣ своему (т. е. мужу), якъ прииде, що безъ него у васъ отобрала всѣ гроши, а онъ щобъ васъ не турбовалъ нѣ в чомъ. Горѣлки стоятъ не проданы, бо не купуютъ нѣхто. Притомъ вм. мосцѣ пана Господу Богу въ сохраненіе поручаю и зостаю вашмости пану всего добра зичливая сестра Евдокія З(абѣлиная) Г(рабянковая) С(удіи-на) П(олковая) Г(адяцкая). З Гадяча, мѣсяця февраля 5 числа.»

Письмо списано съ копіи, внесенной въ домашнюю записную книгу б. т. Ивана Ив—ча Забѣлы, которую мы когда то видѣли у Ѳ. Г. Лебединцева.

А. Л.

Варіанты сказки о невѣрной женѣ. Сказки о невѣрной женѣ обстоятельно разобраны въ связи съ пѣснями на ту же тему Н. Ѳ. Сумцовымъ въ XII кн. «Этн. Обозр.» («Пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки». Дополненіе въ XVIII кн.); въ XVI кн. «Этн. Обозр.» г. Малинка помѣстилъ четыре варіанта сказки съ тѣмъ же сюжетомъ. Въ послѣднее время этотъ странствующій мотивъ снова подвергнутъ пересмотру по спеціальному вопросу о литературномъ источникѣ оперы Котляревскаго «Москаль чарівникъ» Н. П. Дашкевичемъ, который въ приложеніи къ своей статьѣ напечаталъ еще одинъ варіантъ сказки («Кіев. Стар»., т. 43). Наконецъ, въ мартовской книжкѣ «Кіев. Ст.» г. Перетцъ обратилъ вниманіе на схожій эпизодъ въ «Книгѣ Мудрости и Лжи» (сборникъ грузинскихъ басней и сказокъ, не поступавшій въ продажу). Въ дополненіе ко всѣмъ означеннымъ варіантамъ укажемъ еще сказки № 50 въ «Малор. народн. пред. и разсказахъ,» №№ 11 и 117 у Чубинскаго (II т.) и приведемъ слѣдующій новый варіантъ.

Дурный Иванъ. У одного мужика було три сыны: два розумныхъ, а третій дуракъ. Звалы ёго Иванъ. Передъ тымъ, якъ ихъ батько вмыравъ, позвавъ до себе й каже: «ось я вамъ усё оставляю; якъ я умру, ныхай сходка васъ роздиле, якъ зна соби». Умеръ ихъ батько, пишлы воны на сходку, а сходка й каже: «озьмить, кажный построй-

те загороду, а у вечери, якъ прыйде скотъ, то у чью скильки зайде, того стильки й буде». Такъ воны й зробылы; старшихъ два построилы загороды зъ хворосту, а дурынь зъ лободы. Тыкы дурынь писля того сыйчасъ лигъ спать, а старши браты сыдять, дожидають череды. Прыйшла череда,—такъ уся й пишла къ дурнёви у загинъ, а къ старшимъ тыки одна корова коростява зайшла. Воны сыйчасъ повыганялы скотъ зъ дурнёвого загона, повгонялы у свои, а ёму загналы тыки ту паршиву корову. На вутро встае дурынь, бачить: у ёго загороди тыки одна паршива корова. Бачe винъ, що ёго пидманылы, та ничого робыть,—винъ и тымъ остався доволепъ. Узявъ сыйчасъ, повивъ свою корову продавать у городъ. Иде винъ лисомъ, а у тому лиси було дерево таке, бурею ёго разщепыло,—то витеръ якъ подуе, то воно: скыргы, скыргы!—скрыпыть. Дурынь це почувъ,—думавъ, що це у ёго торгуютъ корову,—та й каже: «та ничого, я гроши пидожду!»—узявъ, прывязавъ корову до дерева, а самъ пишовъ до дому. Може тамъ черезъ недилю, або й бильшъ, иде винъ у лисъ за грошми; прыходе, ажъ ёго корова вже здохла. Дурынь и каже: «ишь, сукынъ сынъ, заморывъ корову!»—одъязавъ ій, зодравъ зъ неи шкуру, понисъ до дому сушыть. Высушывъ винъ ту шкуру, несе продавать у городъ. Иде винъ; вже вечырь, а до города ще далеко. Винъ заходе у хату (такъ, у поли стояла), а тамъ жинка и пипъ сыдять. Винъ каже: титко, чи не можна мени у васъ переночувать, бо до города ще далеко, а у ранци я соби пиду». Жинка й каже: «ни, чоловиче, нильзя, бо якъ чоловикъ мій прыйиде, то тутъ и тоби, и мени буде на горихи«. Ничого робыть, пишовъ винъ зъ хаты. А ця хата така була, що по-пидъ стрихою можно було улизты на горище. Дурынь сыйчасъ, недовго думавшы, выкынувъ на горище шкуру, а тоди й самъ улизъ. Улизъ, зробывъ у стели дзюрку и дывыцця, що тамъ у хати роблять пипъ изъ жинкою. Жинка усё выбига иодывыця: чи ны йиде ій чоловикъ; наконець, того вбига й каже: «ой ненько, куды жъ мени тебе, батюшка, ховать?—чоловикъ йиде! иды у комору та сховайся у дижи, а я писля выпустю тебе!» Чуе Иванъ, що прыйихавъ мужикъ, винъ тоди злизъ зъ горища й просыцця у нёго переночувать. Той согласывся. Пишлы воны въ хату, и шкуру за собою дурынь тягне. Уходять у хату, а жинка перехняпыла на одну сторону капоръ, на другу—спидныцю й лежить, стогне: «оохъ, Боже мій! Оохъ, охъ!» А чоловикъ ій й каже дурню: «це якъ бачишь чоловиче, усе бидна не здужа!» Иванъ и каже: «це скверне дило!»

Силы воны за стилъ, а дурынь положивъ свою шкуру соби пидъ ноги. Хазяинъ и каже жинци:

— Жинко, чи ты зварыла йисты?

«Оохъ, оохъ! Онъ, тамычки... охъ, охъ!... борщъ позавчорашній стоить у прыпичку.... охъ, охъ!... що ты варывъ.

Хазяинъ узявъ той борщъ, поставывъ на стилъ, прыглаша й дурня йисты. Йидять воны той борщъ,—такій, що бульбы по ёму ходять—а хазяинъ йисть, бо, звисно, зъ дороги захотивъ йисты,—ще й попитуе дурня. А дурынь бачивъ, що йивъ инъ, то вже цей борщъ и ны йде ёму у пельку. Вынъ узявъ та ногою дряпъ по кожи!

— Эй, мовчи, бо я на тебе ны подывлюсь, сыйчясъ одлуплю!

«А що тамъ таке?

— Та,—то моя шкура пащикуе.

«Що жъ вона каже?

— Та, мало чого вона ны наговоре, що у васъ е у хазяйстви, та ій слухать!..

« Та скажи-жъ, що вона тамъ каже?

— Та вона каже, що у печи борщъ изъ кашою.

А хазяйка стогне: ээхъ, эхъ, ны здужаю!

«Хмъ! жинка! а ты й ны кажишь ничого, що въ тебе у печи е борщъ?

— Охъ, ээхъ!... Та я ны знаю.... ой, охъ!... то, мабудь, маты, якъ прыходылы.... ой, Боже мій! охъ!... та зварылы!

Хазяинъ выйнявъ той борщъ; йидять воны зъ Иваномъ, а Иванъ опьять свою шкуру: дряпъ!

— Эй, шкура барабаньска! я тебе попащикую!

«А що вона ще каже?

— Та що вона каже! Вона каже, що у твоеи жинки подъ подушкою стоить кварта горилки.

«Хи, хи! А ты, жинко, ничого й ны кажишь, що въ тебе е горилка?

А хазяйка: «Ээхъ ээхъ! А, Боже мій, хиба я знаю, де та тамъ горилка?... Ой, ненько! Оохъ!... То, мабудь, маты прыходылы... охъ!... та прынысли для тебе... оохъ, охъ!»

Напывся Иванъ изъ хазяиномъ горилки,—опьять свою шкуру шкарябъ!

— Ээй, чуишь! смотры ты мени! Я не пожалію пьятака, а куплю на тебе батигъ!

«А шо тамъ? Вона ще що каже?

— Що каже? Вона каже, що у печи вареныки зъ сыромъ.

А хазяйка: «Оохъ, лышечко, ой, не здужаю!»

Эгээ!? Я, якъ подывлюсь, то ты усёго наварыла й напекла, а мене поштуешь позавчорашнимъ борщемъ!.. Уставай-ка лышинь! Давай сюды вареныкы!

А хазяйка свое: «Ой, ненько! Оохъ, у кисточкахъ ломыть!»

«Ну, ну, швыдче мени! Уставай!»

Ничого робыть, устае паша баба, подае на стилъ вареныкы. Тики що вона поставыла вареныкы, а дурынь опять свою шкуру шкрябъ!

— Ээй, смотры ты мени!

Кажы, що тамъ вона ще каже?

Та вона каже, щобъ жинка твоя уставала, та ставила кринъ, та щобъ запарювала бычи.

Вставай-ка, жинко, заварюй кринъ!

— Ой, ненько, не здужаю!

«Ну, уставай, лярво собаче, бо я сыйчасъ тебе побью!

Устала жинка, заварюе кринъ, а чоловикъ запарюе бычи. А Иванъ оньять—шкрябъ свою шкуру.

— Эй, мовчи! эй, мовчи, бо онъ бычи вже паряцця, то я живо на тоби ихъ побью!

«А що тамъ таке ще вона каже?—пыта хазяинъ.

— Та вона каже, щобъ я узявъ свичку, та шовъ попереди у комору, а вы за мною нысты бычи, а жинка ваша—окринъ, та тамъ запаремо кадку, бо у васъ е спорчына.

Пишлы воны у комору, а пинъ ни живый, ни мертвый сыдыть у бочци. Хазяинъ и каже жинци:

— Лый у бочку кринъ!

«Оохъ! охъ! Не пидныму!

— Лый, тоби говорять, бо я сыйчасъ побью на тоби бычи!

Вылыла бидна жинка той окринъ у кадку, а видтыля пинъ выскочивъ, та: пфъ, пфъ, пфъ!—такъ ёго кыпяткомъ ошпарыло. А тутъ ще чоловикъ на ёго насивъ зверху, та й давай ёго лупыть бичамы! Попобывъ ёго добре, такъ що пинъ ледви дотягнувъ ногы до дому. Затимъ донався й до своеи жинки: «такъ ось що значить, якъ ты нездужаишъ! безъ мене попивъ до себе прыймаешь! ось я тоби покажу, яки поны!» Побывъ винъ жинку добре, писля—до Ивана: «чоловиче, ну та й брава въ тебе шкура,—усе зна! продай лышинь мини

ін! Що ты за нен хочешь?» А Иванъ каже: «гмъ! що я хочу?.. це шкура дорога! якъ ласте сто рубливъ, то буде ваша!» Хазяинъ каже: та у мене наберецця съ пьятдесятъ рубливъ, а пьятдесятъ нидожды, ось я збигаю до сусида та позычу у него». Купивъ винъ ту шкуру, простылывъ рядныну, положивъ на нен ту шкуру, щобъ не пылылась, а на другый день пойихавъ зъ Иваномъ: Иванъ до себе, а винъ у городъ; уйижжа та й каже жинци: «дывысь теперъ мини! шкура усе роскаже, що ты тутъ будышь робыть!...» Тики що чоловикъ уйихавъ, а до жинки прыбига ін маты,—вже рознюхала, що ін бывъ чоловикъ,—та й каже: а що, дочко, тебе бывъ чоловикъ?» А дочка й одвича ін: «ну, та що, шо бывъ, вамъ яке дило? Колы бывъ, то було за що. Идить соби тою дорогою, видкиля й прышлы!» —а вона такъ говорыть, бо надіецця, що шкура роскаже усе чоловикови. Бижить до нен сусидка: «а шо тамъ таке? я чула, що тебе бывъ чоловикъ?» — Ну та що-жъ, шо бывъ? а вамъ яке дило? — «Ты скажи, серце мое, я никому ны буду казать!» — Идить, идить соби, бо якъ чоловикъ прыйиде, то мини й вамъ буде, лучче не уводьте у грихъ!— Выпроводыла й ту. Прыйижжае чоловикъ; сыйчасъ до своен шкуры, спрашивать, чи ны бувъ тутъ хто?—може тамъ цилый часъ ін спрашивавъ, а вона усе мовчыть, бо, звисно—шкура, якъ шкура!...

А Иванъ тимъ часомъ прыйшовъ до одныен рички, дывыцця —втопленныкъ на берези лежить. Винъ сыйчасъ свалывъ его соби на плечи и понисъ берегомъ. Побачивъ—човнинъ стоить на берези; винъ сыйчясъ того втопленныка посадывъ у той човнинъ, попидпыравъ его, щобъ винъ не впавъ, давъ у руки весло и пошхнувъ его у ричку, а самъ сховався у осоку и сыдыть. Колы це иде хазяинъ того човна, побачывъ, що хто-сь у его човни плавае,—давай крычять на того мертвеця, бо винъ думавъ, що то живый чоловикъ (бо вечырь, то не выдко добре), крычыть на его; «хмъ, чи вы бачилы?! прыйшовъ, узявъ чужый човинъ, та йизде соби!.. а, йидь-ко сюды чоловиче!» Той мовчыть. Поругавъ, поругавъ хазяинъ того втопленныка, потомъ узявъ, розувся, узявъ палыцю и полизъ у воду, щобъ однять човинъ. Дойшовъ до човна, а тоди якъ ужаре того мертвеця палыцею,—а Иванъ тутъ якъ тутъ,—выскочывъ и крычыть: «аа, сукынъ сынъ! такъ ты ще будешь людей вбывать!» А той рыбакъ каже: «таа цыть! —Якъ то цыть?—каже Иванъ: людей вбываешь, та ще й цыть?!— славне дило!— «Таа цыть!» —Якъ то цыть?! дай сто рубливъ, то буде цыть!— «Та дамъ тоби й сто рубливъ, тики мовчи!» —Ну, то такъ бы й було напередъ казать, а то: цыть та цыть!—Узявъ Иванъ сто руб-

ливъ,—вже у его двисти рубливъ е. Писля того розійшлись: рыбакъ пишовъ до дому, а Иванъ одійшовъ трохи, а писля, якъ вже того не чуть було, вернувся, узявъ того втопленныка й опьять иде изъ нымъ на плечахъ. Иде лисомъ, баче: йиде пипъ, а ззаду бижить лоша,—чорт зна де тягнецця; винъ сыйчасъ уніймавъ те лоша, посадывъ на его мертвеця, а ноги прывязавъ по-пидъ черевомъ, щобъ не впавъ,—а тоди пустывъ, а самъ иде за нымъ по-за кущами. Колы це пипъ оборачуитця, щобъ подывыцця, чи далеко лоша,—обвертаитцця, бачыть: на его лошати чоловикъ йиде,—винъ и крычыть: «злизь ты, сякый-такый! чи ты здурівъ сидать на лоша?! щобъ зломыть спыну?» Той мовчыть. Пипъ тоди злизъ зъ брычки, иде до его, пидходе,—а винъ сыдыть. Винъ тоди его якъ ны вчысте патерыцею,—той и звалывся. А Иванъ тутъ до попа: «а що це вы, батюшка?—хиба попы бьють людей?!—Та цыть!—«Якъ то-цыть?—вбываете людей, та ще й цыть?! дайте сто рубливъ, то я замовчу, ще й заховаю его!» Пипъ, звисне дило, зрадивъ, давъ Ивану сто рубливъ, а самъ пойихавъ. Тоди Иванъ узявъ того мертвеця, убросывъ его у кущъ, а самъ пишовъ вже до дому.

Прыходе до дому, а бративъ нема, уйихалы у городъ, и безъ ихъ вмерла ихъ маты; дурынь якъ разъ на це и наскочивъ. Що тутъ робыть?.. Грошый не хочыцця своихъ тратыть, а въ бративъ, може нема! думае соби Иванъ: заховаю я ій на чужый счотъ! Узявъ, посадывъ ій на повозку, положывъ попередъ ій крашанки, а самъ сивъ спереду; йиде и усе оглядуицця назадъ: чи ны впала вона. Прыйижжа винъ у городъ; жидокъ побачывъ, що винъ везе крашанки, подбига: «чуишь, титко! продаешь крашанки?» Та мовчыть. А дурынь усе оглядуицця, чи не впала его маты. Жидъ опьять: «а почому, жынко, крашанки?» Та мовчыть—звисно,—мертва. Ихъ! жидъ якъ разсердыцця, якъ упече ій крашанкою,—вона й упала. А Иванъ сыйчасъ тутъ до его, наробывъ крыку, гвалту. Позбигалысь люды; прысудылы того жида заховать покойныцю на свій счотъ. Прыйижжа Иванъ до дому, а браты его тожъ вже попрыйижжалы; спрашуютъ: «чи не бачывъ ты матери?—Гмъ, я вже ій й похоронывъ!—Тутъ винъ усе росказавъ якъ було.

И доси Иванъ живе та усихъ людей дурыть, дарма що самъ дурынь.

(Дер. Арнаутовка (Красноглазовка), близъ г. Елисаветграда херс. г. Запис. Янковскій).

Приведенный варіантъ ближе всего къ польской сказкѣ въ собраніи Хелховскаго (Сумцовъ, «Этн. Об.» кн. XII, стр. 111—112);

особенность его—та, что разсказъ о невѣрной женѣ является въ немъ лишь въ качествѣ эпизода въ повѣствованіи о различныхъ похожденіяхъ плутоватаго дурня. Подробность о продажѣ дурнемъ коровы встрѣчается въ одной сказкѣ у Чубинскаго (II, № 4 на стр. 495; «Про трохъ бративъ). **В. Ястребовъ.**

Къ біографіи А. А. Котляревскаго. Въ числѣ рукописей, поступившихъ въ 1877 году въ библіотеку Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ составѣ всей библіотеки покойнаго профессора Московскаго университета и академика С. П. Шевырева, находится небольшая тетрадка въ 4⁰, озаглавленная: «Древняя Малороссія въ ея пѣсняхъ. (Опытъ характеристики народа по памятникамъ народной словесности). Студента историко-филологическаго факультета 2-го курса Александра Котляревскаго». Эта студенческая работа весьма извѣстнаго впослѣдствіи слависта и профессора Кіевскаго университета А. А. Котляревскаго († 29 сентября 1881 года), по всей вѣроятности досталась Шевыреву, какъ декану историко-филологическаго факультета въ это время, а писана была для О. М. Бодянскаго—м. б. даже по вызову и на тему послѣдняго. А. А. Котляревскій, окончившій курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ въ Московскомъ университетѣ въ 1857 году и слушавшій у О. М. Бодянскаго разныя отрасли славяновѣдѣнія, навсегда сохранилъ о своемъ учителѣ благодарную память, и въ посвященной ему некрологической замѣткѣ причисляетъ себя къ тѣмъ «многимъ ученымъ представителямъ славяновѣдѣнія», которые «обязаны многимъ» Бодянскому [1]). Ему, «какъ первому своему учителю славяновѣдѣнія», посвятилъ онъ свою книгу, объ Оттонѣ Бамбергскомъ (Прага 1874).

Можно предполагать, что названная курсовая работа была первымъ болѣе или менѣе обширнымъ и цѣльнымъ учено-литературнымъ опытомъ будущаго слависта, который, по словамъ близко знавшаго его лица, явился въ Московскій университетъ уже съ опредѣлившимися до значительной степени вкусами и стремленіями. Его занимала исторія, а въ исторіи на первомъ планѣ онъ видѣлъ народъ съ его вѣрованіями, думами и обычаями» [2]). Какъ уроженецъ Малороссіи,

---

[1]) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. I. Кіевъ 1879, стр. 301.

[2]) Помянка по А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1881, стр. 7, ст. П. И. Аландскаго „А. А. Котляревскій. Некрологъ".

даровитый студентъ взялъ для сочиненія своему профессору—малороссу же—такую тему, въ которой его рано пробудившееся сочувствіе къ этнографическому (въ широкомъ смыслѣ) элементу въ исторіи нашло себѣ приложеніе въ сферѣ интересовъ, близкихъ не только его уму, но и сердцу: историческія судьбы малорусскаго народа, его письменная и устная словесность, его современное состояніе были предметомъ постояннаго вниманія А. А. Котляревскаго, который, по свидѣтельству оффиціальной его біографіи, «былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ южнорусской народной словесности и сочувственно слѣдилъ за разработкой ея» [1]).

Въ виду этого, а также въ ожиданіи подробной біографіи А. А. Котляревскаго при издаваемомъ теперь Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Импер. Академіи наукъ собраніи сочиненій покойнаго слависта, намъ кажется не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ юношескомъ ученомъ его опытѣ.

Сочиненіе, какъ заявляетъ самъ авторъ въ особомъ введеніи («О малороссійскихъ народныхъ пѣсняхъ и думахъ»), основано главнымъ образомъ на слѣдующихъ работахъ: *Н. Костомарова* «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Харьковъ 1843; *О. Бодянскаго* «О народной поэзіи славянскихъ племенъ» М. 1837; *М. Максимовича* «Украинскія народныя пѣсни». Ч. I. М. 1834; *И. Срезневскаго* «Взглядъ на памятники украинской народной словесности. Письмо къ проф. Ив. М. Снегиреву». Уч.-Зап. Моск. университета 1834 ч. VI. Въ концѣ «введенія» авторъ такъ говоритъ о малорусскомъ народномъ творчествѣ, какъ историческомъ источникѣ, и такими словами опредѣляетъ задачу своего труда: «Въ малорусскомъ народѣ... живое чувство вдохновенія и поэзіи есть врожденный даръ природы; и дѣйствительно, вся самостоятельная жизнь малороссовъ, вся та жизнь, участіе въ которой бралъ весь народъ, интересы которой были вмѣстѣ и интересами всего народа,—вся эта жизнь цѣло и полно вылилась въ пѣсняхъ малороссовъ. Приступая къ разсмотрѣнію этихъ пѣсенъ, мы не остановимся на остаткахъ пѣсенъ періода языческаго, сохранившихся только въ пѣсняхъ хороводныхъ и обрядныхъ, остаткахъ, состоящихъ въ призываніи языческихъ боговъ и миѳическихъ лицъ: христіанство, совершенно противное духу язычества, должно было уничтожить эти пѣсни уже и потому, что

[1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Университета св. Владиміра. Кіевъ 1884, стр. 318.

всѣ таковыя пѣсни и язычн. игры считались бѣсовскими и воспрещались церковью. Мы не остановимся также на пѣснях имени Владимірова, ибо онѣ почти не сохранились въ народѣ. Мы начнемъ прямо съ того времени, когда образовалась малороссійская вольница; когда этотъ широкій разгулъ казацкой воли кровавою дорогою обозначилъ слѣдъ свой—и «не было отъ него житья ни турку, ни татарину»; когда потомъ образовалось казачье войско и, видя угнетеніе вѣры и родины, возстало на утѣснителей—и кровавыя битвы и пораженія сопровождали это возстаніе—здѣсь мы сосредоточимъ все свое вниманіе, потому что здѣсь истинное начало истинной поэзіи малоруссовъ; здѣсь въ первый разъ пробудился геній народа, долго, долго пребывавшій въ летаргическомъ усыпленіи; здѣсь то, въ этой борьбѣ съ татарами и съ ляхами развернулась душа народа; борьба эта есть первое общее дѣло малоруссовъ, а общее всегда близко сердцу, народа; оттого то вся эта эпоха такъ полно, ясно и цѣло вылилась въ народныхъ пѣснях. Я не буду въ началѣ излагать историческія событія, чтобы въ связи съ ними разсматривать пѣсни малоруссовъ; самое изображеніе жизни малоруссовъ такою, какою она является въ пѣсняхъ, самое изображеніе уже этой жизни—есть исторія самая вѣрная. Какъ прекрасно подходитъ къ пѣснямъ малоруссовъ пословица: «*пѣсня—быль*!».

Малорусскія пѣсни, которыя являются единственнымъ матеріаломъ историческаго изученія автора, онъ дѣлитъ на «мужескія» и «женскія», основываясь на томъ, что «это дѣленіе всего болѣе согласно съ духомъ и характеромъ пѣсенъ и есть дѣленіе, котораго держится и самый народъ». Далѣе идетъ изслѣдованіе «мужескихъ» пѣсенъ, историческое содержаніе которыхъ дѣлитъ авторъ, сообразно отразившейся въ нихъ жизни малорусскаго народа, на три періода: гайдамацкій или бурлацкій, казацкій и чумацкій. Разборъ пѣсенъ перваго періода приводитъ автора къ слѣдующему заключенію: «Отличительный и повсюду видный характеръ бурлацкихъ пѣсенъ есть глубокая, сильная жалоба на свою долю—неню, и эта жалоба выливается въ такихъ трогательныхъ, энергическихъ, проникающихъ въ душу и сердце звукахъ, что «по неволѣ заплачешь—и вчужѣ обольешься горючими слезами» (слова О. М. Бодянскаго). Въ этихъ то бурлацкихъ пѣсняхъ мы впервые встрѣчаемъ то, что такъ блистательно является во всей народной поэзіи малоруссовъ: я говорю о драматизмѣ—его породила эта борьба свободнаго духа съ необходимостію, съ «щербатою долею». Пѣсни бурлацкія имѣютъ великое значеніе и

важность въ исторіи жизни и поэзіи малороссовъ: въ нихъ мы видимъ взглядъ народа на несчастія и бѣдствія; видимъ, какъ справедливо замѣчаетъ Костомаровъ, человѣческое бѣдствіе такимъ, какимъ оно рисуется въ воображеніи малороссіянина. Пѣсни гайдамацко-запорожскія по своему характеру діаметрально противоположны пѣснямъ бурлацкимъ, и если мы въ послѣднихъ встрѣчаемъ борьбу съ судьбою и жалобы на нее, то въ пѣсняхъ гайдамацко-запорожскихъ видна совершенная гармонія между свободою духа и судьбою, совершенное довольство послѣднею: гайдамакъ доволенъ судьбою, онъ любитъ свою разгульную жизнь. Оттого общій характеръ пѣсенъ гайдамаковъ есть необузданная дикая удаль, какъ главная черта народнаго характера, и безцѣльная жажда грабежей и битвъ, какъ слѣдствіе таковаго характера».

Разборъ пѣсенъ казацкаго періода предваряется такими историческими соображеніями: «Постепенно и медленно дряхлѣла увядающая разгульная жизнь запорожцевъ, мало-по-малу изсякалъ источникъ этой бѣшеной богатырской жизни. Запорожецъ уже сталъ не таковъ, какимъ бывалъ прежде: рыцарская безбрачность и эти постоянныя битвы утомляли его... Душа его стремилась къ чему-то болѣе положительному, Но не вдругъ однако угасла эта богатырская жизнь Запорожья: въ ушахъ сыновъ его еще «звенѣла прадѣдная слава», и жизнь этой безбрачной и (если можно такъ сказать) безцѣльной вольницы продлилась еще на нѣкоторое время... Естественная склонность и влеченіе къ семейственности отняли многихъ храбрыхъ витязей у Запорожцевъ—они селились около Днѣпра: въ Сѣчи не было мѣста обабившимся... Вотъ первый зародышъ, первое основаніе козачества! Постепенно увеличивалась эта масса людей семейныхъ, мало-по-малу образовались хутора, сёла, а потомъ и города. Жизни запорожской нанесенъ послѣдній ударъ: она гаснетъ—и на мѣсто Запорожья выступаетъ козачество, сферу дѣятельности котораго можно безошибочно назвать гражданственно-воинской». И далѣе, до конца сочиненія, идетъ разборъ этихъ пѣсенъ второго періода по рубрикамъ: 1 преданность козаковъ вѣрѣ, 2) товарищество, 3) удаль, 4) любовь къ родинѣ.

Такимъ образомъ, въ нашей тетрадкѣ имѣемъ мы не все сочиненіе студента Котляревскаго, такъ какъ по плану долженъ былъ слѣдовать далѣе разборъ пѣсенъ чумацкихъ и затѣмъ «пѣсенъ женскихъ. Въ концѣ послѣдняго листа стоитъ подпись: «конецъ 1-ой половины», но была-ли написана и 2-ая половина, мы не знаемъ.

Намъ думается все-таки, что не смотря на компилятивность этой студенческой работы А. А. Котляревскаго, она можетъ имѣть нѣкоторый интересъ для его біографіи въ томъ смыслѣ, что указываетъ на значительную серьезность занятій его любимымъ предметомъ уже на второмъ курсѣ университета, а приведенныя выдержки могутъ служить до нѣкоторой степени свидѣтельствомъ того, что живость изложенія, сдѣлавшаяся впослѣдствіи одной изъ отличительныхъ особенностей ученыхъ работъ Котляревскаго, проявляется уже и въ его студенческомъ опытѣ, обличая талантъ, много способствовавшій позднѣе вліянію К—го на своихъ слушателей и читателей и въ живомъ словѣ, и въ печатныхъ произведеніяхъ.

Е. Пѣтуховъ.

Справка о практическихъ занятіяхъ студентовъ по предмету россійской словесности въ первые годы жизни Университета св. Владиміра. Въ помѣщенной выше статьѣ В. Пискорскаго „Изъ прошлыхъ лѣтъ Кіевскаго Университета“ говорится, по поводу сочиненій первыхъ студентовъ, что профессору россійской словесности приходилось тогда, кромѣ обязанности чтенія лекцій, вести еще со студентами занятія чисто гимназическаго свойства, а именно—упражнять ихъ въ писаніи сочиненій, и что М. А. Максимовичъ установилъ особые часы для разбора образцовъ лучшихъ русскихъ писателей и наряду съ ними—студенческихъ сочиненій. Въ дополненіе къ этому мы можемъ сообщить самую точную справку, такъ какъ у насъ имѣется печатное расписаніе лекцій за три года (1836—1838), а также нѣкоторые рукописные матеріалы изъ бумагъ М. А. Максимовича.

Въ $18^{36}/_{37}$ учебномъ году для разбора русскихъ писателей и студенческихъ сочиненій со студентами 2-го и 3-го курсовъ 1-го отдѣленія философскаго факультета положено было $1^{1}/_{2}$ часа въ недѣлю, а для разбора русскихъ писателей и упражненія въ слогѣ студентовъ 1-го курса всѣхъ факультетовъ опредѣлено было 3 часа въ недѣлю въ два дня (отъ $4^{1}/_{2}$ до 6 час. вечера). Сверхъ того, изъ оффиціальной бумаги на имя Максимовича о распредѣленіи занятій въ этомъ году видно, что разборъ авторовъ и студенческихъ сочиненій для 2-го и 3-го курсовъ возложенъ былъ на Максимовича, а упражненіе студентовъ 1-го курса въ русскомъ языкѣ—на исправляющаго должность адъюнкта Голубкова. Въ $18^{37}/_{38}$ году въ

расписаніи уже прямо опредѣлены для студентовъ 1-го курса всѣхъ факультетовъ 3 часа въ недѣлю *разбора сочиненій студентскихъ*. Кто велъ въ этомъ году этотъ разборъ—не знаемъ, только не Максимовичъ, такъ какъ въ рукописномъ отчетѣ его о занятіяхъ въ этомъ году указаны другія его работы со студентами, а именно: со студентами 2-го и 3-го курсовъ 1-го отдѣл. философск. факульт. онъ занимался критическимъ чтеніемъ русскихъ писателей и сочиненій студентскихъ $1^1/_2$ часа въ недѣлю, что въ расписаніи названо только разборомъ русскихъ писателей. Въ $18^{38}/_{39}$ году для 1-го курса всѣхъ факультетовъ остается по прежнему 3 часа въ недѣлю разбора сочиненій студентскихъ, а для 2-го и 3-го курсовъ 1-го отд. философ. факульт. опредѣлено $1^1/_2$ часа въ недѣлю „практическихъ упражненій въ россійской словесности".

Кромѣ этихъ данныхъ о практическихъ занятіяхъ студентовъ русскимъ языкомъ, мы имѣемъ возможность еще кое что получить изъ черновыхъ набросковъ отчетовъ Максимовича о своихъ занятіяхъ въ $18^{34}/_{35}$, въ $18^{36}/_{37}$ и въ $18^{37}/_{38}$ учебныхъ годахъ. Эти наброски сохранились среди бумагъ Максимовича и представляютъ небезъинтересную страничку для характеристики какъ самого Максимовича, такъ и преподаванія въ первые годы существованія кіевскаго университета. Оставляя до другого раза знакомство съ этими отчетами по главному содержанію ихъ, мы теперь извлечемъ изъ нихъ только свѣдѣнія, касающіяся практическихъ занятій со студентами.

Въ первые годы существованія университета, какъ сказано въ отчетѣ за $18^{34}/_{35}$ г., «кромѣ лекцій, слушатели упражняемы были еще въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ и въ критикѣ оныхъ; избраніе темъ предоставлено было имъ самимъ; отъ преподавателя были задаваемы слѣдующія: О Кириллѣ и Меѳодіи; О богослужебномъ славянск. языкѣ (еще одной темы нельзя разобрать). Въ отчетѣ за $18^{36}/_{37}$ годъ находимъ еще одну новую справку: „кромѣ того, (т. е. разбора писателей и собственныхъ сочиненій), профессоръ заставлялъ учащихся произносить изустныя лекціи о разныхъ предметахъ„. Тутъ-же находимъ и такую справку: „Изъ учащихся особенно отличились рѣшеніями заданной темы студенты—казеннокоштный *Костырь* (о немъ сказано въ ст. В. Пискорскаго) и своекоштный *Терешкевичъ*; оба они заслуживаютъ похвалу по успѣхамъ въ словесности русской, по названія *отличнаго* студента въ русской словесности, и по любви, и по прилежанію къ ней, заслуживаетъ Костырь. Въ дарѣ изустна

го чтенія отличались: онъ-же, Костырь, и бывшій въ университетѣ казеннокоштный студентъ *Туловъ*“.[1]) Наконецъ, въ отчетѣ за $18^{37}/_{38}$ годъ опять встрѣчаемъ еще одну новую группу практическихъ занятій со студентами, а именно: „съ казеннокоштными студентами 4 кур. 1 отд. филос. ф. по 2 часа въ недѣлю занимался наставленіемъ въ ихъ преподаваніи русской словесности въ гимназіяхъ“. Это послѣднее прекрасно разъясняется сохранившимся въ бумагахъ Максимовича документомъ „Выписка изъ правилъ для педагогическихъ занятій съ казеннокоштными студентами, утвержденныхъ Г. Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа 16 генваря 1837 года“, который мы и помѣщаемъ въ полномъ видѣ.

«Проэктомъ устава университета Св. Владиміра назначены особыя *Педагогическія занятія* для казенныхъ студентовъ, предназначенныхъ къ званію учителей, и опредѣляются слѣдующими параграфами:

§ 67. Студенты, предназначаемые къ званію учителей, сверхъ слушанія университетскихъ курсовъ, получаютъ руководство въ практическихъ упражненіяхъ по части отечественной словесности, древнихъ языковъ, математики и педагогики, сочиняютъ разсужденія, произносятъ пробныя лекціи и подъ надзоромъ профессоровъ даютъ уроки въ училищахъ“.—

§ 68. Наблюденіе за учебною частію приготовляемыхъ къ учительскому званію студентовъ возлагается на профессоровъ: россійской словесности, древней филологіи, философіи и чистой математики. Изъ нихъ профессоръ философіи преподаетъ педагогику. — Независимо отъ преподаванія въ университетѣ, профессоры сіи обязаны заниматься по 2 часа въ недѣлю съ оными студентами.

§ 69. Если кто либо изъ приготовляемыхъ къ учительскому званію не окажетъ достаточныхъ успѣховъ въ два полугодичныя испытанія, таковый съ разрѣшенія Министра исключается изъ числа казенныхъ студентовъ.

На основаніи сихъ §§. проэкта устава и предложенія г. Попечителя за № 4340, Совѣтъ университета положилъ сіи занятія расположить слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Въ 1837 году онъ былъ удаленъ изъ университета за какое-то столкновеніе съ инспекціей, но потомъ опять былъ принятъ въ университетъ, пробывъ одинъ годъ учителемъ приходскаго училища.

I. Такъ какъ къ званію учительскому предназначаются студенты только Философскаго факультета обоихъ отдѣленій, то дополнительныя педагогическія занятія съ ними четырехъ профессоровъ можно раздѣлить такимъ образомъ.—

а., съ студентами I-го отдѣленія занимаются три профессора: *Русской словесности, древней* филологіи и философіи.—

б., съ студентами II отдѣленія два профессора: Философіи и чистой Математики.

II. Занятія сіи вообще не относятся къ пополненію свѣдѣній студентовъ: ибо, кромѣ педагогики, всѣ вышеозначенные предметы читаются на общихъ университетскихъ лекціяхъ, и слѣдовательно въ объемѣ и степени достаточныхъ для учителя гимназіи; дальнѣйшее же обогащеніе себя свѣдѣніями зависитъ уже отъ нихъ самихъ. Занятія сіи относятся собственно къ усовершенствованію ихъ практической способности передавать свою науку въ степени соотвѣтственной классу ученика и его возрасту, и свои уроки направлять къ развитію умственныхъ силъ учениковъ.

III-е. Посему, кромѣ того что каждый изъ профессоровъ будетъ отдѣльно наставлять ихъ въ лучшемъ способѣ преподаванія своей науки, Профессоръ философіи особо раскроетъ для всѣхъ ихъ общія основанія *Педагогики.*

IV. Для пріученія студентовъ къ практическому преподаванію и для раскрытія въ нихъ способности къ тому профессоры главнѣйшими средствами избираютъ: изустное чтеніе студентами лекцій и сочиненія письменныхъ разсужденій.

V. Лекціи о предварительно заданныхъ отъ профессоровъ предметахъ читаются ими изустно предъ своими товарищами: профессоръ присемъ сообщаетъ имъ свои замѣчанія вообще и объясняетъ имъ особые пріемы и способы, кои иногда встрѣчаются въ каждой наукѣ.—Въ сихъ задачахъ для лекцій профессоры наблюдаютъ постепенность: сначала задаютъ лекціи, какія студентъ читалъ бы въ высшихъ классахъ гимназіи и которыя сначала ему удобнѣе читать, но потомъ уже переходятъ къ низшимъ частямъ науки, къ элементарному преподаванію въ первыхъ классахъ, которое, какъ начинательное для ученика, требуетъ отъ учителя особенного умѣнья и сноровки.—Въ послѣдній годъ бытности своей въ университетѣ, студенты даютъ нѣсколько уроковъ въ гимназіи или уѣздномъ училищѣ, смотря по назначенію ихъ и другимъ обстоя-

тельствамъ.—При началѣ своихъ занятій профессоръ изъясняетъ общія правила преподаванія своей науки.

VI. Что касается до сочиненія *разсужденій* то для оныхъ также избирается *форма письменной лекціи* для возможно большаго пріученія ихъ къ правильному построенію и лучшему выраженію лекцій изустныхъ.—Поелику же учители обязаны произносить и рѣчи на гимназическихъ актахъ, и преимущественно по своему предмету, то и въ *формѣ рѣчи* студентъ долженъ написать хотя одно разсужденіе о своемъ предметѣ, и къ слушанію таковыхъ приглашается профессоръ словесности.

VII. Поелику отъ училищнаго начальства назначены для гимназій извѣстныя руководства по каждой наукѣ, то профессоръ знакомитъ ближе студентовъ съ сими руководствами, чтобы они, имѣя ихъ въ виду при своемъ преподаваніи, умѣли ихъ направлять, а въ случаѣ нужды исправлять и дополнять, къ вящшей пользѣ учениковъ своихъ.

VIII. Для сей цѣли ректоръ университета, завѣдывающій ходомъ педагогическихъ занятій, заботится о снабженіи студентовъ гимназическими учебными книгами.

IX. Профессорамъ назначено по проэкту устава употреблять на педагогическія занятія по 2 часа въ недѣлю: избраніе сихъ часовъ дѣлается сообразно общему распредѣленію часовъ университетскихъ преподаваній, въ свободное отъ нихъ время. Принимая во вниманіе большое число оныхъ часовъ въ университетѣ Св. Владиміра и самое распредѣленіе наукъ по курсамъ и дабы избѣжать излишняго обремененія студентовъ, необходимо и занятія педагогическія раздѣлить по курсамъ.

Занятія съ студентами 1-го отдѣленія филосовскаго факультета.

Занятія латинской словесностію и языкомъ назначаются во 2 и 3 курсѣ. Профессоръ занимается изъясненіемъ тѣхъ авторовъ, кои положено проходить въ высшихъ классахъ гимназій,—заставляя между тѣмъ студентовъ читать лекціи о правилахъ латинскаго языка, изъясняться на ономъ изустно и письменно.

Профессоръ философіи занимается съ студентами 4 го курса. Для обоихъ отдѣленій онъ изъясняетъ основанія педагогики и упражняетъ студентовъ 1-го отд., подобно другимъ профессорамъ, въ преподаваніи логики, обращая вниманіе на особое приноровленіе оной къ понятіямъ молодаго возраста и на практическое приложеніе оной, особенно къ грамматикѣ и риторикѣ.

Для занятія преподаваѣмъ русской словесности назначается 4 курсъ студентовъ 1-го отд., ибо только въ 3-мъ курсѣ и первомъ полугодіи 4-го проходится теорія словесности на общихъ и логика съ педагогикой на педагогическихъ лекціяхъ. По сему 1-е полугодіе опредѣляется для чтенія лекцій изъ исторіи русской словесности и піитики,—а 2-е остается для риторики съ грамматикой и для чтенія рѣчей».

В. Науменко.

Дорогой хлѣбъ. Всякое выдающееся событіе, или явленіе воспроизводится обыкновенно пародомъ въ болѣе или менѣе фантастическомъ разсказѣ. Напр., еврейскій погромъ въ лубенскомъ уѣздѣ сопровождался разсказомъ о какой то барынѣ въ Кіевѣ, будто бы нанимавшей крестьянъ истреблять евреевъ. Около того же времени, въ окрестностяхъ Лубенъ видѣли стараго священника, раздававшаго деньги для этой же цѣли и оказавшагося потомъ антихристомъ. Его появленіе указывало на приближающійся конецъ міра. Тогда же, во многихъ мѣстахъ оржицкой и селецкой волостей, какая то женщина съ распущенными волосами, въ одной сорочкѣ останавливала жнецовъ крикомъ: «годи, годи робыты, бо на пущання вже конець викови!»

Позже, опустошенія, произведенныя дифтеритомъ въ с. Литвякахъ, волчковской вол., объясняли закладкой новой колокольни въ этомъ селеніи «на дитей». Импровизаціи, похожія на приведенныя г. Лѣсковымъ въ «Недѣлѣ» по поводу холеры, имѣли мѣсто также и въ с. Волчкѣ при тѣхъ же обстоятельствахъ. Отрожденіе итальянской саранчи (кобылки, пруса) на сѣверной окраинѣ уѣзда, вызвало разсказы о прорывѣ неба; будто изъ отверзтія валилась съ неба саранча, какъ изъ торбы, и что опыты зарыванія саранчи въ землю въ мѣшкахъ не приводили къ результату, т. к. при откапываніи торбы оказывались опять пустыми.

(Записанъ въ с. Литвякахъ, лубенск. уѣзда).

Сообщилъ **В. Милорадовичъ**.

Объ антропологическомъ типѣ малороссовъ. Изъ сообщеній по антропологіи, доложенныхъ IX съѣзду естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ,одно, сдѣланное Н. В. Гильченкомъ, было посвящено

разсмотрѣнію антропологическаго типа малороссовъ. Краткую замѣтку объ этомъ сообщеніи мы находимъ въ № 8 Дневника съѣзда.

Изъ сопоставленія собственныхъ антропологическихъ изслѣдованій и наблюденій надъ малороссами кубанской области съ данными другихъ авторовъ, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что преобладающимъ типомъ среди малороссовъ является свѣтлый, который, повидимому, обладаетъ большей жизнеспособностью, чѣмъ темный типъ (темные волосы и темные глаза), почему послѣдній и поглощается первымъ. Величины, полученныя, при измѣреніи, для различныхъ черепныхъ и лицевыхъ размѣровъ, заставляютъ признать большое сходство малороссовъ со многими иранскими и тюркскими племенами, сходство, давно уже подмѣченное историками и этнографами, а теперь подтверждаемое антропометріей.

Л. С.

Библіографія.

1) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка 1729–1730 годовъ. Сообщилъ Н. П. Василенко. Кіевъ 1892. 40 стр. (Оттискъ изъ VII книги «Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца»).

2) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка 1729–1730 годовъ. Изданіе Полтавскаго губернскаго статистическаго комитета. Полтава 1893. 45 стр.

Не такъ давно на страницахъ Кіевской Старины помѣщенъ былъ отзывъ объ изданномъ А. М. Лазаревскимъ Черниговскомъ слѣдствіи о маетностяхъ, а въ настоящее время мы можемъ уже привѣтствовать продолженіе этого изданія. По рукописямъ библіотеки г. Лазаревскаго Н. П. Василенко напечаталъ Кіевское и Гадяцкое слѣдствіе, первое въ «Чтеніяхъ», второе въ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» и отдѣльно, и такимъ образомъ дѣло изданія этого драгоцѣннаго памятника представляется значительно подвинувшимся впередъ. О характерѣ самого матеріала, равно какъ о значеніи его въ дѣлѣ разработки историческаго прошлаго гетманской Малороссіи мы имѣли уже случай говорить и потому, не повторяя здѣсь сказаннаго раньше, обратимся прямо къ характернымъ особенностямъ настоящихъ изданій. Въ ряду этихъ особенностей на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить изданіе при слѣдствіи Гадяцкаго полка и всѣхъ приложенныхъ къ нему въ рукописи документовъ. Главный интересъ послѣднихъ, состоявшихъ изъ гетманскихъ универсаловъ и царскихъ жалованныхъ грамотъ на маетности и прошеній отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ разрядовъ старшины о подачѣ имѣній, сводится къ обрисовкѣ вопросовъ, касающихся землевладѣнія «державцевъ» въ предѣлахъ Гадяцкаго полка. Издатель отмѣчаетъ постепенный ростъ этого землевладѣнія, принявшаго наиболѣе широкіе размѣры за время гетмана Скоропад-

скаго (слѣдствіе о маетн. Гад. п., с. 2). Не менѣе любопытно опредѣлить тѣ формы, подъ какими оно здѣсь развивалось: въ полку, имѣнія котораго уже съ 1662 года были въ полномъ своемъ составѣ отданы «на гетманскую булаву», не оказалось мѣста для свободныхъ войсковыхъ селъ, плохо прививалась въ немъ и форма ранговаго владѣнія полковыхъ и генеральныхъ старшинъ. Въ 1730 г. полковые судьи, писарь и асаулы обратились по составленіи слѣдствія къ гетману Апостолу съ просьбой, жалуясь, что за свои труды „войскового респекту и на ранги свои опредѣленія жадного не имеемъ, ибо якіе на которій чинъ маетности прежде насъ пишли, тіе теперъ стали за другими владѣльцами» и прося «на чини наши по сколку дворовъ опредѣлити, дабы и мы, въ настоящомъ служеніи будучи, могли чимъ убогіе домишка наши препитати, а паче, когда случай до походу укажемъ, могли бы на чемъ службы ея императорскаго величества служити». Тогда же просили о надачѣ ранговыхъ маетностей и 8 сотниковъ Гадяцкаго полка, ссылаясь на то, что «по другихъ полкахъ мало не всѣ сотники и значковіе респектомъ войсковымъ доволны», а въ Гадяцкомъ «прежде зъ млиновъ части войсковіе на уряди сотничіе были определены, а нынѣ и зъ нашихъ купленныхъ части войсковіе отбырають». (Слѣдств. о м. Гад. п. приложенія, № I и II). Но наряду съ такимъ слабымъ развитіемъ ранговаго владѣнія, наиболѣе близко стоящаго къ свободнымъ войсковымъ селамъ, развитіемъ, слабость котораго обусловлена частью сравнительно рѣдкой раздачей маетностей на рангъ, частью перерожденіемъ розданныхъ на этомъ условіи маетностей въ наслѣдственныя, идетъ широкая раздача селъ подъ иными условіями „до ласки войсковой“ и въ „зупълное владѣніе“, благодаря которой въ предѣлахъ первоначальной гетманской волости слагается накопецъ группа частно-владѣльческихъ имѣній, весьма солидная по своимъ размѣрамъ. Въ 1730 г. въ полку числилось всего 75 маетностей съ 5,718 дворами посполитыхъ; изъ этого числа «замковыхъ было 29 маетностей и въ нихъ 2,673 двора, ранговыхъ 5 съ 704 дворами, монастырскихъ 5 съ 215 дворами, частно-владѣльческихъ—31 съ 2,066 дворами (въ томъ числѣ 2 маетности, въ которыхъ число дворовъ не показано) и оставленныхъ „до указу“ — 3 съ 60 дворами. Такимъ образомъ число посполитскихъ дворовъ, принадлежащихъ однимъ только частнымъ владѣльцамъ, безъ монастырей, достигло къ этому времени 36% общаго количества посполитыхъ въ полку и лишь на $\frac{1}{5}$ уступало числу посполитыхъ замковыхъ или гетманскихъ. Самые мотивы производимой гетманами па-

дачи бываютъ довольно интересны, доходя въ иныхъ случаяхъ до неподражаемой наивности, свидѣтельствующей въ свою очередь о патріархальности отношеній. Такъ напримѣръ, гетманъ Самойловичъ въ 1675 г. надаетъ Переяславскому и Гадяцкому протопопу Григорію Бутовичу с.с. Сары и Крутки не только потому, что онъ «непрестанно ведлугъ повеленя своего протопопского за достоинство великого государя...., также за насъ и все войско запорожское маестатъ божкій благаетъ, а жебы и въ далшій часъ до ублагання его жъ маестату божкого былъ охотнѣйшимъ и горливѣйшимъ», но еще и «видячи, же завше розумъ якъ духовного, такъ свѣцкого стану людемъ въ дому его вшелякая, отколь толко хто прійдетъ, зъ вираженемъ чести бываетъ вигода, теди въ нагороду тихъ его учинностей и людскости». Такимъ образомъ посполитымъ приходилось своимъ трудомъ оплачивать протопопскую вѣжливость и гостепріимство по отношенію къ „людямъ духовнаго и свѣтскаго стану". Значеніе вновь изданныхъ документовъ не исчерпывается однако освѣщеніемъ формъ старшинскаго землевладѣнія: хотя рѣже, въ нихъ встрѣчаются все таки указанія и на другіе крупные вопросы соціально-экономической жизни страны, наприм. на отношенія владѣльцевъ къ крестьянамъ надаваемыхъ имъ селъ. Любопытно отмѣтить, напр., характерное ограниченіе размѣра посполитскихъ повинностей, сдѣланное гетманомъ Скоропадскимъ при надачѣ с. Крутковъ въ 1710 г. вдовѣ Бутовича: гетманъ предписываетъ, «жебы (посполитые) ей Бутовичевой хочай не все цѣлое, еднакъ въ кошенію сѣна и въ иныхъ теперешнихъ лѣтнихъ работизнахъ отдавали послушенство» (Гад. сл., прилож., № L). Кошеніе сѣна и возка дровъ составляютъ «послушенство» и въ томъ случаѣ, когда маетность надается лишь временно, до отысканія другой (ibidem, прилож., № XXXVIII). Впрочемъ, по отношенію къ вопросамъ о повинностяхъ посполитыхъ и другимъ документы Гадяцкаго слѣдствія въ богатствѣ и разнообразіи данныхъ значительно уступаютъ актамъ другихъ полковъ, въ томъ числѣ и Кіевскаго. Въ этомъ послѣднемъ ранговое владѣніе также плохо развилось, его старшина также жаловалась Апостолу на отсутствіе у нея ранговыхъ маетностей, но причины этого явленія здѣсь были нѣсколько иныя. Уяснить ихъ себѣ до нѣкоторой степени можно уже сопоставленіемъ размѣровъ разнаго рода владѣнія. Въ 1730 г. въ Кіевскомъ полку всѣхъ маетностей числилось 195 съ 7966 дворами посполитыхъ; (въ 5 маетн. число дворовъ не означено); изъ этого числа свободныхъ войсковыхъ было 10 съ 614 дворами, спорныхъ маетностей 12 съ 614 дворами,

ранговыхъ—21 и въ нихъ 702 двора, владѣльческихъ—34 съ 702 дворами и монастырскихъ—118, а въ нихъ 4,364 двора (при этомъ въ 5 число дворовъ не показано). Слѣдовательно, монастырскія владѣнія одни составляли почти $^2/_3$ ихъ общаго числа. Намъ остается только пожалѣть, что уважаемый издатель не могъ напечатать вмѣстѣ съ Кіевскимъ слѣдствіемъ и приложенные къ нему документы, во многихъ отношеніяхъ представляющіе высокій интересъ, и пожелать, чтобы онъ поскорѣе получилъ возможность выполнить свое обѣщаніе, напечатавъ ихъ отдѣльно.

Переходя къ другимъ сторонамъ изданій г. Василенка, мы должостановиться на передачѣ рукописнаго текста въ печати. «При изданіи мы старались, говоритъ г. Василенко въ своемъ предисловіи къ Гадяцкому слѣдствію, сохранить какъ характеръ ея, такъ и правописаніе, находя, что послѣднее, далекое, конечно, отъ грамматической правильности, можетъ служить нѣкоторымъ пособіемъ при изученіи говоровъ малорусской рѣчи, въ виду того, что писецъ часто писалъ слова, очевидно, такъ, какъ произносилъ вставляя, напримѣръ, ъ безъ всякой грамматической надобности, замѣняя *о у* и пр.» (Ген. сл. о м. Гад. п., с. 2). Мы вполнѣ согласны, конечно, съ тѣмъ, что образцовое изданіе должно поставить себѣ задачею до буквальности точную передачу рукописнаго текста, но такой передачи, къ сожалѣнію, мы не находимъ въ изданіяхъ г. Василенка. Въ обоихъ слѣдствіяхъ, Кіевскомъ и Гадяцкомъ, имѣется цѣлый, и довольно при томъ длинный, рядъ опечатокъ, иногда касающихся только правописанія, иногда же, гораздо рѣже, однако, измѣняющихъ и смыслъ даннаго мѣста. Для первыхъ мы приведемъ только примѣры, что же касается вторыхъ, то здѣсь мы постараемся указать всѣ замѣченныя нами ошибки [1]). На стр. 24 Кіевскаго слѣдствія въ примѣчаніи 3-мъ мы читаемъ «владѣлы» вм. «владелы», на стр. 25 въ томъ же примѣчаніи «ежднвеніемъ» вм. «іждивеніемъ», на 29 стр. при с. Евминкѣ «владѣетъ» вм. «владѣлъ», на 31 стр. при д. Киселювкѣ «данному» вм. «дано», причемъ эта послѣдняя ошибка лишаетъ всю фразу правильности, на 34 стр. при с. Корниловкѣ и др. «онымъ» вм. «оными», «дали» вм. «дани» и «упѣверсаломъ» вм. «упѣверсалъ», на стр. 35 «послѣдователи» вм. «послѣдователно» и въ началѣ 4-ой статьи

[1]) Говоря о рукописяхъ этихъ слѣдствій, я не могу не воспользоваться случаемъ выразить здѣсь искреннюю признательность А. М. Лазаревскому, который въ свое время любезно предоставилъ ихъ въ мое пользованіе.

«имеется» вм. рукописнаго «имѣеться», на 37 стр. с.с. Влудшое и Верковъ вм. Блудшое и Берковъ и т. д. Всѣ эти ошибки очень мелки, но нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно касаются не одного правописанія, но и выговора, а взятыя всѣ вмѣстѣ онѣ значительно удаляютъ изданія отъ той строгой точности, которую хотѣлъ придать ему самъ издатель. Наряду съ этимъ можно, какъ мы уже сказали, отмѣтить и нѣсколько болѣе существенныхъ ошибокъ, касающихся смысла текста. Такъ, на стр. 27 читаемъ, что с. Старицу Мазепа «матеры своей имуменіи во владѣніе и монастиру Вознесенскому пашенскому... придалъ», тогда какъ въ рукописи стоитъ: «матеры... къ монастиру» (ркпсь Кіевск. слѣдствія, f° 19); на 29 стр. въ числѣ владѣльцевъ с. Чемера находимъ Драбовскаго и Немировскаго, тогда какъ въ рукописи эти фамиліи читаются Грабовскій и Немеровскій (ib. f° 2 v.). На стр. 30 печатнаго слѣдствія о с. Пархимовѣ сказано, что его «съ опредѣленія полковничого Петра Солонини, сотникъ Бобровицкій до ласки войсковой содержалъ», въ рукописи же въ этомъ мѣстѣ читается: Петро Солонина, т. е. это имя принадлежитъ владѣльцу села сотнику, а не надавшему его полковнику (ib. f° 7—v). На стр. 33 о с. Вовчка сказано «прежде Созонтій онымъ селомъ владѣлъ полковникъ» вм. «прежде Солонини... владѣлъ полковникъ» (ib. f° 10); на 34 стр. въ числѣ владѣльцевъ с. Корниловки и др. названъ Трофимъ Полтеребъ вм. Подтереба (ib. f° 5). Подобныя же ошибки противъ правописанія рукописи, и притомъ въ еще болѣе значительномъ количествѣ, встрѣчаемъ мы и въ печатномъ текстѣ Гадяцкаго слѣдствія. Напр. на стр. 11 его читаемъ: «Романъ (Бороховичъ) одною половиною, а *другая* старая Бороховичева по смерть свою владѣлы»; здѣсь слѣдуетъ: «а *другою*»... и т. д.; на стр. 12 «труждаемся» вм. рукописнаго «труждаемъся» (ркпсь Гад. сл., документы, f° 1); на стр. 13 «дабы смоглы» вм. «дабысмо могли» (ibid., f° 2); или въ документѣ, напечатанномъ на стр. 22, цѣлый рядъ подобныхъ ошибокъ: «услуги» вм. «услуги», «важился» вм. «важилъся» «ноября» вм. «ноябра» (ср. ibid. f° 22 verso). Послѣдняя ошибка повторяется, впрочемъ, во всѣхъ документахъ. Возьмемъ для примѣра еще одинъ документъ, универсалъ гетм. Самойловича 1675 г., напечатанный на 37—8 стр. Гадяцкаго слѣдствія; здѣсь мы читаемъ «изгола» вм. и «згола», «поволания» вм. «поволаня», «вся войско» вм. «все войско», «Запорожскаго» вм. «Запорожского» (ср. ibid., f° 54 verso). Мы такъ подробно остановились на этомъ вопросѣ въ виду приведеннаго нами выше заявленія почтеннаго издателя о желательности точнаго изда-

нія настоящаго памятника, заявленія, съ которымъ въ теоріи мы совершенно согласны, но которое на практикѣ, какъ намъ кажется, не получило полнаго осуществленія. Мы далеки однако отъ мысли слѣлать изъ этого упрекъ по адресу г. Василенка; нѣтъ, одинъ тотъ фактъ, что подобныхъ ошибокъ, явно корректурнаго происхожденія, наиболѣе встрѣчается именно на страницахъ Гадяцкаго слѣдствія, печатавшагося въ Пол. Губ. Вѣдомостяхъ, ясно уже указываетъ, по нашему мнѣнію, на корень зла, подтверждая ранѣе высказанную нами мысль, что провинціальная пресса мало пригодна для изданія сколько-нибудь значительныхъ по объему историческихъ памятниковъ, слишкомъ мало обезпечивая необходимую въ этомъ случаѣ тщательность работы, особенно когда изданіе разсчитано и на нужды филологовъ.

Несравненно важнѣе предсставляется намъ другой вопросъ, касающійся спеціальной особенности изданій г. Василенка. А. М. Лазаревскій, издавая въ свое время Черниговское слѣдствіе, выпустилъ документы, оставивъ всю остальную часть памятника безъ всякихъ измѣненій. Н. Н. Василенко, издавъ Гадяцкое слѣдствіе съ документами, Кіевское безъ нихъ, въ томъ и другомъ случаѣ сократилъ самый текстъ слѣдствія, притомъ по способу, который на нашъ взглядъ, едва-ли можетъ быть названъ правильнымъ и удачнымъ. Въ свое время мы высказывали свое мнѣніе объ отношеніи между собою различныхъ частей слѣдствія, которое въ наиболѣе краткой и вмѣстѣ грубой формулѣ можетъ быть выражено слѣд образомъ: наиболѣе существенной частью слѣдствія является 2 я графа 1-ой части; тѣ же самыя свѣдѣнія, которыя заключаются въ ней, передаются въ менѣе полномъ и часто искаженномъ видѣ въ 1-ой графѣ этой же части, и въ сокращенномъ извлеченіи во 2 й части; оригинальными данными представляются въ 1-ой графѣ 1-ой части свѣдѣнія о количествѣ дворовъ въ маетности и во 2-ой части — приговоръ, составленный о родѣ маетности генеральной и полковой старшиной. Такая формула допускаетъ изъ себя лишь рѣдкія исключенія и, исходя изъ нея, мы предполагали, что въ основу всякаго изданія слѣдствія, гдѣ будутъ только допущены сокращенія, должна быть положена именно 2-я графа 1-ой части; при повтореніи одной части слѣдствія другою такое сокращеніе почти неизбѣжно, а варіанты 1 ой графы и 2-й части, равно какъ самостоятельныя данныя ихъ легко могли быть въ такомъ случаѣ отмѣчены. Г. Василенко тоже пришелъ къ мысли о необходимости сокращеній въ текстѣ слѣдствія, но онъ рѣшился произвести это сокращеніе именно на счетъ 2 ой графы 1-ой части,

руководясь тою мыслью, что ея данныя повторяются во второй части. Уже a priori однако можно сказать, что предпочтеніе сокращеннаго текста полному не представляется правильнымъ методомъ въ дѣлѣ изданія памятника. На практикѣ такой пріемъ, крайне затруднительный въ послѣдовательномъ своемъ примѣненіи, вызвалъ рядъ весьма существенныхъ пробѣловъ. При печатаніи Кіевскаго слѣдствія уважаемый издатель самъ замѣтилъ эту неполноту 2-ой части сравнительно съ пропущенной имъ 2-ой графой 1-ой части и потому рѣшилъ дополнить ее въ примѣчаніяхъ извлеченіями изъ послѣдней. Но такихъ дополненій должно бы было получиться очень много и не удивительно, если значительная часть ихъ ускользнула отъ вниманія издателя. Такъ, о 3-хъ дворахъ въ с. Свидовцѣ, которыми владѣла вдова значк. товарища, а по 2 ой графѣ Бѣлоцерковскаго хорунжаго Семена Якимовича Анастасія Родіоновна, совершенно пропущено, свѣдѣніе 2-ой графы, что ихъ «Павла Цыганчука сынъ Михайло своею волею теперь завладѣлъ» (рукопись Кіевскаго слѣдствія, f° 15 verso). Исторію с. Бобрика 2-я графа излагаетъ иначе, чѣмъ извлеченіе во 2 й части: тогда какъ въ послѣднемъ сказано, что Фед. Ханенко держалъ его за услуги войсковыя, на что получилъ подтвержденіе отъ гетм. Апостола (с. 27), во 2 ой графѣ читаемъ: «Федоръ Ханенко на урядъ асаулства полкового по универсалу гетманскомъ содержалъ, а теперь онъ же Федоръ Ханенко обозній полковій Кіевскій за услуги войсковіе по универсалу гетманскомъ же 728 году содержитъ» (рукопись, f° 19 verso). Точно также данныя о владѣльцахъ с. Обухова (с. 28) оказываются въ печатномъ слѣдствіи неполными, такъ какъ во 2-й графѣ рукописнаго слѣдствія въ числѣ этихъ владѣльцевъ между Еренковымъ и кн. Трубецкимъ названъ еще кн. Петръ Голицынъ. (рукопись, f° 20 v.). Владѣлецъ д. Ставиской Василій Харєѣка во 2-ой графѣ названъ «Кіевскій полковій прапорщикъ» (ib f° 3 v.) и это опредѣленіе его чина также не попало въ печать (с. 29, стр. с. 6). О с. Евминкѣ во 2-й графѣ сказано: «здавна войсковое было, потомъ Константій Солонина... владѣлъ» (рукопись, f° 5 v. тогда какъ въ напечатанной 2-ой части стоитъ: «здавна Конст. Солонина владѣлъ» (с. 29) и издатель не сдѣлалъ къ этому мѣсту никакого добавленія. Черта не менѣе характеристическая опускается, когда при сс. Козарахъ и Ржавцѣ не добавлено имѣющееся во 2-ой графѣ указаніе, что они ранѣе Мокіевскаго «ні подъ какими урядниками и подъ ратушемъ не были» (f° 9 v); совершенно такой же пропускъ сдѣланъ при сс. Серединкѣ, Нади-

повкѣ, Конóчевѣ и Сѣножатскомъ (с. 39 и прим. 1, ср. рукопись, f° 4). Въ другомъ случаѣ мы опять имѣемъ пропускъ владѣльца, и притомъ сдѣланный такимъ образомъ, что данныя 2-ой графы и 2-ой части могутъ показаться противорѣчивыми, тогда какъ въ дѣйствительности вторыя лишь дополняются первыми. Именно, въ качествѣ владѣльцевъ с. Олбина во 2-ой части названы полк. обозный Яковъ Барановскій и асаулъ Матвѣй Шумъ, а въ приведенномъ въ примѣчаніи извлеченіи изъ 2-ой графы полк. об. Фалковскій и полковникъ Ганскій (с. 31 и прим. 1). Но дѣло въ томъ, что рукопись между этими двумя владѣльцами называетъ Як. Барановскаго (f° 6 v.) и слѣд. дѣйствительный порядокъ владѣльцевъ окажется такой: Фалковскій, Барановскій, Ганскій и Шумъ. Точно также при перечисленіи полковниковъ, владѣвшихъ м. Бобровицей, опущены указанные во 2-ой графѣ между Константіемъ Солонниной и Фед. Волскимъ— Григорій Волскій и «змѣинникъ» Мокіевскій (с. 32, ср. рукопись, f° 16), равно какъ не добавлено тамъ же и болѣе точное опредѣленіе времени раздачи уѣздныхъ селъ, имѣющееся во 2-ой графѣ: «за гетманства покойнаго Скоропадскаго» (f° 16). О с. Димеркѣ и др. (с. 38) во второй части слѣдствія сказано, что они «прежде въ вѣдомствѣ никового правленія были», во второй же графѣ первой части: «войскового» (f° 1 v.) и это различіе термина не обозначено издателемъ. Наконецъ, въ печатномъ слѣдствіи представляется безслѣдно пропущеннымъ слѣдующее любопытное мѣсто рукописи: «музики и кожемяки въ нижнемъ городѣ Кіевѣ обретающіеся, которыхъ не малое дворовое число имѣется, прежде въ вѣдомствѣ отъ давнихъ лѣтъ полковниковъ Кіевскихъ и сотниковъ Кіевскихъ же были, а почему теперь магистратъ Кіевскій завладѣлъ; извѣстія нѣтъ» (f° 21). Мы собрали всѣ допущенные въ изданіи пробѣлы съ тщательностью, которая быть можетъ покажется даже излишней; но, думается намъ, читатель, у котораго хватило терпѣнія прослѣдить за всѣми этими мелкими указаніями, согласится съ нами, что съ возстановленіемъ этихъ пробѣловъ возстановляются и нѣкоторыя существенныя черты рисуемыхъ даннымъ источникомъ порядковъ, равно какъ яснѣе представляется взаимное отношеніе частей «слѣдствія». На нашъ взглядъ, дѣло именно заключается не въ простомъ отсутствіи (въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, конечно) буквальной передачи рукописнаго текста, но въ томъ, что при этомъ условіи исчезаютъ нѣкоторыя данныя, хотя детальныя, но тѣмъ не менѣе имѣющія немаловажное значеніе. Самые пробѣлы эти пред-

ставляются намъ, какъ мы уже упоминали, результатомъ не недосмотра г. Василенка, а избраннаго имъ способа изданія памятника, при которомъ дополненій къ основному тексту оказывается слишкомъ большое количество и недосмотры являются почти неизбѣжными.

Въ Кіевскомъ слѣдствіи однако мы встрѣчаемъ по крайней мѣрѣ сдѣланныя издателемъ дополненія изъ 2-ой графы рукописи, хотя и не всегда достаточныя. Что касается Гадяцкаго слѣдствія, то здѣсь такихъ дополненій вовсе не имѣется, такъ какъ, по словамъ издателя, здѣсь вторая графа «цѣликомъ, *дословно* (курсивъ г. Василенка) входитъ въ третью часть» (собственно, вторую). Мы однако никоимъ образомъ не можемъ согласиться въ этомъ пунктѣ съ уважаемымъ г. Василенкомъ и надѣемся доказать прямо противоположное его утвержденію. Въ самомъ дѣлѣ о. с. Бобровникѣ, напр., во второй части сказано, что имъ по смерти протопопа Сѣнкевича владѣлъ зять его попъ Матвѣй Тереховскій нѣсколько лѣтъ, «а нынѣ въ державѣ замковой пайдуется» (с. 7); во 2-ой же графѣ читаемъ: «по немъ (Сѣнкевичу) зять его печиновній попъ М. Т—й держалъ, а теперь, яко здавна до замку Гадяцкого принадлежащое до замку жъ указомъ нынѣшнего реймептара и привернено» (рукопись, f° 10 v.). Есть ли первое извѣстіе дословное повтореніе втораго? на нашъ взглядъ оно есть лишь сокращенная передача, съ опущеніемъ важной потребности объ указѣ Апостола. Другой примѣръ: с. Баки по 2-ой части отобрано подъ замокъ отъ Ильи Воронченка, а по даннымъ 2 ой графы оно за Воронченкомъ «до умертвія его было и по смерти его до замку отобрано» (с. 7, стр. рукопись, f° 4). Данныя о с. Березовой Лукѣ равнымъ образомъ недостаточно полны во второй части: изъ второй графы 1-ой части мы узнаемъ, что его «належне себѣ полковники Иванъ Чарнишъ, да Михаилъ Милорадовичъ привлащили были, ибо оное здавна на артилерію полковую надлежало... чего ради и теперь указомъ нынѣшнего ясневельможного господина гетмана Апостола до артилеріи полковой привернено, (f° 5); первое и послѣднее изъ этихъ свѣдѣній отсутствуютъ во 2-ой части. При с. Середнякахъ мы находимъ во 2-ой графѣ отсутствующее во 2-ой части, а слѣд. и въ печатномъ текстѣ слѣдствія свѣдѣніе о службѣ одного изъ сыновей Алекс. Сытенкаго въ ген. в. канцеляріи (f° 5 v.). Значительно полнѣе оказываются и свѣдѣнія, сообщаемыя 2-ою графою о с. Русановкѣ [1]). О д. Будищахъ

[1]) Приводимъ это мѣсто рукописи цѣликомъ: „за гетмана Самойловича Ефимъ Вечурка судія полковій Гадяцкій, а после его сынъ Федоръ Вечурка, хоружимъ и

Малыхъ мы изъ второй части, представленной печатнымъ текстомъ (с. 11), узнаемъ только, что она надана Красногорскому монастырю универсаламъ Мазепы 1687 г., тогда какъ во второй графѣ 1-ой части сверхъ того сказано: «а и передъ тымъ законницы тымъ же селомъ владѣлы, гдиж на монастирской землѣ близъ монастира осаженo» (f° 11), о с. Павловочкѣ, что «еще за гетмана Самойловича оны законницы тымъ селомъ владѣлы, а здавна подъ замкомъ было» (ibidem). Наконецъ сильно различающимися отъ данныхъ, сообщаемыхъ во второй части слѣдствія, являются данныя второй графы первой части о сс. Максимовкѣ и Ручкахъ, которыя мы въ виду этого рѣшаемся привести въ полномъ ихъ видѣ [1]).

Таковы пробѣлы, которые мы съ своей стороны могли бы указать въ изданіи г. Василенка. Не имѣя въ настоящее время подъ рукою рукописей, по которымъ оно произведено, и пользуясь лишь своими вымѣтками изъ нихъ, которыя были сдѣланы не для цѣлей

асауломъ полковымъ будучи, по смерть свою владѣлъ, по нихъ Василь Куриловичъ асауломъ полковымъ, потомъ и судіею полковымъ Гадяцкимъ завѣдовалъ оными селомъ, въ року же 1717 универсаломъ гетмана Скоропадскаго Григорію Грабянцѣ суддіи полковому Гадяцкому на урядъ судейства надано до ласки войсковой, которымъ и нынѣ онъ, Грабянка, обозными полковымъ владѣетъ, а здавна до замку Гадяцкого належало" (f° 6). Тотъ, кто возьметъ на себя трудъ сличить этотъ текстъ съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ печатномъ изданіи (с. 8), увидитъ, какъ велики здѣсь отличія двухъ редакцій и въ какомъ отношеніи онѣ стоятъ одна къ другой.

[1]) с. Максимовкой „прежде владѣли отъ Самойловича аж до пришествія шведского в Малую Россію Курило прозваніемъ Погапа Мать сотникомъ полковымъ, потомъ будучи хоружимъ полковымъ, а по смерти его сынъ его Семенъ владѣлъ, а по баталіи Полтавской на время оное прислушало до замку Гадяцкого, потомъ отдано року 1710 универсаломъ гетмана Скоропадского Андрею Донченку хоружому, да Григорію Грабянцѣ прапорщиковѣ полковымъ, якимъ селомъ по смерть хоружого Донченка Грабянка первіе ставши хоружимъ, потомъ будучи въ чинахъ асаульства и судѣйства полкового владѣлъ, и нынѣ обознымъ владѣетъ, на что и жалованную грамоту... имеетъ; здавна же до замку Гадяцкого належало" (f° 7 v.—8), с. Ручками—„прежде писарѣ полковіе Гадяцкіе Ѳедоръ Трушъ и Ѳедоръ Тихоновичъ владѣли; а потомъ обозному полковому Стефану Грощинскому от гетмана Мазепи определено, якимъ и полковникомъ будучи до пришествія въ Украйну шведского владѣлъ, а по баталіи Полтавской до замку Гадяцкого на малое время прислушало, потомъ Александръ Сытенскій зять его писарь полковій Гадяцкій нѣсколько лѣтъ владѣлъ, а когда сынъ Грощинского Андрей дойшовъ въ совершенній возрастъ, тогда ему отъ гетмана Скоропадского универсаломъ надано зостало за службу въ войсковой енеральной канцелярія, которымъ и нынѣ владѣетъ зъ братомъ меншимъ Іваномъ, и тѣ владѣнца оба нынѣ въ низовомъ походѣ, а здавна село тое замковое было". (f° 8 v.—9, стр. въ печатн. слѣдствіи. с. 9 и 10).

изданія, мы не можемъ ручаться, что рѣшительно всѣ такіе пробѣлы отмѣчены и восполнены нами, хотя и думаемъ, что все существенное изчерпано въ этихъ дополненіяхъ и за ихъ предѣлами рѣчь можетъ идти лишь о мелкихъ погрѣшностяхъ, всегда конечно возможныхъ. Во всякомъ случаѣ сказаннаго кажется намъ достаточнымъ, чтобы доказать, что г. Василенко несовсѣмъ правъ, когда онъ считаетъ вторую часть слѣдствія простымъ или дословнымъ повтореніемъ второй графы первой части, и оправдать нашу мысль о томъ, что эта вторая часть есть лишь сокращеніе, иногда съ новыми подробностями, второй графы первой, а слѣдовательно именно эта послѣдняя и должна быть положена въ основу изданія. Наша критика, которая легко могла показаться и уважаемому издателю слѣдствій и читателямъ «Кіевской Старины» слишкомъ придирчивой и мелочной, вся и была направлена къ выясненію этого основнаго положенія, болѣе даже важнаго для будущихъ, чѣмъ для настоящихъ изданій. Мы не столько стремились указать на недостатки данныхъ изданій, далеко не играющіе въ нихъ особенно важной роли сравнительно съ ихъ достоинствами, не столько даже стремились по мѣрѣ силъ восполнить ихъ, исходя изъ мысли о необычайной цѣнности настоящаго памятника, требующаго величайшей тщательности при его изданіи, сколько хотѣли поднять основной вопросъ о плачѣ изданія, имѣющій, на нашъ взглядъ, весьма серьезное значеніе при печатаніи другихъ, пока остающихся въ рукописи слѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, пробѣлы, допущенные въ Кіевскомъ и Гадяцкомъ слѣдствіи, мы могли указать и пополнить въ сравнительно скромныхъ рамкахъ настоящей рецензіи; если предположить, что по тому же плану будетъ издано хотя бы громадное Стародубское слѣдствіе, такая задача потребуетъ цѣлой книги, если не новаго изданія. Съ цѣлью предупредить возможность примѣненія такого ошибочнаго плана въ будущемъ мы и взялись за перо и, думается, она можетъ оправдать какъ нашу придирчивость, такъ и непомѣрно большіе размѣры настоящаго отзыва. Намъ остается только еще разъ оговориться, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ изданіе г. Василенка выполнено прекрасно, и пожелать ему успѣшнаго продолженія начатаго труднаго дѣла.

В. М.

Theodorus Wierzbowski. Bibliographia Polonica XV ac XVI ss. Varsoviae 1889—1894.

Тѣсная политическая и культурная связь Малороссіи съ Польшею, особенно въ періодѣ времени съ Городельской Уніи 1413 г. до Переяславской Рады 1654 г., т. е. въ теченіе болѣе двухъ столѣтій, —обусловливаетъ то обстоятельство, что для исторической науки о Малороссіи являются весьма важными многія польскія литературныя произведенія того времени, а затѣмъ требуютъ вниманія къ себѣ и тѣ новѣйшіе ученые труды, которые имѣютъ цѣлью привести въ извѣстность и объяснить явленія польской литературной дѣятельности за то время, когда поляки и малороссы объединены были въ одномъ политическомъ тѣлѣ—польско-литовскомъ государствѣ.

Къ числу такого рода новѣйшихъ ученыхъ трудовъ относится и трудъ профессора варшавскаго университета Ѳеодора Францовича Вержбовскаго подъ заглавіемъ: «Bibliographia Polonica XV ac XVI ss.,» котораго въ настоящее время появилось уже три тома (I т.—1889, II т.—1891 и III т.—1894 гг.)

Трудъ этотъ—чисто библіографическій, заключающій въ себѣ одни только подробныя заглавія старопечатныхъ книгъ XV и XVI столѣтій. Въ предисловіи къ I-му тому проф. Вержбовскій слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ содержаніе своего труда: «Въ этой библіографіи мы помѣстили списокъ книгъ: 1) написанныхъ по польски, какъ поляками, такъ и иностранцами; 2) написанныхъ на иностранныхъ языкахъ, но изданныхъ въ Польшѣ и въ подчиненныхъ ей странахъ; 3) изданныхъ за границею Польши и на иностранныхъ языкахъ, но написанныхъ поляками; 4) написанныхъ иностранцами и на иностранныхъ языкахъ, но трактующихъ о предметахъ, относящихся къ Польшѣ; 5) посвященныхъ иностранцами польскимъ королямъ, сенаторамъ и инымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Наконецъ, мы внесли въ этотъ списокъ 6) синодальныя постановленія Вратиславской (Бреславской) епархіи, такъ какъ въ то время она была подчинена Гнѣзненской митрополіи. Мы пропустили только книги, напечатанныя по церковно-славянски.»

Родъ книгъ, подлежавшихъ описанію, не измѣнялся за все время работы проф. Вержбовскаго; но рамки ея перестранвались съ каждымъ послѣдующимъ томомъ. Въ I-мъ томѣ проф. Вержбовскій описывалъ только книги XV и XVI ст., хранящіяся въ библіотекѣ Варшавскаго университета, при чемъ подъ каждымъ заглавіемъ онъ

старательно отмѣчалъ тѣ библіотечные знаки, по которымъ можно отыскать данную книгу по комнатамъ, шкафамъ и полкамъ варшавской университетской библіотеки. Такихъ книгъ набралось 800 №№, относящихся къ 1488—1600 годамъ.

Во II-мъ томѣ проф. Вержбовскій не ограничивается только наличностью варшавской университетской библіотеки, а описываетъ книги, хранящіяся и въ другихъ библіотекахъ, интересный списокъ которыхъ напечатанъ на стр. IX—XIII тома II-го. Въ предисловіи къ этому тому онъ напоминаетъ читателю, что описываетъ только тѣ книги, которыя видѣлъ своими глазами и переворачивалъ своими руками. Всѣхъ №№ во II-мъ томѣ 1200 (съ 801 до 2000).

Наконецъ, въ III-мъ томѣ проф. Вержбовскій продолжаетъ описаніе книгъ, осмотрѣнныхъ имъ или въ перечисленныхъ библіотекахъ, по послѣ появленія въ свѣтъ II го тома, или въ такихъ библіотекахъ, которыхъ онъ не посѣщалъ до составленія II-го тома, какъ, напримѣръ, библіотеки гимназіи Маріи Магдалины въ Познани, графовъ ординатовъ Потоцкихъ въ Краковѣ во дворцѣ «Подъ Баранами» и національнаго музея въ Будапештѣ. Списокъ библіотекъ, помѣщенный во II-мъ томѣ, дополненъ этими тремя. Всѣхъ №№ въ III-мъ томѣ также 1200 (съ 2001 до 3200). Во II-мъ и III-мъ томахъ подъ заглавіями отмѣчены условными знаками библіотеки, въ которыхъ каждая изъ книгъ имѣется.

Такимъ образомъ томы „Библіографіи“ проф. Вержбовскаго не слѣдуютъ одинъ за другимъ въ хронологическомъ порядкѣ появленія описываемыхъ книгъ, а дополняютъ другъ друга новыми заглавіями, при чемъ однако въ предѣлахъ каждаго тома описанія расположены въ хронологическомъ порядкѣ.

Такъ какъ проф. Вержбовскій каждую описываемую книгу самъ видѣлъ и самъ просматривалъ, то на его указанія можно вполнѣ положиться, и въ этомъ отношеніи его трудъ оставляетъ далеко позади себя однородный трудъ извѣстнаго Эстрейхера: «Bibliografia polska XV—XVI stólecia. Krakow 1875.», составленный на основаніи каталоговъ библіотекъ и печатныхъ библіографическихъ источниковъ, а не на основаніи автопсіи; въ трудѣ проф. Вержбовскаго не можетъ быть ни одного ошибочнаго заглавія, тогда какъ у Эстрейхера очень часто приходится наталкиваться на пропуски и ошибки и въ годахъ изданій, и въ текстахъ заглавій. Кромѣ того, проф. Вержбовскому приходится иногда отмѣчать книги, бывшія до него неизвѣстными ни Эстрейхеру, ни кому другому изъ библіографовъ. Приведемъ два

примѣра, относящихся къ тому писателю, о которомъ недавно была помѣщена статья наша въ „Кіевской Старинѣ“ (1894 № 2),—къ епископу Іосифу Верещинскому.

У Эстрейхера на стр. 208 названо сочиненіе Верещинскаго: List Michaela Żyda Okrzczonego w. r. Pańs. 1583, ktory do wszystkich Żydów w Polszcze będących posłał, ded. król. Annie. Krak. Piotrk., 1584.“ Оказывается, что это сочиненіе имѣетъ гораздо болѣе распространенное заглавіе (см. т. III, стр. 168, № 2763): „List Michaelà Żyda Okrzczonego, W. Roku Panskim 1583. Który do wszystkich Żydow w Polszcze będących posłał, vkàzuiąc im iz iuz Messyasz to iest Christus Iesus, na świàt przyszedł, á iz oni dàremnie oczekawàią Messyasza. Wypisuiąc tez znàki spustoszenia y rozproszenia Żydowskiego, ustanie Zakonu Moyzeszowego, za przyszćiem Chrystusowym. Wszystko zebrano z Prorokow Bozych, ku wielkiey poćiesze wszem wiernym krześćijànóm. W Krákowie, w drukàrnicy Andrzeia Piotrkowczyká, roku pànskiego, 1584.» 4°, 4, 44 fol; dedic. Annae, reginae Poloniae, a Josepho Wereszczyński, abbate sieciechoviensi, e monasterio, 30 Ianuarii 1584.

Въ „Библіографіи“ Эстрейхера не указано ни одного сочиненія Верещинскаго, которое было-бы отпечатано ранѣе 1584 г. Между тѣмъ проф. Вержбовскому въ библіотекѣ варшавскаго католическаго архіепископа Викентія Хосцякъ-Попеля случилось найти книгу Верещинскаго, отпечатанную въ 1572 г. Она имѣетъ такое заглавіе (см. т. III, стр. 126, № 2570): «Passio Albo Kazànie o Męce Pànskiey, ze czterzech Ewànielistow zebràne, według prostego Ewánieliey textu z nàuką Doktorow S. przydaną.» 4°, 44 fol.; dedic. Barbarae Drzewicka de Drzewice, palatinae Sandomiriensi, Cracoviae, 25 Martii 1571, a Iosepho Wereszczynski, praeposito Biskupiensi (proboszcz Biskupski); in fine: W Kràkowie, z Drukàrni Stànisławà Schàffenbergerà: Roku Pàn. M. D. LXXII. Такимъ образомъ дѣлается извѣстнымъ, что публичная литературная дѣятельность Верещинскаго началась на 12 слишкомъ лѣтъ ранѣе, чѣмъ мы предполагали въ нашей статьѣ.

Изъ приведенныхъ двухъ заглавій по книгѣ проф. Вержбовскаго видно, на сколько они полны, точны и фотографически вѣрно передаютъ оригиналы. И такимъ образомъ описано 3200 книгъ! Есть за что поблагодарить трудолюбиваго описателя не только спеціалистамъ по исторіи польской литературы, но и тѣмъ изслѣдователямъ южнорусской старины, которые захотятъ обратиться къ польскимъ источ-

никамъ для болѣе полнаго освѣщенія своего предмета. Къ каждому изъ томовъ приложены указатели, которые даютъ возможность очень легко находить необходимыя справки.

А. Стороженко

Городъ Качибей или Гаджибей, предшественникъ города Одессы А. Маркевича. Одесса 1894.

Названный трудъ г. Маркевича (оттискъ изъ XVII т. «Записокъ Одесскаго Общ. Ист. и Др.») вызванъ предстоящимъ юбилеемъ гор. Одессы и, въ зависимости отъ этого, имѣетъ въ виду указать въ исторіи Качибея такія черты, которыя дѣлаютъ его предшественникомъ Одессы. Онъ представляетъ собою критическій сводъ старательно подобранныхъ, немногочисленныхъ и часто—мелочныхъ извѣстій объ основаніи этого города, о его топографіи, внѣшнемъ видѣ, промыслахъ, торговлѣ и внѣшнихъ судьбахъ, вплоть до взятія его де-Рибасомъ 14 сентября 1789 года. Примыкая во многихъ случаяхъ къ выводамъ своихъ предшественниковъ: гг. Скальковскаго, Смольянинова, Бруна и Яковлева, г. Маркевичъ, однако, приходитъ къ самостоятельнымъ заключеніямъ о мѣстоположеніи гор. Качибея и Качибеева маяка, приводитъ новыя соображенія объ основаніи гор. Качибея и пытается выяснить торгово-промышленное его значеніе.

По мнѣнію г. Маркевича, Хаджибейскій заливъ представляетъ лучшій пунктъ для захода судовъ, слѣдующихъ вдоль сѣверо-западнаго побережья Чернаго моря, и поэтому привлекалъ поселенцевъ еще въ греческую эпоху; имѣются указанія, что и въ древнерусскую эпоху названное побережье было мѣстомъ оживленныхъ торговыхъ сношеній, и что здѣсь существовало много городовъ, причемъ авторъ признаетъ возможнымъ, что по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ былъ у Хаджибейскаго залива; впослѣдствіи итальянцы посѣщали этотъ заливъ и отмѣчали на своихъ картахъ. Исторія собственно Качибея начинается съ образованіемъ литовско-русскаго государства. Съ объединеніемъ западнорусскихъ областей, вліяніе литовскаго государства распространяется на Крымъ, съ которымъ, а равно и съ Константинополемъ, устанавливаются бойкія торговыя сношенія; для нихъ то и оказывался необходимымъ портъ; для удовлетворенія этой потребности и явился Качибей. Исторія этого города, какъ извѣстно, становится извѣстною не раньше XV

вѣка, но источники дають указанія и на болѣе раннее время; въ 1415 г. Качибей былъ уже замѣтнымъ торговымъ портомъ, черезъ который отправляли хлѣбъ изъ Подоліи въ византійскія гавани, а, слѣдовательно, вѣроятно, существовалъ уже въ концѣ XVI в. Что касается вопроса о мѣстоположеніи Качибея, г. Маркевичъ, признавая безспорнымъ, что турецкій Гаджибей въ XVIII в. находился на мѣстѣ теперешней Одессы, приходитъ къ заключенію, что литовско-русскій Качибей лежалъ на Жеваховой горѣ, между хаджибейскимъ и куяльницкимъ лиманами, т. е. отстоялъ отъ Одессы на 5—6 верстъ. Относительно основанія Качибея авторъ останавливается на предположеніи, что поселеніе это обязано своимъ происхожденіемъ извѣстному земельному роду Язловецкихъ, которому, между прочимъ, принадлежало въ Подоліи село Kaczebijow, существующее и понынѣ, равно и черноморскій Качибей; послѣдній, по мнѣнію автора, могъ быть заселенъ выходцами изъ подольскаго Качибіева и отъ него же получить свое имя; позднѣйшее же названіе Хаджибей г. Маркевичъ считаетъ попыткой осмысленія существующаго названія [1]).

Таковы тѣ главныя заключенія автора, къ которымъ онъ приходитъ самостоятельно въ своемъ изслѣдованіи. Въ видѣ приложенія къ послѣднему напечатанъ особый экскурсъ: «Существовалъ ли указъ о преобразованіи г. Гаджибея въ г. Одессу?» Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно: онъ полагаетъ, что названіе Гаджибея Одессою имѣло мѣсто въ Петербургѣ въ концѣ 1794 года или въ самомъ началѣ 1795 г., когда слово Одесса стало обращаться частнымъ образомъ въ правительственныхъ сферахъ, и сперва даже наравнѣ съ прежнимъ названіемъ; контрабандно проникло въ правительственныя распоряженія, путемъ практики вошло въ общее употребленіе и, наконецъ, совершенно вытѣснило прежнее названіе города; при этомъ онъ считаетъ довольно вѣроятнымъ распространенный разсказъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ кого-нибудь изъ членовъ Академіи Наукъ, а также и о томъ, что переименованіе это состоялось 6 Января 1795 г. на придворномъ балу; напротивъ, догадку проф. Надлера объ участіи де-Рибаса въ наименованіи города Одессой г. Маркевичъ подвергаетъ сомнѣнію.

Мы не имѣемъ ни возможности, ни надобности передавать здѣсь остальныя детали статьи, отсылая читателей къ ней самой. Замѣтимъ развѣ еще, что оцѣнка торгово-промышленнаго значенія

---

[1]) *Хаджи*—лицо, бывшее на богомольи въ Меккѣ, *бей*, знатное лицо.

Гаджибея у г. Маркевича выше, чѣмъ у г. Надлера, о книгѣ котораго мы дали отчетъ ранѣе [1]).

Вообще мы прочли книгу г. Маркевича съ большимъ интересомъ. Слѣдуетъ только пожалѣть, что къ ней не приложено ни картъ, ни плановъ, безъ чего топографическая ея часть не можетъ быть понята ясно.

В. Я.

Южная Русь при Екатеринѣ II. Проф. А. И. Маркевича. Одесса. 1893. (Отд. оттискъ изъ „Новорос. календаря“ на 1893 г.). Стр. 31 in 8°.

Въ исторіи той части южной Руси, которая называется Новороссійскимъ краемъ, по словамъ г. Маркевича, нѣтъ болѣе важной эпохи, какъ время царствованія Екатерины II, разумѣется, если мы имѣемъ въ виду значеніе этого края въ жизни *русскаго* народа. Въ этомъ отношеніи, говоритъ онъ, можно безъ преувеличевія дѣлить исторію новороссійскаго края на два періода: отъ сотворенія міра до Имп. Екатерины II и отъ Имп. Екатерины II до нашего времени». Въ своей статьѣ авторъ не ограничивается новороссійскимъ краемъ, а говоритъ о значеніи означеннаго царствованія вообще для южной Россіи, такъ какъ первый есть только часть второй. Въ сжатомъ и популярномъ изложеніи авторъ группируетъ важнѣйшіе факты избраннаго имъ періода, имѣющіе отношеніе къ югу Россіи, въ связи съ общимъ ходомъ событій и съ идеями просвѣщеннаго абсолютизма.

В. Я.

Николаевскій календарь и справочная книга на 1894 г. Изд. И. А. Фефербойма. Николаевъ. 1893.

Кромѣ календарныхъ и справочныхъ свѣдѣній въ собственномъ смыслѣ, въ николаевскомъ календарѣ находимъ слѣдующія статьи: «Краткій историческій очеркъ гор. Николаева (стр. 41—45), Хронику гор. Николаева (стр. 45—51), «Торговое значеніе Николаева» и, наконецъ, разсказъ, или, какъ онъ претенціозно названъ здѣсь, новелла «Люба Постекъ», подписанный замысловатымъ псевдонимомъ Германомъ Клейфомъ (княземъ Нью Сіонскимъ), съ анекдоти-

[1]) „Кіев. Старина“ 1894 г. № 1.

ческимъ сюжетомъ; мѣсто дѣйствія въ «новеллѣ» — Елисаветградъ и Кременчугъ, но она не имѣетъ бытоваго интереса и лишена литературныхъ достоинствъ вообще. **В. Я.**

Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе Этногр. Отд. Импер. Общества Любит. Естествозн., Антропол. и Этногр., состоящаго при Московскомъ университетѣ. 1893 г. №№ 3. и 4 (Кн. XVIII и XIX). Москва. 1893 и 1894.

Въ означенныхъ книжкахъ московскаго этнографическаго журнала находимъ слѣдующіе матеріалы и статьи, имѣющіе отношеніе къ югу Россіи:

№ 3 (книга XVIII). «Ордынскія параллели къ поэмамъ Ломбардскаго цикла» *Г. Н. Потанина.* Въ кругу восточныхъ преданій авторъ подыскиваетъ между прочимъ новыхъ основаній для сближенія Ильи Муромца русскихъ былинъ съ восточнымъ героемъ Шупо, которое сдѣлано ранѣе его В. В. Стасовымъ; источникъ сказанія о нападеніи Бравлина на Сурожъ онъ ищетъ также на востокѣ.

«Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ» *В. Ѳ. Миллера.* Авторъ подвергаетъ пересмотру высказанныя въ литературѣ мнѣнія объ источникахъ сюжета о Ставрѣ Годиновичѣ: южно-славянскомъ, нѣмецкомъ и восточныхъ; установивъ затѣмъ новгородское происхожденіе былины, онъ склоняется въ пользу гипотезы о происхожденіи ея съ запада.

«*Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ (Сказанія о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и лицахъ. Окончаніе).*» *П. И.* Весьма почтенный и извѣстный изслѣдователь, скромно скрывающійся подъ этими иниціалами, помѣстилъ здѣсь сказанья о царѣ Соломонѣ и пророкахъ Иліи и Даніилѣ и пасхальную виршу объ изведеніи Іисусомъ Христомъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ изъ ада, по обыкновенію сопровождая собранные имъ матеріалы своими замѣчаніями. Исходя изъ предположенія, что «въ современныхъ народныхъ сказаніяхъ о Соломонѣ сохранились нѣкоторыя черты, затерянныя древней письменностію,» онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы наши народныя сказки подвергнуты были изслѣдованію по отношенію ихъ къ сюжетамъ соломоновской саги, и съ этою цѣлью ставитъ нѣсколько вопросовъ, которые могли бы послужить программой для такого изслѣдованія. Вмѣстѣ съ разсказами о Соломонѣ онъ собралъ

нѣсколько загадокъ, связанныхъ съ именами Соломона и царицы Савской, нѣкоторыя изъ этихъ загадокъ встрѣчаются въ «Бесѣдѣ трехъ святителей,» иныя — простыя малороссійскія. Печатаемую имъ пасхальную виршу г. *П. И.* сближаетъ съ апокрифами.

«Брачные договоры у малороссовъ» *Т. И. Осадчаго.* Написанная на основаніи непосредственныхъ наблюденій надъ народной жизнью, эта небольшая статья имѣетъ цѣлью реабилитировать нравственное значеніе брака у малороссовъ; ближайшимъ поводомъ къ ея написанію послужила статья П. Дашкевича «Предбрачные убытки по обычаямъ малороссовъ» (въ Юридич. Вѣстн. 1892 г.), которая составлена по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, и, по мнѣнію г. Осадчаго, освѣщаетъ дѣло односторонне.

Въ той же книжкѣ «Этногр. Обозр.» напечатанъ небольшой разсказъ «Богатырь и его конь», записанный покойнымъ *И. И. Манжурой*, подписанный *Н. Я.*

№ 4 (книга XIX). «Мужъ на свадьбѣ у своей жены» *Н. Ѳ. Сумцова.* Въ этой статьѣ привлечены къ сравнительному изученію былины о Соловьѣ Будимировичѣ и Добрынѣ Никитичѣ. По мнѣнію автора, мотивъ о женѣ Добрыни возникъ въ рыцарскую эпоху на романской почвѣ, но въ Россію проникъ при посредствѣ англійскихъ и скандинавскихъ версій, при чемъ первоначально былъ связанъ съ заѣзжимъ богатыремъ Соловьемъ Будимировичемъ.

Въ отдѣлѣ „Смѣсь“ помѣщены юбилейныя замѣтки *А. Крымскаго* о Н. В. Лысенкѣ и объ А. С. Петрушевичѣ и статейка *П. Шегина* „Изъ переписки съ И. И. Манжурою“, въ которой мы прочли одно письмо послѣдняго, автобіографическаго характера, а также нѣсколько записанныхъ имъ малороссійскихъ пѣсенъ.

Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія,“ по своей полнотѣ составляющемъ одно изъ важныхъ достоинствъ журнала, читатель найдетъ много справочныхъ свѣдѣній по этнографіи юга Россіи.

В. Я.

Пятокъ. 2. Послалемъ доктору Биллову лошадь, карого коня лошака, якого онъ принялъ благодарно, черезъ Камѣнского и Юска. Джулай, кухаръ, ушолъ отъ Миклашевского а повернулся къ намъ. Подалемъ чолобитную въ колегію иностранныхъ дѣлъ Курбатову на Турковского и Рощаковского, за неправедній судъ, чиненний надъ нами въ Глуховѣ.

Субота. 3. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами Валкевичъ. Принялемъ отъ Петра за барило простой 10 р. 30 а. и 2 шаги. Вѣжевскому додалемъ до давнѣй данныхъ грошей 4 р., итого 10 р. въ пріемѣ его; ще еще въ юлѣ записано такимъ числомъ.

Недѣля. 4. Тезоименитство царици государинѣ праздновали зъ пушечнымъ стреляпемъ. П. гетманъ зъ прежней квартери переехалъ въ другую, поблизше насъ. Обѣдалисмо сами у себе, а съ нами Яделнѣцкій.

Понеделокъ. 5. Сегодня рано вимѣрали вѣдерко государево московское печатное, зъ которого вийшло кубковъ моихъ срѣбпихъ (який отъ Кулябки) 18 и девятогонадцять болшая мало половина. Купленъ мундѣръ со всѣмъ приборомъ Юску за 6 р. безъ 8 копѣекъ. Вирѣзалъ вензель на сталѣ мнѣ майстеръ, а за труди ему далемъ 4 гривнѣ. Вѣжевскому въ расходъ далемъ 6 р.

Преображеніе. Вовтор. 6 Сегодня службы Божой слухалисмо у Богоявленскомъ монастиру, а обѣдалемъ у панеи, родитель у Николая Ивановича Бутурлина. По обѣдѣ, игралемъ въ карти зъ Галенковскимъ [1]) и Антоновичемъ, и ездилемъ до Еропкина.

Середа. 7. Сегодня рано ездилемъ до отца Копи и до Наумова, зъ тимъ, чтобъ родителю не ездить до графа, за пунктами. Обѣдалъ у насъ Валкевичъ за тимъ, же ездилъ родитель и Валкевичъ къ нему, однакожъ убѣж....(?) ехали, которихъ я стрѣвши оставилъ, а самъ ездилъ до графа, где передъ Наумовимъ вимовилъ, а повернувшись, заездилъ до панеи и потомъ въ свою квартеру пріехалъ и тутъ засталъ п. Чарница, пріехавшаго. Писалисмо

[1]) Федоръ Галенковскій—въ то время писарь Прилуцкаго полка,—пользуясь неграмотностью своего полковника Игната Галагана, имѣлъ большое вліяніе на ходъ полковыхъ дѣлъ. Позже Г—ій былъ полковымъ обознымъ.

въ Глуховъ, а я до жени, о присилцѣ сюда коней верховихъ двохъ, четвернѣ буланой и вороностроkатой, и зъ ежджалихъ коней старихъ, а писмо послано чрезъ Алексѣя Михайлова конюшого.

Четвер. 8. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами Галенковскій, писаръ прилуцкій, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, где заставши отца Копу и другихъ, повернулемся назадъ, посидѣвши съ ними. Вчорайшого числа (о чомъ тогда записать не прійшло), получилемъ писмо зъ дому отъ жени, зъ приложеннимъ писмомъ Тараса о разореніи, учинившомся у футорѣ Криворудскомъ отъ Лаврѣна Кодинця, а писано юля 13-го.

Пятокъ. 9. Отобралемъ отъ Петра за другое 9 р. Вѣжевскому далемъ на расходъ 6 р. и записалемъ въ реестрѣ.

Субота. 10. Сегодня рано заездилемъ до Тарнавского, а оттоль до паней, сегодня коммунѣковавшейся тайнамъ святимъ, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ заездилемъ до Андрея Количова, и потомъ въ свою пріехалъ квартиру. Родитель у пана гетмана былъ и просилъ его респекту къ томъ, что подданніе непослушни, и никакой резолюціи не получилъ. Пункта отъ пана гетмана, данніе въ тайний совѣтъ, безъ подпису еще въ зимѣ, вчора привозилъ Курбатовъ къ нему для подпису и подписани. Вѣстно учинилось, что грамота до пана гетмана прислана—быть ему послушну князю Голѣцину, фелтмаршалу.

Неделя. 11. Сегодня былемъ у паиа гетмана, а обѣдалисмо въ себе. Пріехалъ Желязо, слуга род.. зъ Ромна и привезлъ листи до родителя о разореніяхъ чинячихся; тожъ и ко мнѣ отъ жени, что разореніе у футорѣ Криворудскомъ учинилъ Лаврѣнъ Кодинецъ, которий въ сотникахъ наказнихъ лукомскихъ. Да привезлъ мнѣ 3 пари кошуль (рубахъ).

Понеделокъ. 12. Сегодня рано ездилемъ до Семепа Івановича и показовалъ ему чолобитную.

Вовтор. 13. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ясневелможная пріездила до насъ мимоездомъ, едучи отъ господина Остермапна, которого видѣть не получила. Отъ Петра кухара принялемъ

денегъ 21 р. и 5 копѣекъ. Вѣжевскому на расходъ далемъ 5 р. и 10 а., а Петру казалемъ дать 2 р.

Середа. 14. Сегодня пописалемъ писма до родителки, п. Михайла, брата Семена, а до жени о томъ, что Алексѣй посилается за конми, якихъ бы сюди припроводилъ, о чемъ именно и въ листѣ, и въ приказѣ ему данномъ написано, а именно: коней верховихъ, буланого и сивого, четверень 2, буланую и воропострокатую, албо вороную, придавши еще пару для цугу, зъ дригантовъ неспособнихъ до стада и зъ кобилъ до плоду негоднихъ. Ему жъ на дорогу далемъ 3 р., а до панеи писалемъ, еще о присилцѣ водки бодринцевой и рожи, и съ такими писмами отправленъ Алексѣй зъ Казѣмиромъ.

Четвер. 15. Сегодня пріобщалисмося тайнамъ святимъ, и обѣдали у панеи цѣлимъ куренемъ. Родитель ездилъ до Наумова, за присилкою отъ его солдата, а я тутъ съ своими, тако-жъ зъ Ханенкомъ и Валкевичомъ вечералисмо.

Пятокъ. 16. Сегодня въ колегіи былемъ и чолобитную подалисмо отъ родителя на Калюженка Григорія, въ подступномъ его чолобиттю и нападеніяхъ, отъ его бывшихъ на футоръ нашъ. У архіерея новгородского у вечеру былъ я. Петру кухару Вѣжевскій купилъ каѳанъ нѣмецкій, сѣрого сукна, за 2 р. зъ полуполтиною.

Субота. 17. Сегодня обѣдалисмо сами, и у насъ Валкевичъ. По обѣдѣ ездилемъ до Курбатова. Вѣжевскому на расходъ далемъ 3 р. и въ реестрѣ записалемъ.

Неделя. 18. Сегодня у Николая Івановича Бутурлина крещенна дочь его новорожденная Наталія, которой воспріемниками были царевна Екатерина Іванова зъ Савеловимъ меншимъ, а родитель зъ ясневелможною, а по крещеніи обѣдалисмо вси у Бутурлина.

Понеделокъ. 19. Сегодня обѣдалисмо дома, а по обѣдѣ заходилемъ до п. Андрея Миклашевского.

Вовтор. 20. Сегодня ездилемъ въ колегію, а оттту въ свою квартиру, и обѣдалисмо сами, по обѣдѣ былъ Антоновичъ и Голенковскій, зъ которими игралемъ въ карти. Вѣжевскій за куфу пов-

торнимъ разомъ взялъ у Федора панеи 14 р., итого 28 р. Смоляне нѣкоторіе, а именно Потемкѣпа генерала маэора смоленского племѣнники, Потемкѣпи жъ, за то, что они отъ благочестія уклонились къ римской вѣрѣ, указомъ приговорени въ тайномъ верховномъ совѣтѣ сослать въ силку и послани были, а потомъ именнимъ указомъ монаршимъ велено ихъ возвратить. Бароместрумъ купилемъ у иноземца Морица, за 1 р.

Середа. 21. Сегодня купилемъ атласу блакитного на полушлафрокъ, китайского, аршинъ по 30 а., а всего аршинъ 8; да купилемъ въ иноземца струнъ римскихъ перевиванихъ 2 за 10 а., да картинъ 8 за 4 гривни, да трубку за 5 а. Обѣдалисмо сами у себе и съ нами Яковъ Мировичъ; по обѣдѣ пріиполъ Ханенко и пріехалъ Леонтіевъ. Слишно, что сего дня пріехалъ сюда въ Москву Константій Гонваровскій, сотникъ кролевецкій, отставленний отъ сотнѣ, зъ чолобитною [1]). Василій Василіевичъ Степановъ пріездилъ зъ тайного верховного совѣта до пана гетмана зъ предложеннемъ тимъ, чтобъ объяснено было доношеніе, якое подано на Наумова.

Четвер. 22. Сегодня панѣ ездила до Остермана и имѣла случай его просить. А мы обѣдали у себе. Курбатовъ пріездилъ до пана гетмана и привезлъ резолюцію на пункта просителніе, пунктами жъ описанную, и грамоту объ исполненіи оной, о чемъ нижей будетъ означено.

Пятокъ. 23. Сегодня ездилемъ рано въ слободу нѣмецкую, где зъ сѣделникомъ сторжилемся кулбаку англинскую дѣлать за 7 р., и задатку ему далемъ 1 р., да тогда жъ заездилемъ до портного и уговорилемъ другіе штапи сдѣлать просторнѣйшіе; да сребранику далемъ передѣлать 18 гузѣковъ, а ваги въ нихъ 3 злота, тоесть 9 золотник. Оттуду заездилемъ до п. Левенця, а потомъ до Миклашевского, а въ вечеру у панеи былемъ. Призивано нѣкоторихъ малороссіянъ въ тайній верховний совѣтъ, а именно: Гамалѣю, сотника топалского, спрашиваясь о даткахъ отъ нихъ г. Наумовимъ полученнихъ и приказано сказки дать, а хто имѣетъ обыди отъ него, тѣмъ чоломъ быть позволено на него.

---

[1]) См. о немъ Опис. Стар. Малороссіи, II, 375.

Субота. 24. Рано вислани въ домъ люде родителскіе: Гайдукъ, Максимъ, Семенъ. Джулакъ, Василець зъ мужикомъ, всѣхъ 6 человѣка. Черезъ Гайдука писалемъ до родителки, жени и п. Михайла, которому и ..... (?) послалемъ, по его писму декавр. Обѣдалемъ у панеи, и по обѣдѣ зъ Александромъ ездилемъ до купчина Дементія Прохоровича, съ которимъ ходилисмо торговать двора Антипа Іванова, на Стрѣтенки стоячого, для панеи, которого отъ 2800 р., опрочъ пошлини, не уступалъ. 3 косяки лудани принялемъ у человѣка, которому подарилемъ 14 вѣд. двойной.

Неделя. 25. Сегодня обѣдалисмо у себе, а не ездилемъ нѣкуда за дожчемъ. Вѣдомо зъ Украины пану г тману учинилось, что подданніе владѣлческіе стали непослушни своимъ державцамъ по прочтеніи печатнихъ указовъ.

Понеделокъ. 26. Сегодня торжествовали тезоименитство сестрици государевой, ея височества Наталіи Алексѣевни, а мы обѣдали у панеи. Чаю повну жестянку наложилемъ, до употребленія повседневного.

Вовторникъ. 27. Сегодня ездилемъ въ колегію зъ Александромъ, оттуду до панеи и зъ сестрою, зъ Яковлева пріехавшою, повидѣвшись, поехалемъ на обѣдъ до Бутурлина, и тамъ обѣдалисмо. По обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского и увѣдомилемся объ старшинѣ нашой малороссійской, ездившой до графа зъ прошеніемъ объ отпуску своемъ, которой графъ отказалъ, что имѣетъ о томъ утро переговорить. Вѣжевскому на расходъ далемъ 3 р., що и записалемъ въ его реестрѣ.

Середа. 28. Сегодня ездилемъ рано до села Владикина, отъ Москви въ 10 верстахъ отстоящого, по прошенію оного села владѣлци архиерея великоновгор. Прокоповича, где обѣдалисмо зъ братомъ, я и отецъ Копа, а у вечеру знову позно повернулисмося въ Москву.

Четвер. 29. Сегодня въ дому обѣдалисмо съ постомъ, ради нынѣшнего праздника.

Пятокъ 30. Сегодня ездилемъ въ слободу, до доктора Быдлова, зъ Іваномъ Петровичемъ. Купилемъ палку цыпрусовую за четверть сивухи. Купилемъ въ аптецѣ Гутберта..... (?). зіі за 8 гривенъ.

Субота 31. Сегодня обѣдалемъ у панеи зъ сестрою, а по обѣдѣ ездилемъ до слободи нѣмецкой къ Гарнову и сѣделнику, а оттуду повернувшись, заехалемъ до Андрея Миклашевского, а потомъ и въ свою квартиру.

Мѣсяць сентевр. Неделя. 1. Сегодня службы Божой слухалисмо у ближней церквѣ, гдѣ и князь Дмитрій Голѣцинъ былъ, а по службѣ былисмо у него, и тутъ увидѣлись съ Яковомъ Лизогубомъ и Андреемъ Миклашевскимъ; обѣдалисмо сами; по обѣдѣ были у насъ Голѣнковскій, Антоновичъ, которий и своихъ клевикордовъ позичилъ намъ на время, и Мировичъ Яковъ, Валкевичъ и Гамалѣя Иванъ, которий принюсъ паперовъ болшихъ 5, а меншихъ 3, квѣтокъ китайскихъ, отъ Ѳедора Максимовича данныхъ въ продажъ, ценою по 2 а. одна.

Понеделокъ. 2. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Заруцкимъ, по обѣдѣ ездилемъ до панеи.

Вовторникъ. 3. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Дефаршомъ и Чуйкевичомъ Семеномъ. Переехалисмо съ прежней квартири на Петровскую улицу, за Неглинную, и сталисмо въ дому Николая Ивановича Бутурлина.

Середа. 4. Сегодня за дожчемъ не ездилемъ никуда, а толко составилемъ ответъ Александру, противъ поповича бывшого березовского, чолобитствуючого на панюю (гетманшу), за грунта локотковскіе.

Четвер. 5. Торжествовано сегодня тезоименитство цесаревни Елисавеѳи Петровни. За 40 вѣд. сивухи 37 р. поступлено отъ слуги п. Ханенка. Обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ ездилемъ зъ Кондзеровскимъ осматривать дворовъ продажнихъ, Наришкинового за 1200 р., а Грузинцова за 1500 р. П. Ханенку послалемъ листъ о млинѣ его ручанскомъ писанномъ.

Пятокъ. 6. Сегодня конь мой ступакъ, вороностроката́й, проданъ за 27 р. Купилемъ мѣхъ бѣлковий за 2 р. и 20 а., да скринк зъ верхомъ старую за 2 р. 8 а. 2 д.

Субота. 7. Сегодня обѣдалисмо у себе. Панъ гетманъ откланялся со всѣми его величеств. и у ручки были, а его величество поехалъ на охоту.

Неделя. 8. Сегодня праздновалисмо у панеи, а по обѣдѣ гостили у насъ Чуйкевичъ, отецъ протопопъ глух. и Ханенко. Куеу (водки) развели на простую, въ якой мѣри 42 вѣд.

Понеделокъ. 9. Сегодня панъ гетманъ прислалъ черезъ Заруцкого, писма зъ дому присланіе, между которими и до мене отъ жени было писмо, и въ томъ писмѣ включенъ листъ отъ Якубовича, зъ Астраханѣ, 10-го януар. писанний ко мнѣ, въ якомъ обявляетъ, что за пянствомъ лоцмана, прикажчика и приставовъ моихъ, судно зъ табакомъ и водкою нашою затонуло, и табакъ замокъ, а горѣлка виратована, якую онъ намѣриваетъ продать, поневажъ даютъ вѣдро по 6 зол., а надѣется, что по 7 и по 8 дадутъ, для того, же на кабанахъ оной мало, а почитать и нѣчого немашъ, а объ моемъ суднѣ жадного немашъ извѣстія зъ Гиляни. Обѣдала у насъ панѣ, Ханенко и Заруцкій, ради именинницѣ родителки.

Вовторникъ. 10. Панъ гетманъ присилалъ отца протопопу глух. въ той силѣ, чтобъ мы искали у его себѣ примиренія. Купилемъ книжокъ 3 у печатной лавкѣ, служебникъ за 25 а. и копѣйку, минейку общую за 24 а. и копѣйку, о исповѣди поученіо за 8 шаговъ. Пану гетману зъ колегіи иностранной принесено грамоту на гетманъство и шубу зеленую аксамитную, соболями подшитую. У вечеру у Курбатова былемъ, где у Якимовича сегогоднихъ авизій позичилемъ.

Середа. 11. Рано едилисмо до графа Головкина зъ родителемъ, для того, что онъ сегодня отеждаетъ на свои деревнѣ, на нѣкоторое время; а у паней обѣдалисмо. У вечеру былемъ у панеи и видѣлемъ Івана Артѣлного, секретара бывшого колегіи бывшой малор., которій вчора повернулся зъ Глухова, куда ездилъ, посланъ будучи отъ Наумова до Арсеніева. Барометрумъ направлена трубочка, зовемая thermometr, за полтину.

Четвер. 12. Сегодня рано пріездилъ протопопъ глуховскій зъ тимъ, чтобъ панюй и намъ быть у пана гетмана, по его жъ желанію. Обѣдалисмо у отца духовника Тимофѣя Василіевича, имѣющого позавтрому отездить въ домъ свой до Тростянця. Ездила панѣ, родитель, Чарнишъ и я до пана гетмана, а нѣчого съ того. 10

вѣд. за 9 р. прост., а оков. 3 за 5 р. Дефаршу. До колегіи иностранной призивани зъ нашихъ многіе, положенніе въ кандидати на старшинство, и велено имъ по отездѣ гетманскомъ поудержатися.

Пятокъ. 13. Сегодня вимѣрилъ Петро куоу у Ѳедорця бывшую, зъ якой вийшло 21 вѣд. и пол. Петру кухару купленъ камзолъ за 40 а. зъ гривнею. Были у насъ Валкевичъ, Голенковскій, Антоновичъ, зъ которими игралемъ въ карти.

Субота. 14. Сегодня ездилисмо до панеи, где по службѣ Божой кушалисмо. Привезлъ Камѣнскій кулбаку нѣмецкую, чили аглинскую, за 7 р. здѣланную, и верхніе лосиніе за 4 р. кошитіе, вмѣсто данихъ, назадъ отосланихъ.

Неделя. 15. Сегодня елужбы Божой слухалисмо въ Богоявленскомъ монастирѣ, а по службѣ обѣдалисмо у панеи. Ездилемъ до Андрея Миклашевского и тамъ увѣдомилемся, что Лисенко отъ вел. папа гетмана, ездившій до графа зъ проженіемъ за отпускомъ удержанныхъ старшини, повернулся зъ отвѣтомъ тимъ, что невозможно ихъ теперъ отпустить, но развѣ за поворотомъ ихъ, господъ минѣстровъ. Вѣжевскому на его нужди, что боленъ, далемъ 4 р.

Понеделокъ. 16. Сегодня ходилемъ до лавки зъ Лескомъ кравцемъ, купилемъ понсовой матеріи, на подобіе канатцу, 7 аршинъ зъ чверткою, аршинъ по 7 зол., а всего 10 р. и 5 а. Да ему жъ Леску далемъ полтора рубля на его нужди. Несторовичеви подарилемъ другую часть бесѣдъ Златоуст. на Павлови посланія, а себѣ вмѣсто того другую купилемъ. Ездилисмо оба зъ родителемъ до вел. п. гетмана прощатся по словахъ протопопи глуховского, нарочно отъ его до насъ пріездившого, и потому—нѣчого.

Вовтор. 17. Сегодня обѣдалисмо въ дому. Пану гетману и и протчіимъ при его вел. отеждаючимъ, дано жалованне камками и соболями.

Середа. 18. Сегодня обѣдалемъ у себе зъ братомъ, а по обѣдѣ у вечеру ездилемъ до Курбатова, где посидѣвши, повернулемся назадъ. Панъ гетманъ виехалъ зъ Москви въ домъ свой, ку Глухову, и много нашихъ малороссіянъ, въ якомъ числѣ и лубенская полковая старшина, опрочъ войта.

Четвер. 19. Сегодня поехалъ Несторовичъ въ домъ свой, черезъ котораго писалемъ писма до родителки и брата п. Семена и пана Михайла поздравителніе, и до жени писалемъ же и послалемъ косяковъ лудану 3, книгу бесѣдъ Златоуст., книжечку о исповѣди, квѣтокъ китайскихъ 3 панѣрки и нужникъ крашениновий, полевий. Принялемъ отъ Петра денги, якихъ всѣхъ съ доводячимися за куфу будетъ 66 р. съ полтиною и 5-ма копѣйками, съ сихъ денегъ у его 2 мѣшка мѣднихъ по 20 р.

Пятокъ. 20. Сегодня доношеніе род. составленно. Бандуру принюсъ майстеръ, за якую далемъ 2 гривни, а шкатулку вичистилъ лавочникъ за полтину.

Субота. 21. Сегодня обѣдалисмо у панеи. Продани яловицѣ род., десятокъ за 20 р.

Неделя. 22. Сегодня службы Божой слухалемъ у коллегіумъ, а обѣдалемъ у панеи съ родителемъ. Заездилисмо до князя Василія Ивановича Гагарина двора торговать. Получилемъ писмо съ дому отъ Клима, въ якомъ означаетъ, что пчоли было въ Уздицѣ 362. Насипали куоу простой гор., въ которую влѣзло 41 вѣд.

Понеделокъ. 23. Обѣдалисмо въ дому. За часи золот. Александру первимъ разомъ далемъ 30 р. до отдачи Каратаеву. По обѣдѣ, оба съ родителемъ, ездилисмо до помянутого Гагарина, где панюю заставши, обще сторговали домъ его каменній, на Тверской улицѣ стоячий, за 3300 р., а пошлина панеи. Овса двѣ четверти купилемъ, а четверть по 7 гривенъ.

Вовтор. 24. Сегодня обѣдали у насъ панѣ, Николай Ивановичъ Бутурлинъ съ женою и Сергѣй Автомоновичъ Головинъ съ женою жъ. Черезъ служку Каратаеву другимъ разомъ ему послалемъ 15 р., а третимъ разомъ Александру далемъ 5 р., итого за часи золот. далемъ всѣхъ денегъ 50 р.

Середа. 25. Сегодня обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ ездилемъ до Гагарина взглядомъ двора, который то отложилъ за завтрее.

Четвер. 26. Сегодня съ Александромъ ездилисмо до князя Гагарина, который отложилъ на завтрее; а обѣдалемъ у панеи съ рот. и Левенцемъ. Купилемъ вагу желѣзну за 4 гривни. Камѣн-

скій привезлъ гузѣки, за которіе заплатилъ 2 р. за дѣло, да онъ же сребро у золотара вишукалъ, якое дано на штучки до шаблѣ. Зъ Александромъ отнеслисмо чайникъ фарфоровий въ лавки, здѣлать ручку. Петро продалъ куфу гор. за 42 р. и половину взялъ.

Пятокъ. 27. Сегодня ходилемъ въ лавки и купилемъ бейбереку аршинъ полъ 8, по 8 гривенъ, до полу завойковую (мѣхъ) за 3 р. зъ четвертю, да полку чорнихъ сѣбирокъ за полтора рубля, струнъ римскихъ 6 по 2 а., книжку латинскую Scrutinium sacerdotale за 2 гривни. Ездилемъ зъ Александромъ до Гагарина за дворомъ, которий цѣле отказалъ.

Субота. 28. Зъ чтенія познаніе сего, что проба правди всякой у епикуровъ и перипатетиковъ есть самое чувствій чили смисловъ отправленіе да предзнаніе ума; а въ картезіановъ познаніе ясное и собенное, которого основаніемъ и виною есть правда Божія, то-есть напримѣръ: того ради я знаю себе бити животное разумное, что должности такового животного во мнѣ сущіе ясно и собенно вижу или познаю; познаніе же тое ясное и собенное для того признано бити въ томъ правдивое, что Богъ творецъ оного самая есть верховная правда. Панѣ дворъ купила въ Китаи городѣ, у князь Сергія Борисовича Голѣцина, за 3000 р., недалече Богоявленского монастира, и задатку дала 200.

Нѣделя. 29. Сегодня рано былисмо у графа Головкина, вчора зъ своихъ маетностей сюда въ Москву пріехавшого, а обѣдали у панеи. Куѳу насипали гор. вѣд. 24 безъ 4-хъ лѣверовъ, якихъ въ вѣдрѣ полъ 10. Очистилемъ себѣ избу, за окно до оной заплатилъ 20 а., а за то что вимазалъ—5 а.

Понеделокъ. 30. Сегодня рано пріездилъ до насъ Валкевичъ, и доношеніе исправилисмо, да и учадѣли (угорѣли) оба. Поехалемъ въ Яковлево, а ехалъ около 5 часовъ, а пріехалъ туда у вечеръ.

Вовтор. М-цъ октовр. 1. Сегодня тутъ въ Яковлевѣ, въ тутейшомъ храму, праздникъ Покрова отправовали и мы тутъ обѣдали и дновали. Тутъ увѣдомилемся о секретѣ на блощицѣ (клопы) олѣею мазать тамъ стѣну, албо щилину, где они суть.

Середа. 2. Сегодня обѣдалисмо въ купѣ, а по обѣдѣ поехавши, пріехалемъ за 4 часа въ Москву.

Четвер. 3. Сегодня обѣдалисмо зъ родителемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до Маса и оного не заставши въ его квартерѣ, затимъ, что отлучился до болного князь Васил. Волод. Долгорукова. Былемъ у Курбатова и позно у вечоръ пріехалъ въ свояси.

Пятокъ. 4. Сегодня ходилемъ на мѣсто и купилемъ кагве 2 фунта за 40 а., сахару канарского 2 голови, за 2 р. и 4 а., фунтъ по полкопи, да подлѣйшого мало голову третую, фунтъ по 7 а. съ копѣйкою., панчохъ (чулокъ) пару вовняныхъ за 8 а., носковъ плетенихъ зъ шерсти 2 пари за 16 копѣкъ, смолки (сургучу) чорной и красной 2 прутика, за 2 гривни, свѣчокъ благовонныхъ 20, за 16 копѣкъ; трость 20 а., папѣру 4 лѣбри, по гривнѣ лѣбра, хустку шовковую за 10 а. Да въ лавкахъ же взялемъ книгу старую бесѣди Златоуст. на дѣянія, за полтора руб., а до крайнего сторгованія въ закладъ положилемъ тѣ полтор. Зъ чтенія Антонія Алевенгекъ видно стало, что кожа человѣческая покрита лускою разнофѳgурною, мѣжи которою щилинки, мокрота, тоесть нѣтъ проходитъ, а не порами, которихъ въ тѣлѣ нѣтъ человѣческомъ. Да по его обсерваціи черезъ микроскопію никакого движенія животного нѣтъ въ слюнѣ людской, а въ матеріи бѣлой, якая вмежду зубами и на зубахъ, въ ротѣ имѣется движенія животнихъ безчисленнихъ суть, которіе онъ увидѣлъ, смѣшавши тую матерію зъ слинею и водою дожчевою чистою, а животніе тіе безмѣрно малой фѳgури, долговатенскіе мало, которіе отъ оцту, примѣсивъ оного туда жъ, заразъ умираютъ. Такъ же и угрики маленкіе, которіе обикновенно зъ носа видавляются, не що инное суть, толко волоски тонесенкіи, зрозніи и будто обволоченніе въ куну, которихъ налѣчинъ отъ 36 до 45. Луска зась на тѣлѣ нашомъ будучая, не есть мокроти зъ тѣла дашого вийшовшой, но особливой субстанціялной матеріи составленіе есть; тая жъ луска не толко отъ внѣ по всему тѣлу, покриваючи оное, имѣется, но и въ ротѣ, и что красний чили кривавий коліоръ показуется, тое усмотрѣлъ Алевенгекъ бити отъ нерекгулярного расположенія оной луски, которая

неплотно сторонами своими боковими лежачи, показуетъ по себѣ той кривавий цвѣтъ. И потому латво домекатись притчини, для чого волосокъ малий по тѣлѣ великій лоскотъ чинитъ, то есть для такового то луски помянутого составленія, которий волосокъ отъ внѣ твердость острую имѣючи, а по неравнихъ щилинкахъ, между оною лускою имѣющихся, повезенъ, прудкое движеніе дѣйствуетъ и того ради, что не гладко, але якъ би стропотно лоскочетъ. Да помянутий же авторъ, въ своихъ обсерваціяхъ, повѣствуетъ, что мокрота флегматичная внутръ кишокъ обрѣтаючаяся не есть самою рѣчію мокрота, но безчисленное совокупленіе тонкихъ и малихъ жилокъ, умисле къ кишкамъ припаенних, которіе кровъ къ своему питанію притягаютъ. Объ оцтѣ естли разсуждаетъ, которий ежели примѣсить до крове, а прилить въ отверзтую жилу животному якому либо, скоро съ того умретъ, которий человѣку не вредитъ, хочай оного и употребляетъ, а то для того, что оного острая мокрота заразъ въ жолудку всѣдается и до жилъ кровоносних не доходитъ оная, кромѣ самой тончайшой мокроти, что видно зъ молока, которое дитя виссавши хочай би заразъ вивомѣтовало, однакъ уже нерѣдкое будетъ, але въ грудочки зсядется. Жилки молочніе или лимфатичніе всю свою матерію получаютъ отъ матеріи молочной, явая хилусъ називается, въ кишкахъ будучой, протчіе же жилки, отчасти оттуду питаются, бо самую кровъ въ себѣ носятъ. Іоганъ Францѣскъ Буддѣй, въ бесѣдѣ своей богословской на атеистовъ, повѣствуетъ, въ главѣ третой, о догматехъ зъ бе божіемъ сопряженних, тѣхъ догматовъ вичисляючи, а именно: отреченіе промислу Божіяго, сумнителство о безсмертіи души, отреченіе ангелъ благихъ и злихъ, пророчествамъ и чудесамъ невѣріе, христіянского благочестія опроверженіе, писанія священного достоинства обруганіе, зъ которихъ числомъ о второмъ разсуждаючи, приводитъ древнихъ египтянъ, исповѣдавшихъ безсмертіе души, по симъ самимъ утверждаху духопрехожденіе, тоесть тѣлу умершу, душа въ другое рождающееся тѣло переходитъ, и тому умершу—въ иное, поколь въ человѣка, знову отъ животних повернется, которий поворотъ щитали были за 3000 лѣтъ. Умнѣйшіи же зъ египетскихъ философовъ разсуждали, что душа человѣческая по умертвіи тѣла, къ Богу или

къ душѣ мира всего, которую и толь дѣлному животному признавали быти, нѣкоторую тонкость вишнего воздуха. Другіи же оную душу частію существа Божіяго признавали, но подъ такою силою хатростно и безумно, признавая оную душу мира за бога, якою ересью и Пѳagоръ поврежденъ, которій хотя и смерти душѣ не признавалъ, однакожъ оной и чистого безсмертія не исповѣдалъ, но нѣкоторое по смерти тѣла примѣненіе и оную сказивалъ бити небозматфіялную, или не безтѣлесную, понеже по его системматѣ, и Богъ тѣлесенъ же, хочай тончайшого самого состава, въ якой силѣ и Платонъ философъ тожъ безсмерліе души утверждалъ. Аристотель же тако признавалъ, якъ его толковникъ арапинъ Аверроссъ, гишпанецъ родомъ, свѣдчитъ, тоесть духи движущіе, разумніе всякому кругу опредѣливши съ тѣхъ духовъ и кругу земному единого духа разумного, съ которого и души человѣческіе бываютъ, призналъ и оного частію существа божіяго и послѣдователно безсмертного показалъ; души же человѣческіе, яко множественніе смерти и тлѣнію причелъ.

Субота. 5. Сегодня обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ заездилемъ до архиерея новгор., Веляминова, Степана Лукича и позно въ домъ мой повернулемся.

Неделя. 6. Сегодня господа были у его величества, недавно зъ охоти пріехавшого въ слободу, и тамъ трактованн были при пушечной стрелбѣ. Подаренний барометръ, художества механика Лейтмана, получилемъ отъ архиерея новгор. Обѣдалемъ зъ родителемъ у панеи, а по обѣдѣ до нашихъ кандидатовъ заездилемъ и тамъ посидѣвши до позна, въ свою квартиру повернулемся. Петро куеу, мѣрою у 24 вѣд. безъ чогось, уступилъ знакомцу за 23 р. зъ полт. Купилемъ у шевця чоботи зъ юхти зъ топленимъ саломъ дѣланной пошитіе, за 30 а.

Понеделокъ. 7. Сегодня рано былемъ въ колегіи іностранныхъ дѣлъ, а оттуду до панеи пріехавши, засталемъ тамъ сестру Уляну и обѣдалисмо, а по обѣдѣ повернувшись въ домъ, засталемъ пріехавшого Івана Гамалѣю, такожъ Андрея Миклашевского и Тарнавского. Продани воли род. и мои, за всѣ 25 за 90 р., зъ якого числа, за мои 10 принялъ 33 р. Антоній Левенгекъ въ своихъ об-

сервацiяхъ разсуждаетъ о мокротѣ кристалной, которая такъ называется коліоръ бѣлій, у оку обрѣтающійся, что оная мокрота зъ безчисленныхъ тонкихъ нитей, чили жилокъ найтоншихъ, звита, албо сплетена есть, что онъ помощію микроскопія увѣдѣлъ, и оніе напримѣръ променей отъ центра циркула происходящихъ, толко та рознь, что трома разними дорожками произведени и также власно звити и такою фѣgурою сплетеніе оное не толко въ человѣкахъ, но и во всѣхъ звѣрехъ имѣется, а у рибъ и птицъ не трема дорожками, но двома, отъ центра жъ сплелись оніе нити. Да о составленiи крови въ члвѣкахъ и въ животнихъ признаетъ, что матерія оная, которая кровь нашу красною чинитъ, составляется зъ кружковъ, почому и крове самая малая часть кругла, но въ рибъ и птицъ тая жъ матерія не толко зъ самихъ кружковъ, яко болше зъ плоскостей подобнихъ фѣgурѣ овалной составленна. О черности ефіопа разсуждаетъ же, что оная черность не въ мясѣ человѣческомъ, но въ лусцѣ, которою обикновенно во всѣхъ животнихъ и въ члвѣцехъ оное мясо чили тѣло покрито есть, содержится, а что черность тая самою рѣччю не есть черна, но приложенная до микросконія блѣда, въ примѣръ воденого коліору, а черна обнаженному оку здается, ради густого оного цвѣту совокупленія, таково и чернило до микроскопія приложенное и матерія едвабная черная показуется блѣдимъ, а не чорнимъ коліоромъ,

Вовторн. 8. Сегодня рано ездилемъ въ колегію, а обѣдалисмо у себе; по обѣдѣ видѣлемся зъ Еропкиномъ и повернувшись въ домъ, застalемъ Чуйкевича. Златоустъ въ бесѣдехъ на Маѳея, второй части, въ нравоученiи о иноцехъ, сказиваетъ о регулѣ иноческой въ монастирахъ живущихъ, зъ которого нравоученія видно, что еще въ ту пору оніе иноци мяса не идали, ибо между иннимм словами приводитъ и то, что оніе иноци вмѣсто мяса печеного огнемъ хлѣбъ зъ водою ядятъ и нѣтъ тамъ диму мясного. Стефанъ Хаввѣнъ и Францѣскъ Буддей, превисокіи филозофи, тотъ in lexico philosophico, а сей въ бесѣдѣ богословской, о сусевѣріи разсуждаютъ астрологическое ученіе весма быти суетное и лживое, и прямому благочестію противное, понеже суетніе астрологастри, зъ оной своей астрологіи

то притворяютъ себѣ вѣдати, что никому же кромѣ всевидущого Бога видимо есть, и то звѣзднимъ теченіямъ приписуютъ, что едина Божія провѣденція или смотреніе такожде свободнихъ тварей свободное изволеніе дѣйствуютъ, а предсказуютъ о чловѣку время рожденія его или горскопъ, зъ таковимъ именно звѣздъ аспектомъ злучивши, какой онъ будетъ инклѣнацѣи и якіе имѣтиметъ темперамента, хто гнѣвливъ, хто мелянхолѣнъ, хто премудръ, хто сластолюбецъ. Будто то единий звѣздъ аспектъ въ пунктѣ рожденія его бывшій имѣитъ натуралную силу раждати въ опомъ чловѣку множество или мелянхолѣи или жолчи, или другихъ мокротнихъ духовъ, и съ такого разсужденія пророчествуютъ о бутущихъ случаяхъ, свободно приходячихъ, о кондиціи житія людского, о супружествѣ, дѣтехъ, честехъ, нещастяхъ и проч., и такогово ученія вишепомянутіе филозофи и богослови, усмотрѣли бити суету и ложъ по таковимъ причинамъ: 1) что оніе астрологи натуру звѣздъ и сили тѣхъ, которіе надъ другіе жъ знатнѣйшіе суть земнимъ, мало и скудно знаютъ; 2) множайшіе же суть звѣзди, которихъ натура и сили весма отъ нихъ закрити, а таковихъ звѣздъ дѣйствіе многоразлично и дѣйствіямъ знакомѣйшихъ звѣздъ примѣшуватися обыкли; 3) разная диспозиція свѣта сего, которій пониже луни обрѣтается и нижнихъ тѣлесъ, зъ чего то бываетъ, что небесній инфлюксусъ или стеченія разнообразно принятіе, такожде разнообразно и дѣйствуютъ; 4) жадной притчини нѣтъ, для чого барзѣй онимъ астрологамъ нужно разсуждать пунктъ рожденія и якому аспектови усмотрѣть, якобы существенно; 5) що жъ, когда единимъ и тѣмъ же времени и начати и рождени суть многіе, а разніе и натури, и житіе, и случаи имѣютъ, сіи показались еще жъ люде обоего полу, всякого возраста разними звѣздъ движеніями на свѣтъ сей произошли въ разнихъ государствахъ, а всѣ тіе или пропастію земпою, или упадшими домами, или добитіемъ городовъ, или единимъ въ морѣ потопленіемъ погибли, единимъ образомъ смерти и въ единомъ моментѣ погибли; 6) ежели темпераментъ человѣческого тѣла непремѣнно положеніе звѣздъ управляетъ и за поводомъ звѣздъ все дѣлаютъ люде, то потому добродѣтелемъ и злодѣніямъ нѣтъ мѣста; 7) да

еще жъ и смѣшно унѣверсалной темпер-цѣи тѣло у звѣздъ искать, будто ближайшіе притчини, тоесть перемѣни воздуха, дожчи, вѣтри, погоди и проч., до начала рождаемихъ не надлежатъ; 8) албо тежъ воспитаніе, воскормленіе, наконецъ проведенція Божія, мимо всѣ звѣздніе аспекта, зъ Фараономъ и зъ нимъ бывшимъ моногочисленнимъ народомъ пресѣченіе единакое житія ихъ въ единомъ пунктѣ времене устривша, нѣчого въ людяхъ не дѣйствуютъ, а такъ суетное и честнихъ мужей недостойное оное астрологическое ученіе, албо рачей вимишленіе тупеядцевъ лживое.

Сину портного Василія Петру билемъ кумомъ зъ дочерю Протасіевой Любовію Михайловною, а Протасіева сля была жена умершого Протасіева околничого.

Середа. 9. Сегодня тезоименитство мое отправляли и бы и у насъ на обѣдѣ панѣ, Николай Бутурлинъ зъ женою, а кумою род. Маріею Володимер. и Валкевичь, и передъ вечоромъ разехались. Род. 150 чер. по 11 зол. размѣняли.

Четвер. 10. Сегодня Стефанъ Хаввѣнъ въ разговорѣ своемъ, со мною разсуждалъ о имени филозофскомъ fatum, которое бываетъ раздѣляемо четверократно, тоесть fatum математическое, албо астрологическое, о якомъ вижей; fatum стоическое, нужное всѣхъ вещей сплетеніе и потому случаевъ непремѣнное собитіе; fatum физическое, или натуралное, всякихъ вещей дѣйствіе, и fatum божеское, онаго дѣйствія ненатуралного премудр е строеніе и промыслъ. И съ того раздѣленія послѣдніе фата два имѣютъ разумъ правилный и христіянская филозофія не противится симъ, а первѣйшіе два суть ложніе и благочестію противніе. Да онъ же разсуждаетъ объ урокахъ, которіе натурално бываютъ не зъ чого инного толко зъ особливого дѣйствія, проистекающой сквозь пори тѣлесніе сили заразливой у улучающой въ другое тѣло, и сквозь пори проходячой, и амъ помѣшателство въ крове и вредъ сочиняючой. Доводемъ того есть тое, что жена теченіе мѣсячное имѣючая, взоромъ своимъ самое чистѣйшое зерцало окропитъ кровними каплями, которіе зъ ея тѣла выходячи на чистотѣ зеркала видни засхнувши становлятся, и потому малого дитяти, которого молоденкое тѣлце уломно къ урокамъ и склонно

ПРОШЕНІЕ СОТНИКОВЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКА

О

КОЗАЧЬИХЪ ОБИДАХЪ,

поданное имп. Елизаветѣ въ 1744 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1894.

Прошеніе сотниковъ Черниговскаго полка о козачьихъ обидахъ, поданное имп. Елизаветѣ въ 1744 г.

Документъ, печатаемый подъ приведеннымъ заглавіемъ, отысканъ нами въ дѣлахъ Харьковскаго Историческаго Архива и имѣетъ свою исторію, не вполнѣ, правда, ясную, не вполнѣ и законченную, но тѣмъ не менѣе довольно любопытную и поучительную. Мы перескажемъ ее здѣсь, по возможности, въ короткихъ словахъ, не вдаваясь въ подробности, оттѣняя отъ нихъ лишь то, что такъ или иначе уясняетъ значеніе самаго прошенія. [1])

Когда разошлась по Малороссіи вѣсть о предполагаемомъ путешествіи императрицы Елизаветы въ Кіевъ, въ разныхъ слояхъ малорусскаго общества проявилось нѣкоторое оживленіе. Здѣсь уже хорошо извѣстна была близость къ императрицѣ Ал. Разумовскаго, и на фактѣ этой близости и вытекавшихъ изъ нея симпатій Елизаветы къ Малороссіи строились многіе разсчеты. Особенно старшина, заранѣе позаботившаяся обезпечить себѣ вниманіе любимца государыни, надѣялась съ его помощью добиться удовлетворенія своихъ желаній, въ ряду которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимало возстановленіе гетманства и устраненіе великорусскихъ чиновниковъ отъ управленія страною; вмѣстѣ съ тѣмъ старшина хлопотала и объ уничтоженіи тѣхъ указовъ, которые полагали нѣкоторыя препятствія къ свободному росту ея экономическаго могущества на счетъ другихъ классовъ народа. Но ожидаемый пріѣздъ государыни въ страну давалъ, казалось, возможность дойти до нея голосамъ и другаго рода,

[1]) Самое прошеніе извлечено нами изъ дѣла Х. И. Арх., Дѣлъ Малор. Колл., Черниг. отд., № 51. Въ этомъ дѣлѣ находятся бумаги слѣдствія съ декабря 1747 г. по 1754 г. Другое дѣло (ibidem, № 214) рисуетъ судьбу прошенія въ сенатѣ, назначеніе слѣдственной коммиссіи и начало слѣдствія. Прошеніе напечатано нами по списку, который былъ сперва у Кузьминскаго, потомъ у Полянскаго.

представлялъ удобный случай обратить вниманіе верховнаго правительства на тотъ ненормальный путь, какимъ шло развитіе соціальной исторіи края, на тѣ многочисленныя злоупотребленія, какими сопровождались дѣйствія мѣстной администраціи, воплощавшей въ себѣ опредѣленные соціальные интересы, на тѣ прямыя притѣсненія, наконецъ, какимъ часто подвергались лица низшихъ общественныхъ классовъ. Подобныя мысли и дѣйствительно появились мѣстами, главнымъ образомъ въ средѣ сотенной администраціи, обладавшей нѣкоторыми средствами для ихъ осуществленія и не всегда настолько отдѣлявшійся отъ массы козачества, чтобы вполнѣ забыть его интересы. При этомъ однако рѣчь шла именно только о козачествѣ, представителями которыхъ являлась эта сотенная старшина; группа посполитыхъ, не менѣе, если не гораздо болѣе еще нуждавшаяся въ помощи, не входила въ разсчеты лицъ, мечтавшихъ выступить ходатаями отъ лица народа, можно думать, по тому, что самые интересы козаковъ и посполитыхъ представлялись въ данное время уже далеко разошедшимися въ разныя стороны. Особеннымъ успѣхомъ мысль о такомъ представительствѣ передъ императрицею за козаковъ пользовалась въ средѣ черниговскихъ сотниковъ, у нихъ же она нашла себѣ и реальное осуществленіе. Сотники и сотенные старшины Черниговскаго полка, назначенные для встрѣчи и конвоированія императорскаго поѣзда, не разъ съѣзжались и бесѣдовали на ту тему, что хорошо было бы довести до свѣдѣнія государыни о козачьихъ нуждахъ.

Главными участниками этихъ бесѣдъ, а вмѣстѣ, повидимому, и иниціаторами всего замысла были четыре сотника: Синявскій—Андрей Полянскій, сосницкій—Павелъ Политанскій, бѣлоусскій—Демьянъ Малинскій и менскій—Григорій Кузминскій. Они-то собирали у себя съѣзды другихъ сотниковъ „для согласія“, вели съ ними частые разговоры о злоупотребленіяхъ полковниковъ и генеральныхъ старшинъ и усердно агитировали среди низшихъ старшинъ сотенъ, доказывая необходимость заступиться за козаковъ и обличить передъ императрицей дѣйствія высшей администраціи Малороссіи. Въ концѣ концевъ имъ удалось привлечь къ своему плану еще шестерыхъ сотниковъ (райскаго, волынскаго, городницкаго, седневскаго и наказныхъ менскаго и синявскаго) и нѣсколько десятковъ низшихъ сотенныхъ старшинъ и куренныхъ атамановъ. Въ собравшемся такимъ образомъ кружкѣ каждый изъ лицъ, его составлявшихъ, обладалъ богатымъ запасомъ фактовъ, подтверждавшихъ задуманныя обличенія,

но далеко не всѣ были увѣрены въ успѣхѣ этихъ обличеній. „Хотя то и усе правда, говорилъ Полянскому седневскій сотникъ Иванъ Рымша на одномъ изъ собраній, токмо трудно буде о томъ всемъ доказывать". Постоянныя бесѣды, на которыхъ происходилъ обмѣнъ впечатлѣніями и фактами, подкрѣпляли однако духъ кружка и сообщали отдѣльнымъ его членамъ увѣренность въ возможности осуществить съ успѣхомъ задуманное дѣло. Рѣшено было составить челобитную, въ которой резюмировать всѣ отдѣльные факты злоупотребленій, кому-либо изъ участниковъ извѣстные, и, снабдивъ ее подписями всѣхъ членовъ кружка подать императрицѣ. Такая челобитная и была составлена, притомъ даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и одинъ изъ нихъ, съ подписями 9 сотниковъ и нѣкоторыхъ другихъ чиновъ, врученъ былъ Кузминскому для подачи императрицѣ. Въ послѣднюю, рѣшительную минуту на Кузминскаго напалъ однако страхъ передъ затѣяннымъ дѣломъ и онъ уѣхалъ изъ Кіева, не подавъ челобитной, о чемъ лишь черезъ нѣкоторое время извѣстилъ Политанскаго слѣдующимъ письмомъ: „Благородный м-цѣ пане сотникъ Сосницкій, мой велце ласкавій благодѣтель! Доношеніе о нуждахъ козачихъ въ обществѣ мною въ Кіевѣ не подано для того, что самому мнѣ едному за отъездомъ вмтей мцѣ панства подавать било не безъ подозрѣния, другое, что слухъ весма надеждній происходилъ о учрежденіи гетмана, третое, что дней за нѣсколко пред выездомъ Ея Императорского Величества и челобитнихъ подавать отказано, зачимъ я оное доношеніе одослалъ до пана сотника Синявского, мнѣ же в Кролевцѣ обявилъ панъ сотникъ Бѣлоускій, что такое жъ доношеніе подано отъ его Ея Императорскому Величеству и онъ видѣлъ уже у габинетнаго секретаря, господина Демидова, обявляю. Вашево благородия покорный слуга Г. Кузмѣнскій. Сент. 29 1744 г. Мена". Въ этомъ письмѣ Кузминскій собственно скрадываетъ дѣйствительные мотивы, въ силу которыхъ онъ не подалъ «доношенія»: другимъ своимъ товарищамъ онъ говорилъ тоже, что не сдѣлалъ этого «за неполученімъ къ тому способного времени», на слѣдствіи же позднѣе показывалъ, что такъ онъ поступилъ «не токмо за неполученіемъ способного времени, но и для того, что онъ, сотникъ, разсуждалъ, ежели де оное доношеніе подать, то будетъ продолжителное по оному слѣдствіе. Какъ бы то ни было, дѣло оказалось сдѣланнымъ и безъ него: Малинскій, въ рукахъ котораго тоже находился списокъ доношенія, подписанный кромѣ него Полянскимъ, Политанскимъ и 22 человѣками сотенныхъ старшинъ и куренныхъ атама-

новъ, подалъ этотъ списокъ имп. Елизаветѣ и такимъ образомъ планъ черниговскихъ сотниковъ былъ осуществленъ: оставалось считаться съ его послѣдствіями.

Они наступили впрочемъ не такъ скоро: доношеніе сотниковъ было передано императрицей, по возвращеніи ея изъ путешествія, въ сенатъ, для разсмотрѣнія и наведенія справокъ по нему; здѣсь оно пролежало около двухъ лѣтъ и лишь въ 1746 г. дѣло было представлено въ докладъ. Сенатъ рѣшилъ нарядить коммиссію для разсмотрѣнія и провѣрки на мѣстѣ тѣхъ обвиненій, какія были возведены сотниками на полковую и генеральную администрацію, и, согласно просьбѣ сотниковъ, назначилъ предсѣдателемъ этой коммиссіи чужаго Малороссіи человѣка, полковника Мейера, предоставивъ однако ему выбрать въ помощь себѣ какого-нибудь неподозрительнаго человѣка изъ мѣстныхъ старшинъ. Мейеръ прибылъ въ Малороссію лѣтомъ 1747 г. (его первый докладъ сенату помѣченъ 31 іюля) и, избравъ помощникомъ себѣ полковаго обознаго Юркевича, приступилъ къ слѣдствію. Первоначально къ нему были привлечены только тѣ лица, которыя подписались на поданномъ императрицѣ доношеніи, или, какъ именуются они въ актахъ слѣдственной коммиссіи, «доносители», но они, не уклоняясь отъ обязанности доказать справедливость своихъ заявленій, показали однако, что многіе факты имъ извѣстны только по разсказамъ товарищей, которые должны говорить сами за себя, такъ какъ собирались вмѣстѣ съ ними подать доношеніе императрицѣ. Въ доказательство они представили второй списокъ доношенія, пересланный Кузминскимъ Полянскому, и тогда коммиссія указомъ отъ 8 декабря 1747 г. привлекла къ дѣлу и всѣхъ, подписавшихся на этомъ спискѣ, которому въ свое время не дано было хода. Почти всѣ они однако старались подъ разными предлогами уклониться отъ дѣла. Такъ напримѣръ Волынскій сотникъ Романъ Журба на допросѣ 11 янв. 1748 г. въ слѣдственной коммиссіи объявилъ: «в чомъ онъ сотникъ Журба в подписки на некоторихъ пунктахъ и на заготовленномъ ихъ прежнемъ доношеніи подписался, онъ сотникъ Журба ничего по тому в оной коммиссіи показать не имѣетъ, ибо онъ сотникъ безграмотенъ и, на чомъ подписался, подлинно ведать не можетъ, к тому ж онъ тогда вновь в сотню Волынскую сотникомъ в началѣ того ж 744 году былъ опредѣленъ, и тогда нѣ по чому еще било о тѣхъ козачихъ обидахъ ему сотнику знать.» Сотенные Менскіе старшины на призывъ въ слѣдственную коммиссію сперва отвѣтили, что ихъ сотникъ находится въ Петербургѣ, а имъ

самимъ «нѣ по чему явится, понеже де они якъ прежде, такъ и нинѣ не челобитчики», и только мѣсяцъ спустя заявили, что и они, «доносить Ея Императорскому Величеству... были согласни», и обѣщали явиться въ коммиссію, когда возвратится сотникъ ихъ. Но и самъ Кузминскій наравнѣ съ другими пытался теперь увернуться отъ слѣдственной коммиссіи. Долго онъ не ѣхалъ въ нее, не смотря на нѣсколько разъ повторявшіеся вызовы, наконецъ за нимъ посланъ былъ нарочный, который и привезъ его; въ февралѣ 1748 года далъ онъ первыя свои показанія и выпросилъ затѣмъ себѣ отлучку до 1 марта для справки съ документами. Къ этому сроку однако онъ опять не явился, а прислалъ заявленіе, что ѣдетъ въ Глуховъ по дѣлу козаковъ съ указомъ сената, но козакъ, привезшій это заявленіе, показалъ въ коммиссіи, что сотникъ спокойно живетъ дома и никуда не собирался ѣхать. Послѣ новаго настойчиваго приказа коммиссіи явиться къ слѣдствію Кузминскій 7 марта подалъ прошеніе въ генеральную войсковую канцелярію, въ которомъ прямо отстранялся отъ дѣла, мотивируя это тѣмъ, что онъ не подписался на поданномъ императрицѣ доношеніи и ведетъ объ обидахъ козаковъ своей сотни особое дѣло въ сенатѣ. Вытребованный тѣмъ не менѣе въ коммиссію онъ наконецъ взялся доказывать справедливость «доношенія». Точно также поступали и другіе.

Неудивительно, конечно, что при такой обстановкѣ и главные «доносители» не чувствовали особой охоты продолжать начатое дѣло. Изъ нихъ Политанскій долго не ѣхалъ вторично въ коммиссію, отговариваясь болѣзнью; посланный осмотрѣть его нарочный подтвердилъ фактъ этой болѣзни, но коммиссія все таки вытребовала его и тогда на допросѣ 16 марта 1748 г. онъ заявилъ, «что онъ нинѣ за болѣзнью его казать ничего не можеть». Бѣлоусскій сотникъ Демьянъ Малинскій тогда же сказалъ, «что онъ содержится подъ карауломъ, а по правамъ де нашимъ кто подъ карауломъ сидить и що скажеть, то не сылно, і онъ же на присутствующихъ в слѣдственной коммиссіи обонхъ персонъ, яко то на господина полковника Меэра і обознаго полкового Юркевича, челобитчикъ, і для того онъ Малѣнскій ни в какіе дѣла вступать и говорить ничего не хочеть». Впрочемъ, уже 23 марта Малинскій «сказалъ, что когда от него такие резони не приемлются и другие его товарищи в дѣло вступають, то и онъ в дѣло вступать и доказивать имѣеть, токмо просить притомъ, чтобъ онъ с под караулу былъ освобожденъ».

Дѣло пошло своимъ путемъ, но путь этотъ оказался не очень гладкимъ: онасенія Кузминскаго и Рымши вполнѣ оправдались и сбылись. Доносители не смогли доказать всѣхъ своихъ обвинительныхъ пунктовъ противъ старшины. Изъ пунктовъ доношенія слѣдователей особенно интересовалъ третій, въ которомъ заключалось обвиненіе полковыхъ канцелярій въ искаженіи и измышленіи указовъ, но онъ остался недоказаннымъ, хотя нѣкоторые изъ сотниковъ и брались отыскать въ своихъ сотенныхъ канцеляріяхъ такіе указы; единственный, представленный ими въ видѣ доказательства, прямо говорилъ противъ нихъ, такъ какъ въ немъ никакого искаженія не оказалось. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненія подтверждались точно указанными фактами, послѣдніе требовали особой провѣрки и слѣдствія: дѣла наростали, число свидѣтелей все умножалось, и постепенно общій вопросъ заслонялся для слѣдователей частностями, съ непомѣрной массой которыхъ они оказывались не въ силахъ справиться. Съ другой стороны къ дѣлу какъ-то незамѣтно примутывались и постепенно входили въ него обвиненія самихъ «доносителей» въ притѣсненіяхъ козаковъ; въ свою очередь эти обвиненія, мѣняя положеніе сотниковъ, обращая ихъ изъ обвинителей въ подсудимыхъ, привлекали къ слѣдствію все новыхъ и новыхъ лицъ, все болѣе и болѣе сложный матеріалъ. Слѣдствіе дѣйствительно становилось «продолжительнымъ»: оно тянулось годъ за годомъ, мало въ то же время подвигаясь впередъ. Прикосновенные къ дѣлу лица сходили со сцены, смѣщались съ урядовъ, умирали, а самое дѣло все шло и конца ему не видно было. Чѣмъ оно кончилось, намъ такъ и неизвѣстно. Въ тѣхъ двухъ дѣлахъ, ему посвященныхъ, которыя были у насъ въ рукахъ, послѣднія бумаги, помѣченныя 1754 годомъ, все еще представляютъ собою слѣдствіе, а другихъ слѣдовъ этого дѣла мы въ архивѣ не нашли.

Такова исторія «прошенія черниговскихъ сотниковъ». Что касается самого документа, то онъ, на нашъ взглядъ, имѣетъ двоякое значеніе. Кое-что въ немъ несомнѣнно преувеличено, кое-что обрисовано слишкомъ темными красками; онъ представляетъ собою своего рода запросъ, за которымъ должна бы послѣдовать еще уступка. Работу, въ этомъ смыслѣ не произведенную современникамъ, можетъ взять на себя потомство, руководясь другими актовыми свидѣтельствами того времени. Въ результатѣ, думается намъ, очищаются нѣкоторыя дѣйствительно присущія тогдашней жизни черты, рѣзко и ярко отмѣченныя современниками. Но если съ одной стороны этотъ документъ

рисуетъ намъ темныя стороны жизни прошлаго вѣка, то онъ же указываетъ и на существованіе протеста противъ нихъ въ самомъ тогдашнемъ обществѣ, не только среди обездоленныхъ низшихъ классовъ, но и въ нѣкоторой части по крайней мѣрѣ лицъ, занимавшихъ привилегированное положеніе. Наличность такого протеста и должна удержать насъ отъ слишкомъ рѣзкихъ, односторонніхъ приговоровъ. Почему же такой протестъ не развился, не принялъ болѣе жизненныя и достойныя формы,—на это должна отвѣчать не одна исторія черниговскаго «доношенія». **В. М.**

(Прошеніе сотниковъ черниговскаго полка о козачьихъ нуждахъ).

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская Государыня Всемилостивѣйшая.

Допосятъ малороссійскаго чернѣговскаго полку сотники і сотенная старшина нижеподписавшіесь, а в чемъ наше доношеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Предковъ Вашего І. В-ва всепресвѣтлѣйшихъ и самодержавнѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей всемилостивѣйшимы многимы указамы, а паче высокомонаршою грамотою блаженныя и вѣчной славы достоянія памяти в. г—ря Петра перваго Императора и Самодержеца Всероссійскаго, Вашего І. В—ва вселюбезнѣйшаго родителя, прошлого 723 года октября 23 дня состоявшого, утвержденно козаковъ не токмо не обиждать, но еще повелено канцеляріямъ отъ обѣдъ защищать и охранять, в подданство не порабощать и сего яко огня боятца, грунтовъ ихъ у нихъ не отнимать и ихъ въ работу не употреблять. Якіе имъ козакамъ волности Вашего І. В—ва всемылостивѣйшими многими указамы подтверждены. Оніе ж козачіе ихъ волности и грунта таковимы всемилостивѣйшимы высокомонаршими грамотами охранены не токмо в маетностяхъ издавна свободныхъ, но и въ тѣхъ маетностяхъ, кои еще за державы полской под владѣлцамы по дачамъ королевскимъ были, в которыхъ маетностяхъ тогда и козаковъ не было, а посля быть стали, ибо и на таковые маетности и дачи мужиковъ во владѣніе в подътвердителныхъ предковъ Вашего І. В—ва грамотахъ точно пишется тако: кроме козаковъ, которые при своих волностяхъ повинны быть ненарушно.

2.

Якіе козаковъ волности всемилостивѣйшимы всѣхъ предковъ Вашего І. В—ва Россійскихъ монарховъ укрѣпленные, канцеллярін не токмо отъ нихъ бѣдныхъ и безгласныхъ козаковъ разнимы образы отняли и понынѣ отнимаютъ, но и весма ихъ угнетаютъ, а имянно:

3.

Во всемилостивѣйшихъ Вашего І. В—ва высочайшихъ указахъ прошлаго 742 года состоявшихъ велено купленные и без куплѣ в противность указамъ завладѣнные козачіе дворы, футора, грунты и лѣса 1743 года съ августа м—ца понынѣ оные всѣ темъ козакамъ безденежно возвратить, а имъ владѣлцамъ отъ того владѣнія отказать и всѣхъ техъ козаковъ, копхъ оніе владѣлцы не обявили в протекціи и в господарствѣ, такожъ в подданствѣ и в курѣнцяхъ и в подсусѣдкахъ держать, всякимы оныхъ доходами и работами довольствуются, а от службы и от протчіихъ общенародныхъ повинностей защищаютъ, ис подданства оныхъ, с куренчиковъ и ис подсусѣдковъ виключить и написать по прежнему подъ сотнѣ и велѣть имъ козацкую службѣ служить, и общенародные повинности отправлять с протчіимы козакамы, а темъ владѣлцамъ ни в чемъ до нихъ не интересоватся и впредь какъ ихъ, такъ и другихъ козаковъ и ихъ детей и подсусѣдковъ себѣ в подданство не привлекать. И в силѣ оныхъ Вашего І В—ва всемилостивѣйшихъ указовъ многіе владѣлцы таковыхъ купленныхъ и безъ куплѣ неналежне завладѣнныхъ козацкыхъ дворовъ, футоровъ, грунтовъ и протчего и ихъ самихъ понынѣ имъ козакамъ не возвратили и с поддапства ихъ и с курѣнщиковъ, такожъ и подсусѣдковъ виключить и по прежнему под сотнѣ къ козачей службѣ и къ общенароднимъ повинностямъ написать не допустили, и какъ онимы козакамы, такъ и ихъ грунтамы вовся завладѣли. А канцеллярін вѣдая оные и протчіе о томъ всемилостивѣйшіе Вашего І. В—ва укази таковыхъ многихъ прямыхъ козаковъ в подданствѣ владѣлцамъ быть не токмо допустили, но и принудили неправо, о чемъ и указами с канцеллярій подъ Превысочайшимъ Вашего І. В—ва именемъ принуждать дерзаютъ, и с которыхъ многіе козаки з грунтами своимы и нынѣ въ подданствѣ и в подсусѣдкахъ мужичихъ остаются.

4.

Которіе козаки егда о своемъ козачествѣ и чтобъ в томъ званіи по присяжной своей должности В. И. В—ву отбувать службу

бить челомъ учнуть, то канцеллярїи не токмо владѣлцамъ оныхъ бить нещадно плетьмы, кіями и батожемъ донущаютъ, но инные владѣлцы в самыхъ канцеллярїяхъ таковыхъ о козачествѣ своемъ челобитчиковъ бютъ нещадно, а правителѣ канцеллярій, по занесеннимъ от таковыхъ челобитчиковъ жалобамъ, о бою ихъ не токмо молчатъ и где надлежитъ по командѣ не доносятъ, но и самы явно в томъ владѣлцамъ потакаютъ, и паче угнѣтать и в домахъ и по полямъ ловить козаковъ и держать на цепахъ, да и женъ ихъ козаковъ и дѣтей насылно в домы владѣлческіе брать и в утѣсненіи ихъ содержать допускаютъ, и опредѣленіямы своимы за то, что служитъ В. И. В—ву, а не владѣлцамъ бедные козаки ищуть, ихъ кіямы бить велятъ, и указамы подъ Превысочайшимъ В. І. В—ва именемъ то же подтверждать не опасаются. К тому ж владѣлцамъ таковыхъ челобитчиковъ о козачествѣ нарочно разграблять движимыя ихъ и недвижимыя имѣнья, а на протчихъ накидать с'естніе и питейніе припаси с'несносною ихъ обидою допускаютъ же, дабы козакъ впредь хотя бы и доказалъ о своемъ козачествѣ, служитъ В. І. В—ву с чего не имѣлъ. А указомъ . . . . . Петра Перваго . . . . . прошлаго 1723 году состоявшимъ, о козачествѣ не толко природнимъ козакамъ, но и посполитимъ бить челомъ всемилостивѣйше позволенно, егда же с оныхъ козаковъ о таковыхъ своихъ нуждахъ къ В. І. В—ву бить челомъ пойдуть, то оныхъ канцеллярій привителѣ, перенявъ такихъ козаковъ на путы закидаютъ в турму и всѣмы образы не допущаютъ В. І. В—ву Всемилостивѣйшей Государинѣ челобитствовать. О каковыхъ дерзостехъ старшинскихъ и противныхъ дѣйствіяхъ хотя имъ же и протестовали некоторіе з насъ, однакъ не что инное, толко репримандн от нихъ получили, а паче чтобъ о томъ не представляли и по представленіи при слѣдствіи не были, раскомандированы и в коммисіи опредѣляемы бывали.

5.

Всемилостивѣйшимъ указомъ . . . . . Петра Перваго . . . . . зборы праздничніе рацевіе приватные прежде было собираемые для облегченія народа вовся отставлены. За гетмана же Апостола изобрѣтенъ зборъ денегъ изъ самыхъ козаковъ, который зборъ показанъ на старшини полковые и сотенные и на канцелярскіе служители и на канцелярскіе жъ потребности, а з мужиковъ, которихъ болшимъ числомъ имѣется, и таковые ихъ дѣла в канцеллярїяхъ всегда отправляются, ничего не собирается, затѣмъ, что владѣлцы мужи-

ковъ своихъ защитили и всѣ тяжесты мужичіе на козаковъ свалили. Издревле же на войсковіе нужди изъ самихъ толко мужиковъ и изъ мещанъ, а не с козаковъ собираемы бывали збори по общему совѣту и расположенію, козаки же токмо едину службу государственную ведали. А нынѣ, понеже тѣжъ старшины и владѣлцы послѣ состоявшихся многихъ указовъ роскупили и безъ куплѣ разнообразно завладѣлы и в подданство подвергли многихъ козаковъ и стало уже меншее число, то оны с техъ уже искупленнихъ и безъ куплѣ подверженнихъ и в протекціяхъ содержимихъ ничего взимать не допускаютъ. За таковимъ недостаткомъ з осталнихъ козаковъ и за тѣ отшедшіе в куплю и без куплѣ завладѣніе берутъ денги, такъ что ралець той, который запрещенъ указомъ былъ, толко собиранъ малимъ числомъ, а нынѣ оной з'боръ, которого спрежде сего не бывало произ'йшолъ ежегодно, с'иного козака до осми гривень и болѣе. Да и таковая собираемая сумма невѣдомо куда употребляется, ибо много с тѣхъ, на коихъ дача с той сумми опредѣленна, и в комплектѣ не состоятъ, и опредѣленныхъ на нихъ денги невѣдомо где дѣваются, хотя противъ генералного опредѣленія поежегодно в сотняхъ невѣдомо почему от полковой канцелляріи прибавляются, такожъ и на сотенние старшини не всегда на всѣ опредѣленное число денегъ отдаютъ инніе же чиновники и весма не належно получаютъ денги, з бедныхъ козаковъ собираемые, имѣя свои доволствія и маетности, а чиновники сотенніе весма обижденни. А что на расходы сотенныхъ канцеллярій на всякую порознь опредѣленно в годъ по три рубля, то за тѣ денги, покупая папѣръ, чернило, сургучъ, воскъ, оливу, минѣю, свѣчи и прочное, невозможно доволствовать тѣмъ канцелляріи сотенной ниже на четверть года.

6.

А дабы вовся угнѣтать бедныхъ козаковъ и всякому з'нравителей канцеллярій и владѣлцамъ пріумножить себѣ козакамы подданства, опредѣляютъ козаковъ подпомощниковъ во всякіе мужичіе тягосты, в работи, в'дачи на почти денегъ, в'подводи и в'протчіе многіе опредѣленія, самимъ мужикамъ прислушаючія, а иногда и виборнихъ козаковъ, и за спромъ и за ослушностію владѣлцовъ, принужденны самые козаки всѣ тѣ отбувать тяжести, а в'случаи в'мѣсто мужичихъ подводъ козачіе лошадѣ в подводи і гвалтомъ беруть, временемъ же за провіантъ и фуражъ на ихъ владѣлческихъ мужиковъ и подсусѣдковъ по расположеніямъ полковой канцелляріи опредѣленніе

за ослушностію владѣлцовъ козаки вистатчаютъ, и от того оніе козаки подпомощики приходятъ в крайнюю нищету, такъ что и виборному козаку подпомоги дать не могутъ. А многие от такого разоренія, оставя свои грунта и домы, идуть прочь, и въ ту пору владѣлцы пустые ихъ козачые грунта похищаютъ безъ жадной дачи и куплѣ, а поселившихся вновь на тѣхъ же козачихъ грунтахъ подвернули себѣ в подданство, и от общенародныхъ указныхъ дабелей защитили, не взирая на то, что указомъ блаженныя и вѣчно достойныя памяты Государины Імператрици Анни Іоанновны Вашего І. В—ва любезнѣйшей сестрицы прошлаго 739 году февраля 5 дня состоявшимъся повелено всѣмъ, кои на козачихъ грунтахъ живуть и имы ползуются, отбувать козачую службу и протчіе общенародные повинности, не обходя никого, равномѣрно по пропорціи имущества, понеже напротивъ того и Комиссія Экономіи з грунтовъ посполитихъ, на которыхъ козаки, по давнымъ куплямъ и по наслѣдымъ поселившись живуть, служби посполитой к ратушамъ требуеть. О коихъ козачихъ нуждахъ хотя от инныхъ и насъ и протесты были с представленіемъ, что за таковое владѣлцовъ дерзновеніе, яко они смѣлы присовокупить себѣ без'дачи подданства, и протчую ихъ дачу надлежитъ отписать на Ваше И. В—во, однако канцеллярія ничего того не внушаютъ, предпочитая в томъ свою приватную пользу паче государственнаго інтересу, от чего умаленіе в службѣ козачей происходить, да и за ослушность в разныхъ указныхъ приложеніяхъ владѣлцовъ никакъ не штрафуютъ, но видимо имъ в томъ потакаютъ, от чего владѣлцы в'таково пришли дерзновеніе и безопасность, что присилаемихъ з сотенныхъ канцелярій по тѣмъ же указнымъ дѣламъ, яко то за доправкою провіянта и фуража на консистуючіе, за подводами и за протчіимъ, по силѣ указов по расположеніямъ требуемымъ, нарочнихъ козаковъ и коммиссаровъ сотенныхъ бютъ нещадно воловими жиламы и увѣчатъ, отчего имѣются многіе на ихъ владѣлческихъ мужикахъ и подсусѣдкахъ недоимки якіе вместо мужиковъ, затемъ, что защищаютъ ихъ владѣлцы, на беднихъ козакахъ и коммисарахъ взискуются, с немалою ихъ козаковъ и коммисаровъ обидою и разореніемъ; а по протестамъ и челобитнымъ никаково правосудія о таковыхъ самоволныхъ боякъ в канцеллярияхъ обидимые никогда не получаютъ, да съ оныхъ же владѣлцовъ егда за неисполненіе по указамъ Вашего І. В—ва прикажчики ихъ, господарь или подсусѣдки содержутся въ сотенныхъ канцеллярияхъ подъ карауломъ гвалтовне нападки чинятъ на канцеллярію сотенные и старшину сотенную в

тѣхъ канцеллярiяхъ бранятъ, а оныхъ содержимыхъ самы с под карауду самоволно освобождаютъ и по указнимъ дѣламъ исполненiя не чинятъ, а по представленiямъ о томъ в полковую канцелляpiю никакова опредѣленiя и истязанiя за то не происходитъ.

7.

Когда бедніе козаки в прошедшіе военніе с Полщею и с Туркомъ времена чрезъ килко годовъ были в походахъ, то владѣлцы, а паче тѣ, кои от походовъ укривались разними види, живя в домахъ, а усмотря, что нѣкому обстоевать за козаковъ и ихъ грунта, gвалтомъ козачіе грунта позаежжали, и хотя оные бедные козаки, пришедь с походу, били челомъ и должно б было заразъ по силѣ правъ возвратить отнятое, а владѣлцамъ велѣть судомъ искать ежелибы что имѣли до козаковъ претенсіи, о чемъ такъ словесніе, яко и писменные от многихъ з насъ протести были. Однакъ правителѣ канцеллярій, онымъ владѣлцамъ небезъпристрастно потакая, ничего не приняли и по своей присяжной должности не токмо ничего за силу вышшепрописанной грамоты и всемылостивѣйшихъ В. І. В—ва указовъ о защищеніи козаковъ не дѣйствуютъ и ихъ козаковъ не охраняютъ, но еще допустили такъ, что иннихъ козаковъ за то, что они о своихъ грунтахъ били челомъ, и до смерти поприбивали владѣлческіе старости, коп козаки от того бою и померли, о чемъ правящіе в канцеллярiяхъ ни протестовъ, ни челобитнихъ не принимаютъ на едину козацкую обиду и разореніе; и в таковихъ они жъ козаки за грунта свои искахъ нигде ни в'единой канцеллярiи не получили себѣ никогда правильной сатисфакціи, но ежели не гвалтомъ и боемъ от иску отогнаны, то волокитою отстранены или непринятіемъ челобитнихъ от иску своего вовся отдалены. А временемъ по тяжестномъ стужаніи хотя и пріймутъ от кого челобитную, то ни в протоколъ не записавъ, волочать поти, пока бѣдный козакъ, стуживъ волокитою и разореніемъ, отстанетъ отъ иску. А напротивъ того по всѣмъ владѣлческимъ на козаковъ челобитнимъ скорое разсмотреніе и рѣшеніе по хотѣніямъ ихъ владѣлцовъ дѣлается. Многихъ же козаковъ какъ из старинніхъ реестровъ козачіихъ, такъ из повихъ ревѣзіялнихъ книгъ инныхъ совсѣмъ повидиравъ, такъ что ни в'козачіихъ, ни в мужичіихъ ревѣзіяхъ нетъ, а инныхъ повитиравъ, в козачихъ спискахъ старинныхъ, в ревѣзіяхъ мужичихъ понаписовали и старинніе о козакахъ списки почернили и повидирали для своихъ прихотей,

а паче для порабощенія козачихъ грунтовъ и ихъ самихъ себѣ в подданство.

8.

Многихъ бедныхъ, разоренныхъ и з'домовъ ихъ вигнанныхъ, такожъ купленныхъ и безцѣнно купленныхъ и безъ куплѣ подверженныхъ козаковъ к присяги на вѣрность В. І. —В—ву владѣлцы не допустили, забравъ и разграбивъ все ихъ имущество такъ, чтобъ темъ привесть ихъ в крайнюю нищету, дабы они впредь не могли о себѣ бить челомъ, но разволоклися бъ по міру, какъ уже многіе и разволоклися, а чтобъ той присяги не чинили, а служили бъ владѣлцамъ, кіями нѣкоторихъ козаковъ били.

9.

Чрезъ какое небреженіе должностей своихъ и чрезъ видимое неисполненіе В. І. В—ва указовъ многимъ числомъ козаки не токмо подпомощики, но и виборные, какъ сами, такъ и грунта ихъ розними образи завладѣнни напрасно, протчіе же многіе в протекцію в'зяти неналежно, а указамы В. І. В—ва всемирно подтверждаютъ в'полномъ комплектѣ имѣть виборнихъ козаковъ, и тѣхъ содержать по указной формѣ во всякой воинской исправности и в умундированіи в'дву достойнихъ лошадяхъ, чимъ оные козаки ради предьписаннихъ разорителнихъ от владѣлцовъ происходящихъ, а от канцелярій допущаемихъ причинъ, и что в обидахъ своихъ не получаютъ правосудія и справить себе в'полный комплектъ не могутъ, и всегда умаляются, и тако канцеляріи, самы в томъ состоя, разоряютъ козаковъ и разорять владѣлцамъ допущаютъ, а за неисправносты виборнихъ козаковъ на насъ сотенныхъ комендирахъ спрашиваютъ и репримандуютъ.

10.

Что же всемилостивѣйшимы В. І. В—ва указамы виборные козаки, респектомъ войсковихъ (службъ?) и респектомъ содержанія онимы фарностовъ безпрестанно, и протчінхъ служебъ от сустентаціи консистентовъ уволненны, а козаки жъ подпомощнки къ той же сустентаціи кладутся два противъ одного посполитого, то и той дабели самы оные подпомощики знесть не могутъ за крайнимъ убожествомъ своимъ, за разореніемъ и умаленіемъ ихъ числа. Якое ихъ подпомощиковъ несостояніе видя, виборные козаки принужденны в той сустентаціи консистентовъ имъ подпомощикамъ в'спомощество-

ваніе чинить, которое и дѣйствително чинять. И тако подпомощики скудныхъ виборныхъ козаковъ в'лошадяхъ, в руж'и и в плать'и, харчахъ и в'протчіихъ воинскихъ потребностяхъ подпомогая и сами в службахъ безпрестанно обретаясь, виборніе же козаки имъ подпомощикамъ в сустентаціи консистентовъ и в'протчіихъ в'спомоществуя в'крайнее оскудѣніе и в неспособность къ службѣ В. І. В—ва приходять, да и тотъ наборъ виборныхъ козаковъ в'сотняхъ учиненъ не по пропорціи дворового числа и не по стат'ямъ имуществъ, но смотря на ростъ и природу в наборъ положенны з'весма убогихъ и нищихъ козаковъ.

11.

Нѣкоторіе владѣлцы, чувствуя В. І. В—ва всемилостивейшіе указы, отдали были скупленныхъ оными козаковъ подъ сотнѣ, кои козаки и на вѣрность В. І. В—ву къ присягѣ приведены и дѣйствително В. І. В—ву служать в'козакахъ, и таковихъ козаковъ по челобит'ямъ тихъ же владѣлцовъ канцеллярія указами обратно владѣлцамъ тѣмъ же в'подданство.

12.

Высочайшимы В. І. В—ва указамы велено владѣлцамъ объявлять козаковъ у нихъ в'подданствѣ имѣющихся, а коихъ бы владѣлци не объявили, то велено самымъ козакамъ себе объявлять. Владѣлци же не токмо не являютъ самы козаковъ при сочиненіи ревѣзіи дворового числа, но еще, ежели кто самъ себе объявить ревѣзорамъ козакомъ, таковыхъ козаковъ при техъ же ревизорахъ бютъ нещадно, устрашая, чтобъ себе козаками не являли, но были б в'подданствѣ. А канцеллярія таковыхъ же козаковъ, забивъ в колодки, велять привозить в канцеллярію подъ карауломъ и принуждаютъ ихъ дать подписки, чтобъ владѣлцамъ были подданнімы, а за протчіимы козакамы, кои бютъ челомъ о козачествѣ, с канцеллярій посилаютъ нарочныхъ по інструкціямъ бить ихъ за то кіями, коихъ и б'ютъ какови бѣдствіи и народніи разоренія (весма чаятелно) и в протчіихъ сотняхъ и полкахъ чинятся. Да кромѣ тѣхъ вышеизображенныхъ и протчіе непорядки и неисправности по указнимъ общенароднимъ расположеніямъ в канцеллярія происходятъ. А что опредѣлены денежки на необходимые потребности коммисарскіе, яко то на паперъ, на чернило, на сургучъ, на свѣчи и на протчіе нужди, с'обывателей от порцій и рацій собираеміе по единой денежки, то и тѣ в канцелярію взимаются и невѣдомо куда употребляются.

13.

Владѣлцы в'даннихъ имъ деревнях грунта, коимы козаки нынѣ владѣютъ, а тѣ грунта были прежде владѣнія техъ владѣлцовъ и за мужикамы, по свободной же куплѣ достались козакамъ прежде техъ владѣлцовъ владѣній, а нѣкоторія хотя и за владѣнія техъ владѣлцовъ, токмо издавна индѣже и за позволеніемъ владѣлцовъ купленніе, нынѣ гвалтомъ отбираютъ безденежно без'всякаго указа. А многіе уже грунта и пахатніе поля з'имѣвшимися на нихъ засѣвы и з жатою пашнею безденежно и поотбирали; напротиву же того грунти, кои нынѣ под мужикамы, а были тѣ грунта прежде по свободной же куплѣ и за козакамы, обратно козакамъ не отдаютъ и темъ службу козачую не токмо умаляютъ, но и весма разоряютъ; да оны жъ владѣлцы возбраняютъ шинки содержать и в таковыхъ селахъ и деревняхъ, с конхъ в селѣ или деревнѣ весма малимъ числомъ дворовъ ихъ мужичихъ, а напротиву того козачихъ доволное дворовое число имѣется. С которихъ шинковъ козаки ползу имѣютъ и указанные повинносты отбуваютъ, ис техъ шинковъ они жъ владѣлци забираютъ самоволно питейные рѣчи, и тѣмъ ихъ козаковъ безмѣрно обижаютъ.

14.

Да оные жъ владѣлцы многимы козачими грунтамы завладѣли напрасно таковимъ образомъ: когда подданій его владѣлцы возметъ себѣ в'жену наслѣдницу грунтовъ козачихъ, таковими грунтами козачимы многимы они владѣлцы и нынѣ владѣютъ.

15.

В силѣ Высочайшихъ В. І. В—ва многихъ указовъ и по силѣ правъ всемилостивѣйше повелено—не бивъ челомъ первѣе по порядку в нижныхъ правленіяхъ и канцеллярiяхъ, в коихъ кто судомъ и расправою вѣдомъ, в вышшіе канцеллярiи челомъбытень и доношеній по челобитческимъ дѣламъ не подавать, а по подаваемымъ не чиня никакого произвожденія, отсилать по порядку в нижніи правленіи и канцеллярiи по тому жъ, где кто вѣдомъ для разсмотрѣнія и рѣшенія, вышшихъ же канцеллярій правители, не смотря на то, за прихоти свои челобитніи и доношеніи принимаютъ непорядочно и по онимъ произвожденія чинятъ неналежно с великою волокитою и помѣшателствомъ судовъ, да сверхъ того, ежели бедной козакъ б'етъ челомъ по земству на которого силного и богатого владѣлцу, то

канцеллярiи в судъ сотенный, къ коему суду то земство по правамъ надлежитъ, таковихъ и не допущають, но самы по страстямъ с'немалою обидою и с'крайнимъ разореніемъ челобитчиковъ судятъ в отмѣнность малороссійскимъ правамъ.

16.

О каковыхъ и протчіихъ многихъ нуждахъ, бѣдствіяхъ и разореніяхъ козачіихъ, хотя многіе самы козаки и многократно были челомъ, и мы нижайшіе по присяжной нашей должности, зная о томъ всемылостивѣйшые В. І. В—ва высочайшіе указы, представляемъ такъ в'полковую Чернѣговскую, яко и в'Енаралную Войсковую канцеллярію, однако кроме единой волокити ничего никто не получилъ, а от иннихъ з насъ и представленнія о козачіихъ нуждахъ в'Енералную Войсковую канцеллярію посиланнихъ не принято.

17.

А что инные з сотниковъ и з сотенной старшини полку Чернѣговского на семъ нашемъ всеподданѣйшемъ доношеніи не подписались, то знатно тѣ, за собою тоже касаючоеся къ скуплямъ и къ другимъ обидамъ козачимъ чувствуя, подписатись здесь не похотѣли.

Всемилостивѣйшая Государыня просимъ В. І. Величества поданнихъ отъ вышеприписанних тяжестей и от мужичихъ повинностей, и от налоговъ и зборовъ, прежде небывалихъ, и от владѣлческихъ разореній освободить, а о подверженнихъ в'отмѣнность какъ предковъ В. І. В—ва, такъ Вашего жъ І. В-ва всемылостивѣйшихъ многихъ указовъ и о завладѣнних козакахъ, и ихъ козачіихъ от владѣлцовъ разними образы грунтахъ (с чего умаленіе служби козачей происходитъ) и о протчемъ, в семъ доношеніи нашомъ изображенномъ всемилостивѣйше повелѣть мимо полковую Чернѣговскую и Войсковую Енералную канцеллярiи, такожде мымо судъ войсковій генералный изслѣдовать нарочно опредѣленнимы от высочайшой В. І. В—ва персоны. При какомъ слѣдствіи и намъ всѣмъ здѣсь подписавшимся купно во всякой сотнѣ быть приказать, ради праведнаго и безпоноровочнаго слѣдствія, а паче для того, что в разныхъ сотняхъ разные обиди и разоренія от сплныхъ владѣлцовъ за поноровкою старшинскою козакамъ приключенны, и чтобъ тѣ обидимые без'опаснѣе, какъ от канцеллярій, такъ и от онихъ владѣлцовъ обиди свои

представлять и доказателствамы утверждать могли; а тѣмъ опредѣленнимъ для слѣдствія всемилостивѣйше повелѣть, дабы они от насъ нижайшихъ представленія о всѣхъ козачихъ нуждахъ и от обиженнихъ козаковъ челомъбитные доношенія и доказательства, безъ всякихъ из'ятій и затѣскъ принимая, разсматривали, да и полковая Чернѣговская и войсковая енералная канцелляріи, такожъ и судъ войсковый енералный ни единого з насъ никуда не отлучали б и в коммисіи во время произвожденія о томъ слѣдствія не опредѣляли бъ височайшимъ В. І. В—ва указомъ запретить, ибо бедніе козаки, яко весма без'гласніе з'силнимы владѣлцамы и старшинамы сами о себѣ ничтоже успѣютъ, но всегда в'своихъ праведнихъ искахъ и доказателствахъ предъ ними силними владѣлцамы и старшинамы, какъ прежде оставались, так и нынѣ остатся могуть.

Всемилостивѣйшая Государыня просимъ В. І. В—ва о семъ нашемъ доношеніи рѣшеніе учинить. Писано сіе доношеніе 1744 году августа дня.

К сему доношенію руку приложилъ Андрей Полянскій сотникъ Синявскій

К сему доношенію Сосницкій сотникъ Павелъ Полѣтанскій руку приложилъ

К сему доношенію Бѣлоускій сотникъ Даміанъ Малѣжскій руку приложилъ.

К сему доношенію сотникъ Ройскій Леонтій Бакуринскій руку приложилъ.

К сему доношенію сотникъ Менскій Григорій Кузмѣнскій подписался.

К сему доношенію сотнікъ Волиский (sic) Романъ Журба руку приложивъ.

К сему доношенію сотникъ Городницкій Іванъ Пиратинскій руку приложилъ.

К сему доношенію сотнѣ Синявской вмѣсто наказного сотника Петра Петрова и за себе писаръ тоей же сотнѣ сотенний Кондратъ Яновскій подписался.

К сему доношенію сотнѣ Синявской хоружій Іванъ Борисенко за себе и за асаулу сотенного яко неграмотного Івана Кобеляка своеручно подписался.

Сотникъ наказний Менскій Іванъ Троцкий подписался.

Атаманъ городовий Менскій Кирило Оникѣевъ.

Писаръ сотений Менскій Михайло Барановский подписался.

К сему доношенію атаманъ городовий Сосницкий Іванъ Можчинъ руку приложилъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СВОЕВРЕМЕННО ВЫШЛА

МАРТОВСКАЯ КНИГА ЖУРНАЛА **„ВОСХОДЪ“.**

Содержаніе: I. Эдемъ. Изъ библейскихъ мотивовъ. В. Гюго. Стихотвореніе. **О. Чюниной.**—II. Сендеръ Глатейзъ. Романъ. Переводъ съ рукописи. Книга первая, гл. VI, книга вторая, гл. I—II. **К. Э. Француза.**—III. Историческая справка о синагогахъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ въ Россіи до Царствованія Александра II. (Читано въ засѣданіи Коммисіи по исторіи евреевъ при обществѣ распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи). **А. Я. Гаркави.**—IV. Очеркъ Исторіи Евреевъ въ Англіи. **Б. Фербера.**—V. Дѣти Гетто. Романъ въ двухъ книгахъ. **И. Зангвилля.** Гл. IX. Голландка Дебби.—Гл. X. Молчаливое семейство.—Гл. XI. Балъ въ праздникъ Пуримъ. Пер. съ англійскаго **С. Л. Федоровичъ.**—VI. Р. Саадія Гаонъ. (Къ тысячелѣтнему юбилею его рожденія). Опытъ характеристики его произведеній. **Г. Г.**—VII. Изъ Пророковъ. Стихотвореніе. **Н. П. Аксанова.**—VIII. Каинъ. Стихотвореніе. **Л. Гроссмана.**—IX. Іудейская война. Соч. Іосифа Флавія. Съ введеніемъ и примѣчаніями переводчика **Я. Л. Чертона.** (Въ особомъ приложеніи въ концѣ книги). Современная лѣтопись. X. Евреи современной Италіи. I. Общественные дѣятели. II. Распредѣленія еврейскаго населенія. Еврейскія общины. **Л. Руснина.**—XI. Литература и Жизнь. Нѣсколько страницъ изъ романа П. Боборыкина: „Перевалъ“.—„Жидъ“ въ бесѣдахъ въ московской интеллигенціи.—Безнаправленцы и ихъ вожделѣнія.—Литературный маскарадъ: престарѣлый Марсъ и прекрасная еврейка бесѣдуютъ объ еврейскомъ вопросѣ.—„Бесѣды и письма свѣтскаго человѣка о предметахъ несвѣтскихъ—Миссіоверъ-доброволецъ и его кроткая проповѣдь любви.—Какъ разрѣшить еврейскій вопросъ?—Новые прожекты и грезы.—Дружелюбный обличитель „грѣхопаденія“ еврейской интеллигенціи.—Характерная представительница Хама. **Ос. Гр.**—XII. Критика. Евреи и уголовная статистика. Die Juden und die Kriminalstatistik. W. Giese. Leipzig 1893. **Л. З.**—XIII. Библіографія. 1) М. Г. Гершфельдъ. Исторія для еврейскаго народа для еврейской школы и семьи. Ч. I. Отъ сотворенія міра до разрушенія втораго храма Титомъ. Кіевъ, 1893 г. **І. Л. Б—ый.**—2) Бенъ-Аріа. A Welt mit Weltelach. (Міръ и мірки). Вильна, 1893 г. **Г. В.**—XIV. Подвижной каталогъ конторы „Восхода“.

ЦѢНА на годъ журнала „Восходъ“ и газеты „Недѣльная Хроника Восхода“ **10** р., на полгода **6** р., на 3 мѣс. **3** р. За границей на годъ **12** р., на полгода **7** р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ

1 Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р., и къ 1 Іюля р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель А. Ландау.

Въ конторѣ редакціи „Восхода“ поступили въ продажу новыя книги:

ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМЪ

Анатоля Леруа-Болье

Члена Французской Академіи.

Переводъ Э. К. Ватсона и Р. И. Сементковскаго.

Содержаніе: Предисловіе автора.—Нареканія на евреевъ: I. Нареканія религіозныя.—II Нареканія національныя. Евреи какъ раса и племенныя особенности.—III. Физіологія и психологія еврея.—IV. Національный духъ евреевъ и направленіе ихъ ума.—V. Еврейскій сепаратизмъ и космополитизмъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 1 руб. 75 коп.